

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

**№4(34)
2012**

Москва 2012

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Goldman,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсева, Н.Т. Ерегина,
Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Костров,
А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев, А.М. Пашков,
В.Н. Пискун, В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов,
О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина, В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вестник, 2012
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe,
O. Khlevnyuk, T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov,
T. Krasovitskaya, A. Krushelnitskiy, N. Kulinich, V. Minaev, A. Pashkov,
V. Piskun, V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Tsvetkov**

Publisher **S. Ippolitov**

Cover Designer **A. Nadtochenko**

The Journal is founded in 2000

Quarterly journal

Address:
6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

Subscription index
Under the catalogue of «Rospechat'»: 36574

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2012
© by Russian State University
for the Humanities, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Асташов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны 6
- Кириллова Е.А.* «Всех уволить немедленно»: оптанты на советской службе (из истории коммунального хозяйства Петрограда начала 1920-х гг.) 19
- Крыжан А.В.* Обыватель и советская юстиция: из опыта использования политической демагогии в повседневном общении с властью (Курская губерния, 1920-е гг.) 38

Антибольшевистская Россия

- Исповедников Д.Ю.* Освещение дальневосточного приграничья разведкой штаба Иркутского военного округа (1918 – 1919 гг.) 48

События и судьбы

- Таймасова Л.Ю.* Тайны Ливонской войны: герцог Магнус Голштинский, Московская компания и английская контрабанда через русское «оконце в Европу» 58

У книжной полки

- Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии: Завоевания и преобразования; *Кикнадзе В.Г.* Невидимый фронт войны на море: Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века; *Котюков К.Л.* Роковое разделение: Русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии. 113
- Содержание, авторы, аннотации 134
- Contents, Authors, Abstracts 139

CONTENTS

Articles

- A. Astashov* Self-mutilation and Sham Illnesses in the Russian Army during the World War I 6
- E. Kirillova* “All Must Be Fired Immediately”: Optants in Soviet Civil Service (from the history of municipal economy of Petrograd in the early 1920’s) 19
- A. Kryzhan* A Common Citizen and Soviet Justice: On the Use of Political Demagoguery in Daily Communication with the Authorities (Kursk Province, 1920s) 38

Anti-Bolshevik Russia

- D. Ispovednikov* Intelligence Operations of Irkutsk Military District’s Headquarters in Russia’s Far East Borderline Areas 48

Landmarks in Human History

- L. Taimasova* Secrets of the Livonian War: Duke Magnus of Holstein, the Muscovy Company and English smuggling operations across the Russian “little window” to Europe 58

Book Reviews

- Glushchenko E.A.* Rossiya v Sredney Azii: Zavoevaniya i preobrazovaniya; *Kiknadze V.G.* Nevidimyy front voyny na more: Morskaya radioelektronnaya razvedka v pervoy polovine XX veka; *Kotyukov K.L.* Rokovoe razdelenie: Russkaya voennaya emigratsiya v period Velikoy Otechestvennoy voyny na okkupirovannykh territoriyakh Sovetskogo Soyuza i Yugoslavii. 113

- Contents, Authors, Abstracts 139

А.Б. Астахов

ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВО И СИМУЛЯЦИЯ БОЛЕЗНЕЙ В РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Членовредительство и симуляция болезней – одна из наименее изученных страниц истории русской армии в период Первой мировой войны. Эти виды воинских правонарушений были характерны для русской армии и в мирное время, главным образом при призыве на военную службу. Почти всегда они сводились к «искусственным» (искусственно вызванным) болезненным состояниям различных органов: опухолям, флегмонам (гнойным воспалениям), грыжам, прободениям барабанных перепонок и т.п. При этом различные членовредительства были характерны для определенных местностей: в одной преобладали «искусственные» опухоли, в другой – флегмоны, в третьей – грыжи. Это указывало на определенную специализацию, развитие «промысла» членовредительства, связанного с военной службой.

Подобного рода дела в мирное время составляли, например, по Киевскому, Петербургскому и Варшавскому военным округам 7% военно-судных дел. С началом Русско-японской войны при объявлении мобилизации произошло значительное увеличение количества случаев членовредительства и симуляции. Основными их видами (83% всех случаев) являлись повреждение и болезни рук – 32%, органов слуха – 29%, голени – 10%, глаз – 12%. Но и после войны членовредительство при призыве в армию продолжалась. Согласно отчетам военно-санитарной администрации за 1907–1909 гг., оно составляло 1 человек на 4 тыс., то есть около 350 человек в год (в расчете на всю армию мирного времени). В армии военного времени, полагали, будет 10–15 тыс. членовредителей¹.

С началом Первой мировой войны произошло значительное увеличение количества случаев членовредительства и симуляции. Это было вызвано как массовой мобилизацией, так и быстро распространявшимся нежеланием погибать «за Веру, Царя и Отечество». Свою роль сыграло и увеличением доли «преступного элемента» в армии: будучи призванными, преступники активно распространяли свои собственные способы ухода от выполнения обязанностей перед обществом и государством. Широкое

распространение членовредительства сразу ощутили военные врачи, как в призывных комиссиях, так и на самом фронте².

Военно-медицинская классификация членовредительства выделяла симуляцию болезней с повреждением целостности кожи и подлежащих тканей (парша, свищи, контрактуры, отеки) или без них (ушибы, отеки, травматические атрофии конечностей, особенно пальцев, растяжения, грыжи и т.п.), кожные болезни. Членовредители наносили себе раны резаные, колотые, огнестрельные, ушибленные. Кроме того, они симулировали болезни внутренних органов (бронхит, туберкулез, язву желудка, катар кишок, нефрит, цистит, уретрит, диабет, желтуху, болезни сердца), нервные болезни (чаще всего падучую), болезни глаз (конъюнктивит, лейкому, язву роговицы, катаракту) и уха (прободение барабанной перепонки, катар слухового прохода). Наконец, «подделывали» здоровые корни зубов под больные, спиливали зубы. Широко распространился «комбинированный подход», когда несколько «искусственных» болезней сочетались с симуляцией еще нескольких других³.

Возник даже такой метод нанесения вреда своему здоровью с целью уклонения от военной службы, как специальное заражение себя венерическими болезнями. В «поисках» этих заболеваний военнослужащие ездили в крупные города (Полоцк, Двинск, Минск и прочие). Из этого, как указывал и.д. начальника штаба Северного фронта генерал М.Д. Бонч-Бруевич в феврале 1916 г., «можно заключить, что явление это носило стихийный характер и могло создать открытый торг как сифилисом, так и триппером... А последнее обстоятельство несет неисчислимый ущерб рядам действующих армий»⁴.

До войны военными медиками предполагались и ожидалось определенные «национальные» виды членовредительства: у евреев и поляков – травмы барабанной перепонки, у грузин – грыжи, у евреев, грузин и поляков – парафиномы (введение под кожу парафина), у русских – «порубы» пальцев. Но с началом мировой войны произошла «интернационализация» членовредительства, его распространение на другие народы: среди мусульман распространились повреждения барабанной перепонки, изъязвления голени и парафиномы, у эстонцев – парафиномы и болезни, вызывавшие флегмоны⁵.

Членовредители проявляли большую изобретательность, даже замысловатость в предъявлении «искусственных» болезней, что требовало серьезной медицинской экспертизы для их распознавания. По всей видимости, помогали им опытные, знающие членовредители, отслеживавшие малейшие изменения в «Расписании болезней», освобождавшем от воинской службы⁶. Так, членовредители быстро отреагировали на ст. 54 «Расписания болезней». Согласно ей, от военной службы освобождались лица, у которых окажется отсутствие более 10-ти зубов в одной челюсти или 14-ти зубов в двух, причем зубы мудрости в счет не шли. В статье

указывалось, что за отсутствие зуба считается зуб, испорченный кариозным процессом, а это давало возможность членовредителям имитировать кариес, а также играть на противоречиях внутри комиссии, когда одни ее члены признавали процесс кариозным, а другие – нет. Все это создавало почву для давления на комиссию или подкупа ее членов. Среди населения распространялись целые списки способов уклонения от военной службы путем членовредительства. Военная цензура не разрешала печатать такие списки, дабы пресечь распространение членовредительства как способа «бегства от войны»⁷.

В сущности, в армии, особенно в призывных комиссиях, был представлен весь опыт населения России не только по уклонению от военной службы, но и по получению незаслуженных льгот, ради чего и применялись в мирной жизни членовредительство и симуляция болезней. Армия столкнулась с массовой практикой членовредительства, что требовало особой организации врачебной экспертизы еще на призывных участках. Однако в борьбе с членовредительством, «этим тяжелым крестом военных врачей», существовали серьезные недостатки, начиная с отсутствия изданного руководства по распознаванию случаев членовредительства на фронте. Первоначально функцию экспертизы взяли на себя врачи госпиталей военных округов на театре военных действий, поскольку многие случаи членовредительства и симуляции предъявлялись только после «обмена опытом» членовредителей в запасных батальонах⁸.

И до войны существовали трудности с проведением судебно-медицинской экспертизы при выявлении симулянтов и членовредителей. В некоторых случаях для распознавания членовредительства требовалось проведение научных опытов, ставших предметом обсуждения в научных журналах⁹. В связи же с отменой или видоизменением редакции многих статей «Расписания болезней» изменились и «подделки» болезней, что требовало быстрой перестройки дела экспертизы.

Особенно легко обходили экспертизу, созданную на предмет выявления членовредительства или даже простой симуляции, в тыловых учреждениях и в запасных батальонах при увольнении нижних чинов в отпуск. В госпиталях действовало распоряжение увольнять на родину выздоровевших после ран, контузий, болезней. Начальники тыловых учреждений и командиры запасных батальонов также увольняли в отпуск нижних чинов на этом основании. Поэтому солдаты притворялись больными, поступали на несколько дней в госпиталь, откуда добивались увольнения в отпуск наравне с ранеными. Некоторые из этих членовредителей уже отбыли шестимесячные отпуска, данные им для восстановления здоровья как больным. У некоторых из них имелись свидетельства о той или иной болезни, от которой они якобы лечились у частных врачей или в лечебных заведениях, включая университетские клиники¹⁰.

Полной статистики членовредительства и симуляций в русской армии за мировую войну составлено не было. Но отрывочные подсчеты по некоторым госпиталям сохранились. И даже они внушали медицинским работникам серьезную тревогу. Так, в 323-м полевом запасном госпитале на осень 1915 г. было 80 членовредителей, а в 1-м сводном госпитале их пребывало больше 100. Некоторые партии призванных, прибывшие на медицинское обследование от уездных воинских начальников, насчитывали до 12 % симулянтов и членовредителей. Военные власти полагали, что на фронте членовредительство не примет большого распространения, надеясь, что можно будет одолеть его еще «на подступах к передовой». Для этого в военных госпиталях был введен крайне строгий режим по отношению к возможным членовредителям и симулянтам: обыски, допросы, постоянный присмотр¹¹.

В действительности произошло резкое увеличение количества членовредительства, даже по сравнению с ожидаемым. Так, среди призванных евреев в начале 1915 г. в Невеле почти у 2/3 было отмечено членовредительство. Эти призывники применяли искусственное прободение барабанной перепонки, а также уродовали себя долгим ношением «сильных» очков при вполне нормальном зрении, изнурили себя продолжительным голоданием для развития острого малокровия, воспроизводили грыжи искусственным расширением пахового кольца, симулировали ограниченную подвижность больших суставов конечностей и даже производили «выворот ног из суставов». В результате в целом из лиц еврейской национальности на этом участке призывали только 50 %¹². Но и на других призывных участках, а затем и в армии наблюдались массовые случаи симуляции и членовредительства, главным образом у евреев¹³.

Распространение членовредительства происходило и среди новобранцев коренных национальностей. Как уже говорилось, у различных народов были свои особенности членовредительства и симуляции. Так, евреи предпочитали «болезни», которые предполагали «обратимость болезненных явлений» или излечение: зубы можно было заменить протезами, различные нагноения проходили и т.п. Даже при самозаражении венерическими болезнями евреи не пользовались услугами проституток, но делали это главным образом посредством перенесения гнойной капли из одного мочеиспускательного канала в другой. Тем самым они избегали риска заболеть сифилисом, ограничиваясь перелоем (гонореей), что все таки давало право на эвакуацию из района военных действий¹⁴. У солдат из прибалтийских губерний (эстонцев, немцев) наблюдались случаи введения под кожу инородных тел¹⁵. У солдат из числа великорусских крестьян основной формой членовредительства были «порубы» частей тела невзирая на последствия. Как правило, они ссылались на случайность нанесения ран при хозяйственных работах, что крайне трудно было опро-

вергнуть. Следствие по этим делам часто затягивалось, а после февраля 1917 г. и вовсе прекращалось¹⁶.

Наиболее распространенным видом членовредительства были самострелы («самопалы»). Врачи считали самострелы феноменом, означавшим распространение практики членовредительства на широкие слои воинского контингента. Самострелы в русской армии случались еще во время Русско-японской войны. В Первую мировую войну «самопалы», как правило в ладонь, появились уже в первые месяцы военных действий. Они воспринимались как эксцессы, как проявления упадка духом, трусости, паники, произвольных отступлений, попыток скрыться в госпитале и т.п. Случаи «самострельства», как и случаи паники в частях, бегства с позиции, мародерства, бывали и позднее, той же осенью 1914 г. Эти случаи связывали с тем, что теперь в армии «не настоящие солдаты, а бог знает кто». Хотя уже в это время встречались случаи «саморанения» у офицеров.

Глубокой осенью 1914 г. с фронта продолжали сообщать о большом количестве «саморанений» наряду с другими заболеваниями, в том числе психическими расстройствами. В это время, по свидетельству полковых врачей, «самострелы» составляли до 5-ти человек в полку ежедневно. Большею частью стреляли в пальцы, «кто поумнее» – в указательный палец правой руки, большинство же – в левую руку. Согласно свидетельствам офицеров, основным способом «саморанения» являлось умышленное высовывание из окопов левой руки, чтобы пули попали им в пальцы. Начальство считало это явление если не массовым, то все же заразительным, захватившим даже кадровых офицеров. Порою в офицерских письмах с Кавказского фронта сообщалось о саморанениях среди армянских солдат. Летом 1915 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал М.Д. Бонч-Бруевич констатировал: случаи ранений в ладонь и пальцы рук участились. Самострелы продолжались и далее, уменьшаясь в периоды наступательных успешных действий (во время Брусиловского прорыва) и увеличиваясь в периоды тяжелой позиционной войны или «угнетенного» настроения в войсках (осенью – зимой 1916–1917 гг.)¹⁷.

Несмотря на многочисленные свидетельства врачей и командования частей, следственные материалы военных судов, статистика самострелов остается до сих пор неразработанной. Свидетели с мест говорили о большом количестве таких случаев. Например, согласно Д.А. Фурманову, служившему в 1915 г. санитаром на Западном фронте, в некоторые дни на «палечников» приходилось 50–80 % всех раненых, половину из которых он называл «жульем»: они путались в показаниях, слишком картинно стонали и т.п. Врачи указывали и некоторые характерные приемы «саморанения»: при выстрелах обертывали руку мокрой тряпкой, чтобы не оставлять ожогов, или стреляли через доску, а то и две доски, в результате

чего получался гладкий огнестрельный канал. Другие проделывали дырку в жестяной коробке, приставляли ее к руке и сквозь дырку направляли дуло. Были и случаи, когда выставляли руку и махали ею над окопами. «Способов много, а узнавать – чем дальше, тем труднее», – добавляет Фурманов. Особенно странно было появление массы «палечников» в периоды, когда не было никаких боев¹⁸.

Скрытию членовредительства способствовала особенность современной войны: 60–70 % ранений приходится на конечности. Однако общее количество членовредителей можно рассчитать как разность между зафиксированным количеством «легкораненых» (главным образом в верхние конечности) и «обычным» процентом попаданий в эту часть тела. Последний в годы Русско-японской войны составлял в русской армии 28–39 %, в годы Первой мировой – 31–37 % в американской и французской армиях, еще меньше – в английской и германской¹⁹. Таким образом, в среднем «обычное» число ранений в верхние конечности составляло 25–35 % от всех ранений. В русской же армии в годы Первой мировой войны количество ранений в верхние конечности составляло от 45 % до 55,8 %, а в среднем, по данным Оппеля, 51,84 %²⁰. Таким образом 10–16 % (сверх «обычных» 35 %) «легкораненых» являлись следствием «саморанений», что составляет от общей цифры в 2 588 538 раненых за войну²¹ 260–400 тыс. «палечников».

Военное начальство сознавало проблему членовредительства и симуляции и пыталось ее решать сначала законодательными средствами. 10 октября 1914 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н.И. Иванов запросил главноверха вел. кн. Николая Николаевича о «принятии решительных мер против развившегося среди нижних чинов армии, по видимому, умышленного членовредительства путем огнестрельных поранений в руки». И уже 16 октября был издан приказ главноверха № 194 об изменении соответствующей (245-2) статьи Воинского устава о наказаниях. Теперь «за умышленное причинение себе непосредственно или через другое лицо, с целью уклониться от службы или от участия в боевых действиях, огнестрельных или иных ранений, повлекших за собою увечье или повреждение здоровья, хотя бы даже лишь временно воспрепятствовавшее исполнению служебных обязанностей, виновный подвергался: а) во время войны в районе военных действий – лишению всех прав состояния и смертной казни, или ссылке в каторжные работы от 2 до 20 лет или без срока; б) в виду неприятеля – лишению всех прав состояния и смертной казни». 28 октября главноверх запросил военного министра об утверждении этой меры в законодательном порядке, на что 9 ноября было получено одобрение императора Николая II²².

Однако эти грозные статьи военно-уголовного законодательства не работали, вероятно, по той же причине, по какой командование не решалось предавать военно-полевому суду тысячи солдат за побеги в плен или

за дезертирство²³. Сохранилось всего лишь несколько сот военно-судебных дел о членовредительстве, большинство которых вообще не было закончено к Февральской революции, когда эти дела были просто прекращены, или по этим делам выносились оправдательные приговоры. Неудача привлечения к суду членовредителей вызвала предложение военного командования лишать семьи членовредителей продовольственных пайков²⁴. Надо полагать, и эта мера не возымела большого действия: сложно было доказать сам факт членовредительства, а явных членовредителей угроза наказания родных не очень беспокоила.

Тогда командование некоторых фронтов стало принимать собственные меры. Так, главный начальник снабжений Юго-Западного фронта генерал Е.Ф. Эльснер своим приказом № 1257 осенью 1915 г. повелел возвращать в строй всех нижних чинов, раненных в пальцы рук. Эшелоны с «палечниками» не пропускались дальше Рудок в Восточной Галиции. Здесь их разгружали, «палечников» подлечивали в специально развернутом с этой целью полевом подвижном госпитале и вскоре отправляли обратно в окопы²⁵. Подобное же приказание содержалось в телеграмме № 1743 от 29 сентября 1915 г. дежурного генерала Ставки.

Такие распоряжения вызвали споры среди военных. Противники подобных мер, оставаясь на почве действующего «Расписания болезней», указывали, что нижние чины без 2–4-х пальцев на руке совершенно не годны к военной службе не только к строевой, но и к нестроевой, а в некоторых случаях они могут даже нуждаться в посторонней помощи. «Присутствие таких нижних чинов в армии было бы для армии лишним бременем, требуя лишь непроизводительного расхода на различные виды казенного довольствия для таких людей», – указывал начальник Главного военно-санитарного управления доктор медицины А.Я. Евдокимов дежурному генералу Ставки в своем письме 23 ноября 1915 г. Существовала и другая опасность: присутствие рядом «палечников» могло вызвать недовольство тех, кто действительно потерял пальцы в боях, и «послужило бы поводом для лиц политически неблагонадежных сеять недовольство среди здоровых в предвидении возможности получения и ими подобных увечий в делах с неприятелем». Наконец, опасение вызывала вероятность попадания таких солдат без пальцев в плен: это дало бы противнику хорошие козыри в антирусской пропаганде²⁶.

В результате в 1916 г. легко раненных, которых в приказах прямо называли «палечниками», оставляли при полковых обозах 2-го разряда в составе нестроевых команд, поручая медицинское наблюдение за ними врачу полка. В то же время многие из тех, кто нанес себе «саморанения» в руки, ладони и пальцы, заполняли госпитали наравне с теми, кто получил такие же ранения в боях. Такая несправедливость приводила к случаям, когда некоторые командиры позволяли себе бить прямо в лазаретах тех

солдат, за которыми они не признавали честного боевого ранения в руку, со словами: «Этот мерзавец ловил пулю, лишь бы уйти из окопов»²⁷.

Главное значение в проведении мер против членовредительства имела постановка дела врачебной экспертизы, которая и могла бы стать доказательной базой в военно-полевых судах над «палечниками». Ведь самострелы, вообще огнестрельные «саморанения», легко распознавались как таковые, поскольку оставляли следы в виде копоти на коже и порошинок в ней при специфической форме раны (при выстреле в руку в упор или на самом близком расстоянии – характерную Х-образную форму раны ладони), вообще рваные раны, обожженные порохом. Особенно важным было проводить такую экспертизу непосредственно на фронте, ибо чем свежим будет членовредительство, тем легче оно могло быть распознано. Впрочем, это касалось любых видов членовредительства.

Во время Первой мировой войны существовали специальные организации по экспертизе, но только при военных госпиталях военных округов, где было достаточно квалифицированных врачей. Правда, в военных госпиталях экспертиза, которая часто была связана с научным химическим, бактериологическим и другими экспериментами, не была поставлена на должную высоту. Сказывалась нехватка необходимого оборудования, инструментов, реактивов, приборов для экспертизы часто неизвестных врачам материалов, использовавшихся членовредителями (главным образом, при введении инородных веществ под кожу). В этом случае приходилось обращаться за помощью в университетские лаборатории, что задерживало экспертизу на многие месяцы. А это означало продолжение пребывания симулянтов и членовредителей в местах лечения, то есть, по сути, уклонение от военной службы. Но даже и в случае доказательства симуляции и членовредительства призванного в армию виновный всего лишь возвращался в часть или в воинское присутствие для дальнейшего прохождения службы с назначением наказания властью воинского начальника (несколько месяцев тюрьмы после войны)²⁸.

«Пользование» членовредителей и симулянтов оказалось в руках фронтовых врачей, которые могли бы проявить инициативу в быстром распознавании случаев членовредительства, что давало бы законное право властям привлекать членовредителей к военно-полевому суду. Однако далеко не все из врачей занимали однозначную позицию в отношении к «саморанениям». Одни врачи перевязочных отрядов настаивали на расследовании каждого случая членовредительства путем огнестрельного ранения, обобщали опыт борьбы с членовредительством в медицинских публикациях. Однако появились и сторонники осторожных заключений о членовредительстве. Эти врачи часто уклонялись от заключения, которое могло подвести солдата под приговор к расстрелу, и жаловались: «Строевое начальство требует от нас точного заключения, стоит ли передо мной настоящий раненый или “палечник”». В этих случаях врачи – в силу либо

гуманизма, либо демократических убеждений – оправдывали эти преступления социальными условиями, в которые попал нарушитель закона, считали, что «палачничество» при данных условиях окопной жизни – не более чем «своего рода психоз, результат того, что больные, натянутые нервы наконец сдают и человек идет на все, лишь бы избавиться от этих условий». В результате отсутствия должной и скорой экспертизы непосредственно к членовредительству, главным образом к «самострельству», относились вообще снисходительно, и половина подозреваемых оправдывались. В 1917 г. членовредители, как и «укунтуженные» (новая форма симуляции), вели себя уже откровенно нагло, заполняя госпитали и ведя себя вызывающе, несмотря на недовольство больничного персонала, которому приходилось ухаживать не за настоящими больными и ранеными, а за фактическими изменниками родине²⁹.

Другая аргументация в оправдание умышленного членовредительства заключалась в незнании врачами всей картины ранений, когда тяжелораненные оставались на поле боя, умирали или сдавались в плен, а перевязочные пункты заполняли «палачники», то есть легкораненные. Немалое число врачей вообще отрицало наличие «эпидемий самострелов» и сводило ситуацию к единичным фактам членовредительства. Да и вообще, настаивали представители этой группы врачей, трудно установить факт «саморанения»: мол, доказательство здесь дается совокупностью обстоятельств, среди которых «саморанение» занимает место одного из обстоятельств, «то более утвердительного, то более отрицательного значения»³⁰.

В статьях медиков о ранениях верхних конечностей указывалось, что особенно часто ранятся ружейными и пулеметными пулями указательные пальцы правой руки. Причину этого фронтные врачи видели, основываясь на показаниях самих солдат, в особой роли этого пальца в манипуляциях при ружейной стрельбе³¹. Когда же фронтные врачи сомневались в естественности ранений в случае отрыва указательного пальца при артиллерийском или шрапнельном огне, подобного рода сомнения подавались в печатных трудах как всего лишь врачебная версия, а не установленный факт «саморанения»³².

Таким образом, врачи, в сущности, защищали «палачников», сводя врачебную экспертизу к профессиональной этике, противоречившей в данном случае интересам воюющего государства. При этом врачи ссылались на опыт Запада, где также существовала некоторая склонность к защите солдат от огульного обвинения в членовредительстве. Ведь шла война, и лучше защитить виновного в членовредительстве, нежели обвинить верного своему долгу бойца, – полагали западные коллеги русских врачей. Русские врачи ссылались на опыт борьбы с членовредителями в западных армиях, где на фронте составлялась особая комиссия для рассмотрения случаев членовредительства. В такой комиссии предполагались наличие у

подозреваемого возможности доказать свою невиновность, независимость и компетентность судебной экспертизы³³.

Но в русской армии такая постановка вопроса носила характер затягивания необходимых расследований, приводила к частым случаям неправомерного оправдания членовредителей. Причины тому крылись в российских реалиях мировой войны: нехватка врачебно-экспертного персонала на фронте, плохая материально-техническая база, отсутствие специальной литературы по борьбе с «самострелами», особая позиция значительной части медицинского персонала, а главное – несоизмеримо большее число случаев членовредительства.

Примечания

¹ *Опель В.А., Федоров С.П.* Наставление к определению вероятности саморанения огнестрельным оружием («самострела»). Пг., 1920. С. 4; *Шибков А.И.* Введение в учение о членовредительстве. Ростов-н/Д., [б.г.]. С. 8–9.

Oppel V.A., Fedorov S.P. Nastavlenie k opredeleniyu veroyatnosti samoraniya ognestrelnym oruzhiem («samostrela»). Petrograd, 1920. P. 4; *Shibkov A.I.* Vvedenie v uchenie o chlenovreditelstve. Rostov-na-Donu, [w.d.]. P. 8–9.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 31; *Понов Н.Ф.* Редкий случай членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 3. С. 288; *Кудряшов А.И.* Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. № 9. С. 131–133; *Глебов Д.А.* К вопросу о симуляции новобранцев // Сибирский врач. 1915. № 5–6. С. 49–50.

Russian State Archive of Military History (RGVIA). F. 2000. Op. 1. D. 544. L. 31; *Popov N.F.* Redkiy sluchai chlenovreditelstva // Voенno-meditsinsky zhurnal. 1915. No. 3. P. 288; *Kudryashov A.I.* Simulianty i chlenovrediteli // Vrachebnaya gazeta. 1916. No. 9. P. 131–133; *Glebov D.A.* K voprosu o simuliatzii novobrantsev // Sibirskiy vrach. 1915. No. 5–6. P. 49–50.

³ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 10; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 207–221; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных флегмон // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 36–48; *Свионтецкий И.О.* X-образные раны ладони как признак членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 4. С. 450–454; *Бердяев А.Ф.* Нечто новое в способах членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1914. № 10. С. 343–345; *Кудряшов А.И.* Указ. соч.

Shibkov A.I. Op. cit. P. 10; *Sokolovsky K.K.* K raspoznavaniyu iskusstvennykh povrezhdeniy zubov // Voенno-meditsinsky zhurnal. 1916. No. 3–4. P. 207–211; *Sokolovsky K.K.* K raspoznavaniyu iskusstvennykh flegmon // Voенno-meditsinsky zhurnal. 1916. No. 5–6. P. 36–48; *Sviontetskiy I.O.* X-obraznye rany ladoni kak priznak chlenovreditelstva // Voенno-meditsinsky zhurnal. 1915. No. 4. P. 450–454; *Berdyaev A.F.* Nечto novoe v sposobakh chlenovreditelstva // Voенno-meditsinsky zhurnal. 1914. No. 10. P. 343–345; *Kudryashov A.I.* Op. cit.

⁴ *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131–132; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 543. Л. 21.

Kudryashov A.I. Op. cit. P. 131–132; RGVIA. F. 2031. Op. 2. D. 543. L. 21.

⁵ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 8–9; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131.

⁶ *Шибков А.И.* Op. cit. P. 8–9; *Kudryashov A.I.* Op. cit. P. 131.

Домбровский Э.И. Смещение яичка под кожу паховой области: членовредительство или порок развития? // Военно-медицинский журнал. 1914. № 11. С. 477.

Dombrovsky E.I. Smeshchenie yaichka pod kozhu pakhovoy oblasti: chlenovreditelstvo ili porok razvitiya? // Voенno-meditsinsky zhurnal. 1914. No. 11. P. 477.

- 7 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 319; Ф. 1932. Оп. 5. Д. 7. Л. 562–562об.
RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 544. L. 319; F. 1932. Op. 5. D. 7. L. 562–562v.
- 8 РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. Д. 213. Л. 10; *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 10–16; *Домбровский Э.И.* Указ. соч. С. 485; *Свионтецкий И.О.* Указ. соч. С. 450–454; *Бердяев А.Ф.* Указ. соч. С. 343–345; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных флегмон. С. 36–48; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 133.
- RGVIA. F. 7699. Op. 1. D. 213. L. 10; *Shibkov A.I.* Op. cit. P. 10–16; *Dombrovsky E.I.* Op. cit. P. 485; *Sviontetsky I.O.* Op. cit. P. 450–454; *Berdyayev A.F.* Op. cit. P. 343–345; *Sokolovskii K.K.* K raspoznavaniyu iskusstvennykh flegmon. P. 36–48; *Kudryashov A.I.* Op. cit. P. 133.
- 9 *Михайлов Н.Н.* Двадцать пять случаев искусственного повреждения роговой оболочки у испытуемых новобранцев татар по данным Самарского местного лазарета за 6 лет с 1908 г. по 1914 г. // Военно-медицинский журнал. 1914. № 11. С. 556–571.
- Mikhaylov N.N.* Dvadsat pyat sluchaev iskusstvennogo povrezhdeniya rogovoy obolochki u ispytuemykh novobrantsev tatar po dannym Samarskogo mestnogo lazareta za 6 let s 1908 g. po 1914 g. // *Voenno-meditsinsky zhurnal.* 1914. No. 11. P. 556–571.
- 10 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 158–158об.; *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 18; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131–132.
- RGVIA. F. 2031. Op. 2. D. 553. L. 158–158v.; *Shibkov A.I.* Op. cit. P. 18; *Kudryashov A.I.* Op. cit. P. 131–132.
- 11 *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131–132.
Kudryashov A.I. Op. cit. P. 131–132.
- 12 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 283–283об.
RGVIA. F. 2003. Op. 2. D. 1067. L. 283–283v.
- 13 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3786. Л. 8, 14–14об., 192, 236–237, 359, 366.
RGVIA. F. 2067. Op. 1. D. 3786. L. 8, 14–14v., 192, 236–237, 359, 366.
- 14 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 222–222об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3786. Л. 538–538об.; *Соколовский К.К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов. С. 212.
RGVIA. F. 2003. Op. 2. D. 1067. L. 222–222v.; F. 2067. Op. 1. D. 3786. L. 538–538v.; *Sokolovskiy K.K.* K raspoznavaniyu iskusstvennykh povrezhdeniy zubov. P. 212.
- 15 РГВИА. Ф. 7699. Оп. 1. Д. 213. Л. 10.
RGVIA. F. 7699. Op. 1. D. 213. L. 10.
- 16 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 31; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 283об.; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2, 17–17об.; Д. 208. Л. 66–66об., 96–99; Д. 248. Л. 3, 19об., 39–39об., 48, 75об., 109; Ф. 400. Оп. 15. Д. 4530. Л. 89, 91.
RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 544. L. 31; F. 2003. Op. 2. D. 1067. L. 283v.; F. 16142. Op. 1. D. 191. L. 2, 17–17v.; D. 208. L. 66–66v., 96–99; D. 248. L. 3, 19v., 39–39v., 48, 75v., 109; F. 400. Op. 15. D. 4530. L. 89, 91.
- 17 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 37, 53, 350, 534; Д. 561. Л. 188, 199, 200, 206, 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 496об.; Д. 3863. Л. 254; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2, 17–17об.; Д. 954. Л. 2, 63–63об., 78об.; *Грегори А.В.* Работа перевязочного отряда 23 пехотной дивизии за войну 1914–1917 года // Врачебный вестник: Научный медицинский журнал Вологодского Губернского Отдела Здравоохранения и Рижского военного госпиталя. 1921, апрель – июль. С. 35–36; *Милостанов Н.* О самострельстве и диагностике самострельных ранений // Врачебно-санитарный сборник Украинского военного округа. Харьков, 1924. С. 29.
- 18 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 37, 53, 350, 534; Д. 561. Л. 188, 199, 200, 206, 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 496v.; Д. 3863. L. 254; F. 16142. Op. 1. D. 191. L. 2, 17–17v.; D. 954. L. 2, 63–63v., 78v.; *Gregori A.V.* Rabota perevyazochnogo otryada 23 pekhotnoy divizii za voynu 1914–1917 goda // *Vrachebny vestnik: Nauchny meditsinsky zhurnal Vologodskogo Gubernskogo Otdela Zdravookhraneniya i Rizhskogo voennogo gospitalya.* 1921, aprel – iyul. P. 35–36; *Milostanov N.* O samostrelstve i diagnostike samostrelnykh raneniy // *Vrachebno-sanitarny sbornik Ukrainского voennogo okruga.* Kharkov, 1924. P. 29.
- РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 37, 53, 350, 534; Д. 561. Л. 188, 199, 200, 206, 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 496об.; Д. 3863. Л. 254; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 3–4, 375; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–2об.; Д. 954. Л. 2–2об.; *Оппель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 3, 22–23; *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 8–9; *Ляхов М.Н.* По Галиции, три года назад. [Б.м.], 2002. С. 10–11; *Фурманов Д.* Дневник (1914–1915–1916). М., 1929. С. 125, 126.
- 19 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 37, 53, 350, 534; Д. 561. Л. 188, 199, 200, 206, 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 496v.; Д. 3863. L. 254; F. 2003. Op. 2. D. 1067. L. 3–4, 375; F. 16142. Op. 1. D. 191. L. 2–2v.; D. 954. L. 2–2v.; *Oppel V.A., Fedorov S.P.* Op. cit. P. 3, 22–23; *Shibkov A.I.* Op. cit. P. 8–9; *Lyakhov M.N.* Po Galitsii, tri goda nazad. [W.p.], 2002. P. 10–11; *Furmanov D.* Dnevnik (1914–1915–1916). Moscow, 1929. P. 125, 126.
- Старокадомский Л.* Русско-японская война // Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 4. М., 1948. Стб. 1199; *Оппель В.А.* Очерки хирургии войны. Л., 1940. С. 42; *Опокин А.А.* Хирургия военно-полевых ранений (Опыт империалистической и гражданской войн). Томск, 1931. С. 471; *Шейнис В.* Хирургическая помощь во французской армии в мировую войну 1914–1918 гг. М., 1938. С. 72; *Кричевский Я.Н.* Санитарная служба французской армии во время мировой войны 1914–1918 гг. М., 1939. С. 223; The medical Department of the United States Army in the World War. Vol. XI. Surgery. Part 1. Washington, 1927. P. 4–5.
- 20 *Starokadomsky L.* Russko-yaponskaya voyna // *Entsiklopedichesky slovar voennoy meditsiny.* Vol. 4. Moscow, 1948. Col. 1199; *Oppel V.A.* Ocherki khirurgii voyny. Leningrad, 1940. P. 42; *Opokin A.A.* Khirurgiya voenno-polevykh raneniy (Opyt imperialisticheskoy i grazhdanskoй voyn). Tomsk, 1931. P. 471; *Sheynis V.* Khirurgicheskaya pomoshch vo frantsuzskoy armii v mirovuyu voynu 1914–1918 gg. Moscow, 1938. P. 72; *Krachevskiy Ya.N.* Sanitarnaya sluzhba frantsuzskoy armii vo vremya mirovoy voyny 1914–1918 gg. Moscow, 1939. P. 223
- Савин В.Н.* Первые 100000 больных и раненых нижних чинов, прошедших через Пресненский распределительный госпиталь в Москве за время с 3/X 1914 г. по 20/VII 1915 г. // Русский врач. 1917. № 3. С. 53; *Оппель В.А.* Указ. соч. С. 42.
- 21 *Savin V.N.* Pervye 100000 bolnykh i ranenyykh nizhnikh chinov, proshedshikh cherez Presnenskii raspredelitelnyy gospital v Moskve za vremia s 3/X 1914 g. po 20/VII 1915 g. // *Russkiy vrach.* 1917. No. 3. P. 53; *Oppel V.A.* Op. cit. P. 42.
- Россия в мировой войне 1914–1918 года (В цифрах). М., 1925. С. 25, 30.
- 22 *Rossiya v mirovoy voynе 1914–1918 goda (V tsifrah).* Moscow, 1925. P. 25, 30.
- РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 1–1об., 3, 4, 6, 8; Приказ по Военному ведомству № 29 от 14 января 1916 г. // Разведчик. 1916. № 1318. С. 86; Воинский устав о наказаниях. Пг., 1916. С. 145–146.
- 23 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 1–1v., 3, 4, 6, 8; Prikaz po Voennomu vedomstvu. No. 29 ot 14 yanvarya 1916 g. // *Razvedchik.* 1916. No. 1318. P. 86; *Voinsky ustav o nakazaniyakh.* Petrograd, 1916. P. 145–146.
- Асташов А.Б.* Преступление и право в русской армии (1914 – февраль 1917 года) // Вестник Тверского государственного университета. 2012. № 18. Серия «История». Вып. 3. С. 52–78.
- 24 *Astashov A.B.* Prestuplenie i pravo v russkoy armii (1914 – fevral 1917 goda) // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2012. No. 18. Seriya "Istoriia". Vol. 3. P. 52–78.
- РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 375.
- 25 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 375.
РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 380–381; *Ляхов М.Н.* Указ. соч. С. 11.
RGVIA. F. 2003. Op. 2. D. 1067. L. 380–381; *Lyakhov M.N.* Op. cit. P. 11.
- 26 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 395.
- 27 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 395.
РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 175об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 341.
RGVIA. F. 2067. Op. 1. D. 2935. L. 175v.; F. 2070. Op. 1. D. 365. L. 341.

²⁸ *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 5, 21; *Оппель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 22–23; *Сokolovskiy K.K.* К распознаванию искусственных повреждений зубов. С. 207; *Новиков В.Н.* К вопросу об отеке конечностей после травмы // *Русский врач.* 1916. № 48. С. 1140–1141; *Кудряшов А.И.* Указ. соч. С. 131, 132; *Сokolovskiy K.K.* К распознаванию искусственных флегмон. С. 42; *Дьяконов П.П.* Случай членовредительства с целью уклонения от военной службы // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины.* 1916. № 9. С. 1082; *Милостанов Н.* Указ. соч. С. 30–32; *Колкутин В.В., Соседко Ю.И.* Судебно-медицинская экспертиза при подозрении на членовредительство и симуляцию. М., 2004. С. 36–44.

Shibkov A.I. Op. cit. P. 5, 21; *Oppel V.A., Fedorov S.P.* Op. cit. P. 22–23; *Sokolovskiy K.K.* K raspoznavaniyu iskusstvennykh povrezhdeniy zubov. P. 207; *Novikov V.N.* K voprosu ob oteke konechnostey posle travmy // *Russky vrach.* 1916. No. 48. P. 1140–1141; *Kudryashov A.I.* Op. cit. P. 131, 132; *Sokolovskiy K.K.* K raspoznavaniyu iskusstvennykh flegmon. P. 42; *Dyakonov P.P.* Sluchai chlenovreditelstva s tselyu ukloeniy ot voennoy sluzhby // *Vestnik obshchestvennoy gigieny, sudebnoy i prakticheskoy meditsiny.* 1916. No. 9. P. 1082; *Milostanov N.* Op. cit. P. 30–32; *Kolkutin V.V., Sosedko Yu.I.* Sudebno-meditsinskaya ekspertiza pri podozrenii na chlenovreditel'stvo i simulyatsiyu. Moscow, 2004. P. 36–44.

²⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 4562. Л. 153; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 300. Л. 34; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–2об., 17–17об.; Д. 208. Л. 2–3, 63, 96–96об.; Д. 954. Л. 1–157; *Свионтецкий И.О.* Указ. соч. С. 452; *Ляхов М.Н.* Указ. соч. С. 30–31; *Шибков А.И.* Указ. соч. С. 31.

RGVIA. F. 400. Op. 15. D. 4562. L. 153; F. 1932. Op. 3. D. 300. L. 34; F. 16142. Op. 1. D. 191. L. 2–2v., 17–17v.; D. 208. L. 2–3, 63, 96–96v.; D. 954. L. 1–157; *Sviontetsky I.O.* Op. cit. P. 452; *Lyakhov M.N.* Op. cit. P. 30–31; *Shibkov A.I.* Op. cit. P. 31.

³⁰ *Ляхов М.Н.* Указ. соч. С. 11, 31; *Оппель В.А., Федоров С.П.* Указ. соч. С. 5–10, 14–15, 16, 20–21, 24.

Lyakhov M.N. Op. cit. P. 11, 31; *Oppel V.A., Fedorov S.P.* Op. cit. P. 5–10, 14–15, 16, 20–21, 24.

³¹ *Марков Н.В.* Об огнестрельных ранениях пальцев // *Русский врач.* 1915. № 9. С. 200–201.

Markov N.V. Ob ognestrelnykh raneniyakh paltsev // *Russkiy vrach.* 1915. No. 9. P. 200–201.

³² *Рубашев С.М.* Об огнестрельных ранениях кисти и пальцев // *Военно-медицинский журнал.* 1916. № 5–6. С. 24, 29.

Rubashev S.M. Ob ognestrelnykh raneniyakh kisti i paltsev // *Voenno-meditsinskiy zhurnal.* 1916. No. 5–6. P. 24, 29.

³³ *Мокин Н.* Об огнестрельных ранениях и переломах костей кисти и пальцев рук и их планомерном лечении // *Врачебно-санитарные известия Российского общества Красного креста Юго-Западного фронта.* 1917. № 12. С. 86–87.

Mokin N. Ob ognestrelnykh raneniyakh i perelomakh kostey kisti i paltsev ruk i ikh planomernom lechenii // *Vrachebno-sanitarnye izvestiya Rossiyskogo obshchestva Krasnogo kresta Yugo-Zapadnogo fronta.* 1917. No. 12. P. 86–87.

«ВСЕХ УВОЛИТЬ НЕМЕДЛЕННО»: ОПТАНТЫ НА СОВЕТСКОЙ СЛУЖБЕ (из истории коммунального хозяйства Петрограда начала 1920-х гг.)

Распад Российской империи, признание большевистским правительством независимости Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии и Польши, заключение мирных договоров с ними поставило вопрос о гражданстве выходцев из этих стран, проживающих в РСФСР. Так в начале 1920-х гг. возникла проблема оптантов – лиц, имеющих право выбрать гражданство в связи с тем, что территория, выходцами из которой они являлись, поменяла государственную принадлежность¹.

По договору 1920 г. РСФСР с Литвой, Латвией и Эстонией, они могли запросить соответствующее гражданство². Правом запросить его обладали лица, достигшие 18-летнего возраста, которые сами, либо их родители, были приписаны к общинам или сословным учреждениям на территории вновь образованных государств. Договор с Литвой предусматривал также оптации по принципу оседлости: оптироваться могли лица, к 1914 г. проживавшие на ее территории не менее 10-ти лет. Национальность и вероисповедание при оптации не имели никакого значения³.

Договоры устанавливали точные сроки, в течении которых можно было подать заявление об оптации: один год со дня ратификации каждого договора. В 1921 г. специальными соглашениями сроки были продлены: для Литвы и Эстонии – на 1 год, для Латвии – на 6 месяцев⁴. Не подавшие заявление автоматически считались гражданами РСФСР⁵.

Рижский мирный договор РСФСР и УССР с Польшей (март 1921 г.) урегулировал также вопрос об оптантах между этими странами. Оптировать польское гражданство можно было по факту рождения и регистрации на территории бывшего Царства Польского (лица, «кои приписаны или имеют право быть приписанными к книгам постоянного народонаселения бывшего Царства Польского, а также те, кои были приписаны к одному из городских, сельских или сословных обществ на территории бывшей Российской Империи, входящей в состав Польши»), а также потомкам, не далее третьего поколения, тех, кто постоянно проживал на его территории. При этом необходимо было доказать, «что они сами своею деятельностью, употреблением польского языка, как разговорного, и воспитанием своего потомства ясно засвидетельствовали свою приверженность к польской нации»⁶. Так в договоре с Польшей подчеркивалась важность при оптации именно национального признака.

Договоры закрепляли право жены и детей следовать за оптантом. Особо оговаривалось право оптантов беспрепятственно выехать в страны,

в пользу которых они оптировали. Кроме того, по договору 1921 г., правительства Польши, РСФСР и УССР предоставлялось право потребовать выезда оптантов, которые должны были в таком случае выехать в течение 6-ти месяцев после уведомления их об этом⁷.

Порядок выполнения этих договоров устанавливался постановлениями и инструкциями Народных комиссариатов по иностранным делам и внутренних дел РСФСР, которые определяли, что заявления об оптации подаются одновременно в Отдел управления городских или губернских Советов и в представительство страны оптации на территории РСФСР. К заявлению об оптации необходимо было приложить документы, доказывающие право на оптацию (вид на жительство, паспорт или метрика), а также сведения о себе и членах семьи (возраст, род занятий, место службы и жительства). Отдел управления должен бы направить материалы в НКВД. А тот, согласовав вопрос в НКВД и получив согласие из представительства страны оптации о принятии указанного лица в свое гражданство, отсылал в Отдел управления оптационное удостоверение, по которому оптант признавался гражданином другой страны⁸.

Выбравшие гражданство другой страны и получившие оптационные удостоверения (вид на жительство для иностранных граждан) должны были выехать в свою страну в течении года (для европейской части РСФСР). Исключение составляла Латвия: договор с ней не предусматривал обязательного выезда оптантов на родину⁹.

При этом «первое в мире государство рабочих и крестьян» к проблеме оптантов подошло во всеоружии «классовой бдительности». Декрет Совнаркома РСФСР от 29 августа 1921 г. «О порядке высылки иностранцев из РСФСР» установил, что «лица, в силу международных договоров оптировавшие иностранное гражданство и обязанные в определенный срок оставить пределы республики», могли «оставаться по истечении срока не иначе, как с особого разрешения НКВД». Лица, не выехавшие, не подавшие ходатайство о таком разрешении и не возбудившие ходатайства о принятии их в советское гражданство, подлежали высылке из РСФСР. Декретом оптанты были приравнены к иностранцам, «образ жизни, деятельность и поведение» которых могли быть «признаны несовместимыми с принципами и укладом жизни рабоче-крестьянского государства», и которых на этом основании можно было выслать из пределов РСФСР¹⁰.

Оптационную кампанию в страны Прибалтики из Сибири изучил И.В. Лоткин. Основная волна выезда оптантов пришлась на 1920–1921 гг. Уезжали в страны Прибалтики не только представители титульных наций, но и русские, евреи, немцы. Однако не все оптировавшиеся уехали: многие оставались и опять принимали советское гражданство, особенно когда от уже уехавших стали поступать сообщения о нелегкой жизни на «новой старой» родине. К 1923 г. в настроениях оптантов произошел перелом: уезжать уже не спешили, многие из уехавших стали возвращаться в РСФСР¹¹.

Большинство оптантов выехало из Советских республик к 1921 г. Но многие продолжали жить на территории РСФСР и всего СССР, надеясь, что нэп – «всерьез и надолго». Особенно в том случае, если они имели работу, что стало особенно важным при появлении безработицы. Обычно оптанты интересуют исследователей с точки зрения их выезда за пределы РСФСР как часть миграционного потока¹². До сих пор отсутствуют обобщающие исследования о судьбах оптантов, бывших граждан Российской империи, оставшихся на территории Советской России. В частности, не изученным остается положение оптантов в Петрограде (Ленинграде).

В настоящей статье рассматривается отношение петроградских (ленинградских) губернских учреждений к оптантам, не выехавшим за рубеж к 1922 г., на примере Отдела коммунального хозяйства (Откомхоза) Исполнительного комитета Петроградского (Ленинградского) губернского Совета.

* * *

Политику Советской власти по отношению к оптантам раскрывают циркуляры и распоряжения, издававшиеся Административным отделом (Отделом управления) Петроградского губисполкома. Отдел управления, по Положению об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г., находился в подчинении НКВД, являлся исполнительным аппаратом Президиума исполкома по проведению в жизнь административных мероприятий органов власти, объединению деятельности отделов исполкома и инструктированию нижестоящих исполкомов. В обязанности Отдела управления также входили учет населения и регистрация иностранных граждан. Всем этим ведал Административный подотдел Отдела управления. Подотдел эвакуационный Отдела управления занимался регистрацией пленных, беженцев и иностранных граждан, подлежащих отправке за границу, составлял эшелоны для них (в Петрограде этот подотдел назывался «Петроэвак»). Отдел управления занимался борьбой с нарушениями общественного порядка и преступностью, поэтому одним из его подразделений было Управление милицией. В обязанности Отдела управления также входили изоляция «вредных элементов» и организация принудительных работ для лиц, осужденных на них, чем занимался Подотдел принудительных работ¹³.

Отдел управления Петрогубисполкома был образован в 1919 г. после ликвидации Союза коммун Северной области (СКСО), став преемником Комиссариата внутренних дел СКСО. Постановлением президиума Петроисполкома от 24 ноября 1923 г. Отдел управления был реорганизован в Административный отдел. При реорганизации Административный подотдел перешел из Отдела управления в Административный. В его состав были включены Отдел ЗАГС и Иностранное отделение, в кото-

ром должны были регистрироваться оптанты, получившие иностранное гражданство¹⁴.

Отдел коммунального хозяйства (Откомхоз) являлся отделом исполкома Петроградского губсовета. Одновременно по ведомственной линии он подчинялся НКВД, точнее – его Главному управлению коммунального хозяйства (ГУКХ). Подчинение коммунального хозяйства Наркомату внутренних дел не было нововведением большевиков: в МВД Российской империи с 1904 по 1917 гг. существовало Главное управление по делам местного хозяйства. Отделы коммунального хозяйства были созданы в РСФСР в 1920 г. декретом «О коммунальных отделах исполкомов»¹⁵. Но в Петрограде этот отдел образовался ранее из Комиссариата городского хозяйства Союза коммун Северной области: при ликвидации СКСО в 1919 г. все комиссариаты были преобразованы в отделы исполкома Петросовета.

Откомхоз руководил коммунальным хозяйством города, ему подчинялись все предприятия городского благоустройства, ремонтно-строительные, производственные предприятия местного значения. После окончательной реорганизации 1921 г. Отдел коммунального хозяйства Петрогубисполкома включал в себя следующие структурные подразделения: Управление городских железных дорог (руководило трамваем), Управление городских водопроводов (в Петрограде существовали две водопроводные станции – Главная и Заречная, а также четыре маломощные дополнительные станции; поэтому всегда употреблялось множественное число: «водопроводы»), Жилищный подотдел (ведал муниципализированным жилым фондом города), Земельный (занимался распределением городской земли), Подотдел хозяйственных предприятий (ведал небольшими хозяйственными предприятиями по очистке и уборке города, рек и каналов; санитарными предприятиями – банями, прачечными и парикмахерскими; также садами, парками и садоводством; похоронном делом), Подотдел пожарный (Губпожар был передан в Откомхоз в 1921 г.). Также в Откомхоз входили управленческие и вспомогательные подразделения: Управление делами, Секретариат, Финансово-счетный, Учетно-контрольный, Торговый, Транспортный и Технический подотделы.

На 1 января 1923 г. общая численность сотрудников и рабочих Откомхоза составляла 11 890 человек¹⁶. Руководил Откомхозом с 1921 г. Н.И. Иванов, ранее возглавлявший Отдел труда Петрогубисполкома (в 1926 г. его назначат заместителем председателя исполкома Ленсовета Н.П. Комарова).

Между Административным отделом и Отделом коммунального хозяйства велась активная переписка по поводу оптантов. Она проходила под грифами «циркулярно», «секретно» и «совершенно секретно». Документы Откомхоза, хранящиеся в ЦГА СПб, были рассекречены в 1993 г. Среди

них – протоколы заседаний комиссии по чистке личного состава Откомхоза, содержащие материалы об оптантах (в документах 1922–1924 гг. оптантами назывались лица, закончившие процедуру оптации).

* * *

Ситуация с оптантами к 1922 г. сложилась такой: заканчивался срок их пребывания в РСФСР по оптационным удостоверениям, большая часть оптантов уже выехала в свои страны, а меньшая не спешила уезжать, надеясь, что жизнь в нэповской России изменится к лучшему. Хотя экономическое положение в 1921–1923 гг. оставалось очень тяжелым, рабочих и служащих снимали с пайкового снабжения, а средств для выдачи зарплаты у государственных учреждений и предприятий, перешедших на хозрасчет, не было. Галопирующая инфляция и безработица еще сильнее усугубляли материальное положение городского населения. Но экономические реформы порождали в средних слоях городского населения надежду, что большевистская власть смягчится, и страна будет эволюционировать в сторону демократической республики с «нормальной» рыночной экономикой.

Некоторые только в 1922 г. решили подать заявление об оптации или не успели сделать этого раньше. Как сообщалось летом 1922 г. в «Красной газете», в Иностранное отделение Административного отдела исполкома в Смольном продолжали поступать заявления об оптации, хотя новые сроки подачи закончились для большинства национальностей: для поляков 30 апреля, а для эстонцев – 1 января¹⁷.

В конце 1922 г. политика большевистской власти по отношению к оптантам ужесточилась. Это особенно ярко проявилось в Петрограде – приграничном городе, партийно-советские власти которого постоянно ощущали угрозу со стороны новых прибалтийских соседей. Оптанты становились также жертвами подозрений и вражды, охвативших Советскую Россию по отношению к Польше (а вместе с ней – и к прибалтийским странам), после заключения Рижского мирного договора: Москва и Варшава постоянно обвиняли друг друга во враждебных действиях. Был взят курс на обязательный и скорейший выезд оптантов в их страны.

Прежде оптанты отправлялись на родину наравне с беженцами, которым, по международным договорам, предоставлялись эшелоны для выезда. На эшелоны проводилась добровольно предварительная запись в Петроэваке. Так, в конце октября 1922 г. был отправлен очередной эшелон в Литву со 180 беженцами и 100 оптантами¹⁸.

Теперь, для ускорения выезда оптантов, власти Петрограда приступили к их принудительному выселению. 4 октября 1922 г., основываясь на

декрете СНК от 29 августа 1921 г., Петрогубисполком принял обязательное постановление «О выселении оптантов из пределов РСФСР»:

«Петроисполком постановляет:

1) Обязать граждан, оптировавших эстонское, литовское и польское гражданство, срок пребывания коих в пределах РСФСР, указанный на обороте оптационного удостоверения, истек, покинуть пределы республики в месячный срок, т.е. до 15 ноября 1922 года.

2) Обязать оптантов, не получивших оптационных удостоверений, явится за получением таковых, не позднее 10 ноября, в Губернский Отдел Управления. Поименный список оптантов, уклонившихся от явки в указанный срок, публикуется Отделом Управления для привлечения их к ответственности и принудительного выселения.

Примечание. Срок пребывания в РСФСР (1 год для литовцев и эстонцев и 1/2 г. для поляков) исчисляется для оптантов, не получивших своевременно оптационных удостоверений, с момента удовлетворения ходатайства об оптации Губернским Отделом Управления.

3) Поименованные в п. 1 и 2 оптанты, которые до 15-го ноября с.г. не зарегистрируются в Петроэваку на эшелон, подлежат принудительному приводу в Петроэваку для направления на родину.

4) Петроэваку предлагается поименованных в п. 1 и 2 оптантов регистрировать на эшелоны и отправлять вне очереди на родину.

5) Всем советским учреждениям, имеющим в составе служащих-оптантов, проверить документы последних и, срок пребывания коих в пределах РСФСР истек, немедленно уволить, произведя полный расчет.

6) Райисполкомам, Уисполкомам, Волисполкомам, Сельсоветам, всем советским учреждениям, а также домоуправлениям и комендантам зданий предлагается немедленно сообщать о всех поименованных в п. 1 и 2 оптантах в Милицию для принудительного их выселения.

7) Губмилиции в 3-дневный срок выработать инструкцию о порядке выполнения настоящего постановления.

За невыполнение настоящего постановления должностные лица и органы управлений подлежат привлечению к ответственности в административном порядке, а оптанты – в судебном, по ст. 98 Уголовного Кодекса.

За Председателя Губисполкома: А. Васильев.

Секретарь Губисполкома: Н. Комаров»¹⁹.

А.В. Васильев подписал это постановление за председателя Петрогубисполкома Г.Е. Зиновьева, заместителем которого он являлся. Однако не вызывает сомнения, что Зиновьев был «в курсе дела». Как мало приходится сомневаться и в том, что этот решительный шаг был сделан по «рекомендации» ГПУ. Секретарь Губисполкома Н.П. Комаров, не примкнувший к «новой оппозиции», в 1926 г. займет пост Зиновьева.

Петрогубисполком, таким образом, решил поскорее выслать оптантов (кроме латвийских) из города-«колыбели революции» и губернии за границу. При этом его постановлением была создана целая система высылки оптантов, от домоуправлений до исполкомов.

* * *

После выхода обязательного постановления о принудительном выселении оптантов петроградская пресса, особенно «Красная газета» – орган Петроградского Совета, – стала широко освещать эту кампанию.

Уже в день выхода постановления, 4 октября, «Красная газета» поместила сообщение о нем и обширный комментарий. В них говорилось: «На состоявшемся вчера совещании Отдела управления, Петроэваку и Губмилиции был выработан целый ряд мер для выселения иностранцев. Всего подлежат выселению 7 000 оптантов, 4 500 из этих оптантов зарегистрированы. Остальные явно уклоняются от всяких перерегистраций, и адреса их совершенно неизвестны. Любопытно, что более 50 % этих оптантов – эстонцы.

Опубликованное сегодня обязательное постановление устанавливает 15 ноября как последний срок добровольной явки оптантов в Отдел Управления для зачисления на эшелоны».

Далее жирным шрифтом было выделено: «После этого срока все неявившиеся оптанты будут подвергнуты задержанию и приводу под конвоем, с привлечением к ответственности».

В статье также сообщалось, что все оптанты, подлежащие выселению из пределов РСФСР, будут отправлены на родину за плату. Те, которые откажутся платить, будут направлены на принудительные работы, и их заработок пойдет в уплату за отправку. Петрогубмилиция уже выработала инструкцию по проведению принудительного выселения, и отделениям милиции предписано приготовить в кратчайший срок списки оптантов. Всем учреждениям, в которых состоят на службе оптанты, предложено немедленно сообщить их имена, фамилии и адреса в Отдел управления²⁰.

Уже через день, 6 октября, в вечернем выпуске «Красной газеты» сообщалось, что постановление о выселении оптантов принесло ощутимые результаты: в Смольном наблюдался большой наплыв оптантов, которые подавали заявление о возвращении в русское подданство. Но почти все ходатайства отклонялись. Желающих уехать планировалось отправить в конце октября двумя эшелонами. Не зарегистрированные на эшелоны после 15 ноября, предупреждала газета, будут высланы принудительно: списки оптантов будут препровождены в Губмилицию для принятия мер к принудительному выселению²¹.

В сообщении «К выселению иностранцев», 16 октября, говорилось, что запись на эшелоны проходит тихо: желающих покинуть пределы РСФСР немного. Большинство прошений о возвращении в российское гражданство отклонялось. Удовлетворялись только прошения лиц, за которые ходатайствовали учреждения и организации, мотивируя крайнюю необходимостью этих специалистов для их работы²².

Позже в «Красной газете» появлялись сообщения, что оптантов отправляют из Петрограда в их страны. Для оптантов был создан эвакуационный пункт на Варшавском вокзале, откуда их на поездах отправляли на «новую старую» родину. Проезд оплачивали сами оптанты. В марте 1923 г. были отправлены два эшелона с оптантами – в Польшу и Эстонию²³.

Ситуация с оптантами в Петрограде была проанализирована в статье, напечатанной в «Красной газете» в начале 1923 г. Ее автором был Ю. Горенко, один из постоянных ведущих рубрики «Быт труженика». Он писал душераздирающие заметки о непростой жизни представителей непрестижных профессий – дворников, таперов, девочек или мальчиков на побегушках в магазинах и лавках, – а также о безработных, ищущих любую работу. Статья носила красноречивое название: «Где апельсины зреют». Журналист с сарказмом изображал разочарование эмигрантов, и оптантов в их числе, в «прелестях» заграничной жизни.

«Год назад среди обывательщины самым модным было оптироваться. Во что бы то ни стало превратиться в иностранца, в лагыша, эстонца, поляка. Выискивались старинные метрики, искали всяких придинок, чтобы оптироваться и покинуть пределы РСФСР.

– Голубчики, – вопил новоявленный поляк, – завтра я уезжаю отдохнуть среди культурных людей.

Первые ласточки, которые прилетели сюда от уехавших, были полны разочарованностью.

Вторые – жалобами.

Третьи – одним желанием – домой, скорей домой».

Расписывая совсем не сладкую жизнь во вновь образованных государствах, где царят безработица и голод, Горенко уверял читателей в том, что теперь среди эмигрантов наблюдается обратное явление: многие хотят вернуться в Советскую Россию. А после выхода постановления о принудительном выселении в Смольном снова выстроились очереди. «На выезд в течении срока, данного для добровольного выезда на родину? Оказывается, нет. Для подачи ходатайств о приеме обратно в русское подданство»²⁴.

В статье обращает на себя внимание вот это «старорежимное» словосочетание: «русское подданство». Слишком диссонирует оно с антикапиталистической лексикой статьи. Но этот случай – не единичный: в петроградских газетах начала 1920-х гг. часто употреблялось определение

«русский» там, где, казалось бы, исходя из большевистской идеологии, уместны были только определения «советский», в крайнем случае – «российский». При этом «русское» сплошь и рядом сочеталось с «подданством» вместо принятого в государствах с республиканским строем «гражданством». Похоже, первое советское поколение петроградских журналистов, набивших руку на «старорежимной» лексике, использовало это обычное имперское выражение по привычке. Но можно предположить и большее: в «русском подданстве» невольно прорывалось недовольство, даже обида на народы бывших окраин бывшей империи, которые отделились, создали национальные государства и избрали свой путь.

Вообще, эта опубликованная в «Красной газете» статья Ю. Горенко написана в духе уже ставшего обычным для советской прессы очернительства капиталистических стран, буржуазной демократии. Адресована она была не только своему, «красному», читателю, но и эмигрантам, а также противникам Советского строя внутри РСФСР: «Особенно следовало бы обратить внимание на прелести «демократических» раев всем нашим глубокомысленнейшим интеллигентам с их вздыханиями о польско-латвийско-эстонских тротуарах, где волочит замызганный шлейф “модемуазель конституция” [Именно так и напечатано: «модемуазель» вместо «мадемуазель». – Е.К.]»²⁵. Однако настроения оптантов в Петрограде статья передала точно: выезжать не хотели.

* * *

Следующим решительным шагом по выдворению оптантов из Петрограда стало «уравнение в правах» латвийских оптантов со всеми остальными.

24 марта 1923 г. Петрогубисполком принял обязательное постановление «О перерегистрации латвийских оптантов»: «принимая во внимание, что оптация иностранного гражданства указывает на тесную связь оптанта с территорией государства, в пользу которого произведена оптация», он установил и для них предельный срок пребывания в пределах РСФСР. Оптанты, получившие оптационные удостоверения в 1921 и 1922 гг., имели право остаться еще на 6 месяцев, а получившие удостоверения в 1923 г. – на 1 год. Подписали это постановление другой заместитель председателя Губисполкома Б.П. Позерн и секретарь Губисполкома Н.П. Комаров²⁶.

Теперь принудительное выселение стало грозить также латвийским оптантам, которые, по договору 1920 г., получали бессрочные оптационные удостоверения, то есть могли оставаться жить и работать в РСФСР. Если латвийские оптанты не уезжали добровольно, то к ним могли применить принудительное выселение, как и к оптантам других национальностей²⁷.

После выхода мартовского постановления Петрогубисполкома был взят курс на выселение всех оптантов из города и губернии. Поскольку многие оптанты всеми способами уклонялись от выезда, пришлось провести немалую «оргработу» по их выявлению и принуждению к отъезду.

Административный подотдел Отдела управления издал предписание: «Всем уисполкомам. Секретно.

20.IV.1923 г. № 137/с.

В связи с введением порядка выселения оптантов, отказанным в гражданстве РСФСР, а также оптантов, срок выезда коим истек, органами ГПУ, Административный Подотдел ОУПГИ предлагает оказывать в аресте и высылке из РСФСР упомянутых выше лиц органам ГПУ полное содействие.

Приказы об аресте будут даваться только Губотуправом или органами ГПУ.

Зав. Админ. Подотд. Ильин

Зав. Иностр. Отделен. Шимкович»²⁸.

Тогда же из НКВД было получено секретное распоряжение о выдворении оптантов из РСФСР (отданное, несомненно, по «рекомендации» ГПУ). В первую очередь следовало уволить из государственных учреждений всех работавших там оптантов. Административный подотдел разослал распоряжение на этот счет:

«Отдел Управления. Административный Подотдел. Иностранное Отделение. 4.V. 1923. № 170/с.

Совершенно секретно. Циркулярно.

Всем Губотделам, Уисполкомам, Райисполкомам.

В связи с секретным распоряжением НКВД о выселении оптантов, Отдел Управления Петрогубисполкома предлагает к неукоснительному исполнению следующее:

1) Всех оптантов: Поляков, Эстонцев, Латвийцев, Литовцев, состоящих на службе, постепенно увольнять, производя полный расчет, а оптантов ответственных работников уволить немедленно.

2) Об оставлении на службе оптантов необходимо возбуждать в каждом отдельном случае персонально ходатайство перед Отделом Управления Петрогубисполкома.

3) Прием на службу оптантов без разрешения Отдела Управления не допускается.

4) Иностранцы, имеющие вид на жительство иностранца, выданное ОУПГИ, на службу могут быть приняты без особого на то разрешения.

За неисполнение настоящего циркулярного распоряжения виновные будут подвергнуты административному взысканию.

Настоящее распоряжение предлагается распространить совершенно секретно всем подведомственным Вам органам для точного исполнения.

Получение сего подтвердите.

Примечание: опантами считаются лица, имеющие на руках опционные удостоверения, выданные ОУПГИ или НКВД – зарегистрированные в ОУПГИ. Образцы удостоверений при сем прилагаются.

Подлинное подписали:

Зам. Зав. Отделом Управления Ильин.

Зав. Иностр. Отделен. Шимкович.

Секретарь Ларионов»²⁹.

Однако руководители учреждений не спешили выполнять это распоряжение. Мотив их очевиден: несомненно, среди оптантов были грамотные специалисты и добросовестные, опытные работники, которых не хотелось терять.

Чтобы подтолкнуть руководителей отделов Петрогубисполкома к увольнению оптантов, в октябре 1923 г. им было разослано предупреждение уже от имени Президиума Петроградского губисполкома:

«Всем Губотделам. Копия Губкому и ГПУ.

Секретно. Циркулярно.

Президиум Петроградского Губисполкома подтверждает циркулярное распоряжение Отдела Управления от 4 мая 1923 г. № 170/с о недопустимости оставления на службе в государственных учреждениях оптантов (эстонцев, поляков, литовцев и латвийцев). Но многие управления изыскивают всевозможные способы, чтобы оттянуть увольнение. Было установлено, что большинство ходатайств об отсрочках возбуждаются государственными учреждениями в личных интересах оптантов, а не Государства. Такое положение наносит ущерб Государству и подрывает устои власти.

Для устранения ненормального явления Президиум предлагает всем Губотделам и высшим хозяйственным органам немедленно принять меры:

1). Уволить всех оптантов (эстонцев, поляков, литовцев и латвийцев), независимо от того истек ли срок пребывания оптантов в пределах СССР.

2). Оповестить все госучреждения, что возбуждать ходатайства о временном оставлении на службе оптантов может только Губернский Отдел или высшие хозяйственные органы. В ходатайстве должны быть точно указаны мотивы оставления на службе.

3). О всех принятых мерах немедленно сообщить Отделу Управления.

Виновные в нарушении настоящего распоряжения будут подвергаться административному взысканию.

Секретарь Петрогубисполкома Комаров

Зав. Отд. Управления Кондратьев

Зав. Иностр. Отделен. Шимкович»³⁰.

Так с весны 1923 г. петроградские городские и губернские власти стали требовать увольнения всех оптантов, независимо от того, истек ли срок их пребывания в СССР. Однако Петрогубисполком мог требовать увольнения оптантов лишь с государственных учреждений и находящихся в его ведении местных предприятий. А прочих оптантов (например, работавших на частных предприятиях) – лишь выявлять с помощью рабоче-крестьянской милиции и домоуправлений.

* * *

«Очищение» государственных учреждений и предприятий от оптантов проходило в режиме «чисток» личного состава. При «чистках» советских учреждений увольняли всех служащих, «не подходящих» по социальным или политическим показателям, обращая мало внимания на их квалификацию.

«Комиссия Откомхоза по чистке личного состава» работала в феврале–марте 1923 г. Возглавлял ее В.Е. Алексин, заведующий Управлением городских железных дорог, заместитель заведующего Откомхоза. В состав комиссии входили еще три члена от Откомхоза, организатор коллектива коммунистов (парторг) и председатель профсоюзного комитета служащих³¹, то есть исключительно представители Откомхоза. Ее члены изучали личные дела рабочих и служащих всех подотделов и управлений, опрашивали их и принимали решение об увольнении или оставлении на службе.

Комиссия провела более 60-ти заседаний. В ее протоколах зафиксированы только три случая, когда рассматривались дела сотрудников-оптантов. Двое из них были уволены.

Из отдела Управления городских железных дорог был уволен литовец-оптанта, причем каких-либо других «порочащих» обстоятельств за ним не значилось: «Домошевич, Генрих Станиславович, – счетовод с января 1922 г., последняя служба – санатория в пос. Тайцы, проживает в пос. Тайцы, имеет маленькое хозяйство, дом от Совета. Литовец-оптанта. Окончил частную гимназию»³².

Биография другого оптанта, сотрудника Жилищного отдела Петроградского района города, оказалась более «отягощенной»: «Реммельгас, Август Карлович, – техник-обследователь, бывший мещанин г. Ревеля, эстонский подданный, оптанта, окончил 4-кл. Городское Училище, до поступления в Откомхоз служил Комендантом зданий Петропавловской крепости. В 1920 г. судился по ложному обвинению в спекуляции – оправдан. По специальности – механик-электро-машинист». Комиссия постановила по его делу: «Уволить, как несоответствующего занимаемой должности»³³.

Рядом с ними странно выглядит случай сотрудника Арендной части: Чехович Антон Иосифович, заведующий Столом аренды береговых и водных пространств, бывший дворянин, польский оптанта, к тому же в 1920 г. арестованный по подозрению во взяточничестве в Отделе очистки (был освобожден «за недоказанностью»). Комиссия постановила: оставить условно³⁴. С таким набором отягчающих обстоятельств – дворянин, оптанта, был под арестом – его должны были уволить без промедления. Но здесь, видимо, были учтены какие-то «особые обстоятельства». Чехович был оставлен, вероятно, как «незаменимый» для Арендной части специалист: не зря в заседании комиссии участвовал сам заведующий Арендной частью А. Лейбович.

Контрастом является случай со специалистом Главной станции водопровода – поляком, не пожелавшим оптировать. По его делу в протоколе заседания комиссии от 3 марта 1923 г. значится: «Розе, Владислав Владиславович, – инженер Главной станции, служит с 1900 г., до того – на Путиловском заводе, мещанин г. Радома, подданный русский, на иждивении жена, дочь и сын студент, другой сын служит здесь же на водопроводе. Окончил Лодзинское высшее техническое училище и Технологический институт. В сентябре 20 г. арестован, как заложник, сидел одну неделю». Комиссия постановила: «Уволить, как балласт»³⁵.

Комиссия Откомхоза по чистке личного состава работала еще до издания в мае 1923 г. постановления, требующего уволить из учреждений всех оптантов. И, как видим, если сотрудник являлся оптантом, это еще не считалось достаточной причиной для увольнения. Истинные причины, которые определяли судьбу сотрудников при «чистке», не всегда фиксировались в протоколах комиссии.

И после окончания работы комиссии по чистке оптанты продолжали работать в Откомхозе.

С конца весны 1923 г. в выявлении оставшихся оптантов активно принял участие Административный отдел Петрогубисполкома. Его работники использовали сведения Иностранного отделения (при подаче документов об оптации необходимо было указать место работы).

В ЦГА СПб сохранилось много требований Отдела управления (с ноября 1923 г. – Административного отдела) как в различные управления, так и в подотделы Откомхоза об увольнении выявленных там работающих оптантов. Такие требования были составлены однотипно, помечены грифом «секретно». Например, требование, направленное в Управление городских железных дорог 15 октября 1923 г.:

«Административный подотдел ОУПГИ предлагает уволить от службы слесаря трамвайного парка им. Смирнова гр-на Гудзюк Ивана Гасперовича, литовского оптанта, произведя с ним полный расчет.

Основание – секретное циркулярное распоряжение.

Зав. Адм. Подотделом Ильин
Зав. Иностран. Отделением Шимкович»³⁶.

Руководители подразделений Откомхоза на такие секретные требования об увольнении реагировали незамедлительно. В феврале 1924 г. Административный подотдел прислал в Губпожар требования уволить пожарного Коломенской части С.К. Нейкшана, «латвийского оптанта», и трубача Новодеревенской им. т. Рыкова части С.С. Маковского, «литовского оптанта»³⁷.

На это из Губпожара ответили:

«В Административный Подотдел Ленинградского Губисполкома. 28.II.1924 г. Секретно.

Губпожар сообщает, что пожарные: Коломенской части Нейкшан С.К. и Новодеревенской им. т. Рыкова части Маковский С.С. уволены уже от службы, первый с 20 сего февраля, и второй – с 13 февраля и расчет с ними учинен.

Зав. Губ. Пожарн. Подотделом Бекташев
Зам. Лен. Бранд-майора Кельн»³⁸.

Получив эти сведения, заведующий Откомхозом Н.И. Иванов также подписал и направил секретное сообщение в Административный отдел о том, что пожарные С.К. Нейкшан и С.С. Маковский уже уволены от службы³⁹.

Установлен единственный случай, когда в Административном отделе ошиблись при определении ведомственной принадлежности места работы оптанта и послали требование об увольнении не по адресу. В декабре 1923 г. в Откомхоз поступил очередной секретный документ: «Административный подотдел Административного отдела Петрогубисполкома предлагает уволить от службы рабочего садоводства «Природа» Выборгского сельско-хозяйственного отдела Озол Ю.И., латвийского оптанта, произведя с ним полный расчет. Об исполнении сообщите. Основание – секретный циркуляр, распространенный Отделом управления Петрогубисполкома, от 26 сентября № 484/с»⁴⁰.

Из Откомхоза последовал секретный ответ в Административный подотдел: «Петрогуботкомхоз уведомляет, что садоводство «Природа» Выборгского сельско-хозяйственного отдела в ведении Откомхоза не состоит, потому возбужденный в указанном выше отношении вопрос не может быть разрешен»⁴¹. Не приходится сомневаться, что канцелярская ошибка была быстро исправлена, а оптанта – найден и уволен.

Сведения Административного отдела о работающих в подразделениях Петрогубисполкома оптантах обычно были точны и получались им своевременно:

«Отдел Управления в Отдел коммунального хозяйства. 5.IV.1923 г. № 120/с. Секретно.

Административный Подотдел ОУПГИ просит сообщить, чем вызван прием на службу оптанта, когда граждан РСФСР безработных достаточно.

Прием на работу оптантов производить только с разрешения ОУПГИ. Зав. Адм. Подотделом Ильин»⁴².

Руководству Откомхоза пришлось оправдываться:

«В Административный Подотдел ОУПГИ. 13.IV.1923. Секретно.

Вследствие отношения от 5-го сего апреля за №120/с по вопросу о приеме на службу оптанта, Петрогуботкомхоз сообщает, что гр-н Стульпин, Казимир Иванович, занимает должность сторожа в доме № 103 по Фонтанке и оказался на службе в Петрогуботкомхозе (Часть управления домами Жилищного Подотдела) в связи с переходом в ведение Петрогуботкомхоза от Жилищного Товарищества указанного выше дома; в ближайшее время предполагается его уволить со службы.

Что касается предложения о приеме на службу оптантов не иначе, как с разрешения ОУПГИ, то означенное предложение будет принято к немедленному исполнению.

Зам. Зав. ПГОКХ В. Алексин
Упр. делами М. Лившиц»⁴³.

Руководство Откомхоза вообще отличалось повышенной исполнительностью при «реагировании» на такие требования. Более того, проявляло немалую энергию и инициативу в поиске подлежащих увольнению оптантов.

В декабре 1923 г. в Откомхоз поступил следующий документ:

«Административный подотдел. Иностранное отделение. 18.XII.1923. Секретно.

Административный подотдел предлагает уволить от службы управляющего домами Лужского Отместхоза Болеслава Михайловича Яблонского, польского оптанта, произведя с ним полный расчет.

Об исполнении сообщите.

Зав. Адм. подотделом Ильин
Зав. Иностранным отделением Шимкович»⁴⁴.

Из Откомхоза требование было направлено дальше:
«Управление делами. 10.I.1924. № 5/с.

Секретно. Отпечатано в 2-х экземплярах.

В Отделение Местного хозяйства Общего отдела при Лужском уездном уисполкоме. Тов. Ф.Н. Николаеву.

Согласно предписания Административного отдела ПГИ Петрогуботкомхоз предлагает Вам немедленно по получении сего уволить от службы Управляющего Домами Лужского Отделения Местного хозяйства Болеслава Михайловича Яблонского, оптанта, произведя с ним полный расчет.

Об исполнении ПГОКХ просит Вас поставить его в известность.

К сему ПГОКХ считает необходимым добавить, что прием на службу оптантов может производиться лишь с разрешения Административного отдела Петрогубисполкома.

Заведывающий ПГОКХ Иванов
Управл. делами Лившиц»⁴⁵.

И поскольку скорого ответа из Лужского уезда о Яблонском не последовало, было послано строгое напоминание:

«Отдел коммунального хозяйства. Управление делами. 3 марта 1924 г. № 33/с. Секретно. Отпечатано в 2-х экземплярах.

В Отделении Местного хозяйства Общего отдела при Лужском уиполкоме. Тов. Ф.Н. Николаеву.

Отношением от 10-го января с. г. за № 5 Отдела коммунального хозяйства было предложено Вам, согласно предписания, немедленно по получению указанного выше отношения уволить от службы Управляющего Домами Лужского отделения Б.М. Яблонского, польского оптанта.

Не получая до сего времени отзыва на упомянутое выше отношение Ленинградский Губернский Отдел коммунального хозяйства предлагает Вам безотлагательно сообщить, выполнено ли Вами изложенное выше предписание Административного Отдела Ленинградского Губисполкома и чем вызвана недопустимо-длительная задержка в доставлении отзыва по настоящему делу.

Заведывающий Ленинградским Губернским Отделом коммунального хозяйства Н.И. Иванов»⁴⁶.

На него вскоре пришел ответ, рукописный, на бланке Лужского Отдела Местного хозяйства:

«Служебная записка. Заведующий Отдела Местного хозяйства Лужского уезда Петроградской губернии. г. Луга, пр. Володарского 12.

Секретно № 17/с. 13 марта 1924 г. Губоткомхоз. т. Иванову.

На Ваши отношения 5/с от 10/І.24. и 33/с от 7/ІІІ.24. сообщаю, что управдом Яблонский Б.М. состоит в гражданском подданстве РСФСР. По наведенным справкам в Польском подданстве не состоял, а было лишь подано заявление об оптации, каковое им было обратно взято. До получения еще Вашего распоряжения, при обнаружении, что Яблонский подал заявление об оптации в Польское подданство, он был уволен, но когда были зарегистрированы документы об оставлении его в подданстве РСФСР – причины препятствующие к службе сами по себе отпали и Яблонский, как исполнительный управдом был опять принят на службу. В задержке, в срочном выполнении Вашего распоряжения, виновен я, но и были объективные условия как-то проведение целого ряда кампаний в волостях и пр.»⁴⁷

В Петроградском Откомхозе были удовлетворены столь «политически грамотным» ответом. За подписью Н.И. Иванова тут же было на-

правлено в Административный отдел Губисполкома сообщение о «деле Яблонского»:

«Ленинградский Губернский Отдел Коммунального Хозяйства уведомляет, что он не преминул своевременно снести с Отделением Местного хозяйства при Лужском Общем Отделе по вопросу об увольнении от службы Управдома, польского оптанта Б.М. Яблонского». Далее передавались обстоятельства увольнения гр. Яблонского, как только была обнаружена подача им заявления об оптации, и принятии его снова на службу, когда были зарегистрированы документы об оставлении его в подданстве РСФСР⁴⁸.

* * *

Таким образом, одним из важных направлений кадровой политики Петроградского (Ленинградского) губисполкома в целом и Отдела коммунального хозяйства в частности в начале 1920-х гг. стало увольнение всех оптантов, не считаясь с их социальным происхождением, образованием, профессиональной квалификацией и опытом работы. Главными мотивами этого спешного поголовного увольнения стали «секретные» политические и идеологические соображения, конечной целью – выдворение этого «чуждого элемента» из Страны Советов. Выявление оптантов и выдворение их из РСФСР и СССР стало одним из направлений работы ГПУ–ОГПУ, а их увольнение из советских государственных учреждений и предприятий Петрограда (Ленинграда) и губернии происходило в режиме «чисток», ставших в период нэпа регулярной процедурой.

Примечания

¹ Левин Д.М. Правовое положение иностранцев в РСФСР: Справочник для иностранцев, оптантов и беженцев. М., 1923. С. 29; Права и обязанности иностранцев, оптантов и беженцев по международным договорам и соглашениям и по постановлениям Советской власти: с октября 1917 г. по октябрь 1921 г. Пг., 1921. С. 2.

Levin D.M. Pravovoe polozhenie inostrantsev v RSFSR: Spravochnik dlya inostrantsev, optantov i bezhentsev. Moscow, 1923. P. 29; Prava i obyazannosti inostrantsev, optantov i bezhentsev po mezhdunarodnim dogovoram i soglasheniyam i po postanovleniyam Sovetskoy vlasti: s oktyabrya 1917 g. po oktyabr 1921 g. Petrograd, 1921. P. 2.

² Егорьев В.В., Лашкевич Г.Н., Плоткин М.А., Розенблум Б.Д. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1926. С. 51.

Egorev V.V., Lashkevich G.N., Plotkin M.A., Rozenblyum B.D. Pravovoe polozhenie inostrantsev v SSSR. Moscow, 1926. P. 51.

³ Права и обязанности... С. 5–6.

Prava i obyazannosti... P. 5–6.

⁴ Там же. С. 59–60.

Ibidem. P. 59–60.

- ⁵ Левин Д.М. Указ. соч. С. 43–44.
Levin D.M. Op. cit. P. 43–44.
- ⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 624.
Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 3. Moscow, 1959. P. 624.
- ⁷ Там же. С. 626.
Ibidem. P.626.
- ⁸ Права и обязанности... С. 2, 3, 7, 8; Левин Д.М. Указ. соч. С. 16, 17, 29.
Prava i obyazannosti... P. 2, 3, 7, 8; Levin D.M. Op. cit. P. 16, 17, 29.
- ⁹ Права и обязанности... С. 3, 4, 6.
Prava i obyazannosti... P. 3, 4, 6.
- ¹⁰ Известия ВЦИК (Москва). 1921. 4 сент.
Izvestiya VTsIK (Moscow). 1921. Sept. 4.
- ¹¹ Лоткин И.В. Оптационная кампания и эвакуация граждан Прибалтийских государств на историческую родину в начале 1920-х годов // Вестник Красноярского государственного университета: Гуманитарные науки. 2005. Вып. 6. С. 28–32.
Lotkin I.V. Optatsionnaya kampaniya i evakuatsiya grazhdan Pribaltiyskikh gosudarstv na istoricheskuyu rodinu v nachale 1920-kh godov // Vestnik Krasnyarskogo gosudarstvennogo universiteta: Gumanitarnye nauki. 2005. Vol. 6. P. 28–32.
- ¹² Полян П., Зайончковская Ж., Витковская Г. Внешние миграции // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005. С. 493–519.
Polyan P., Zayonchkovskaya Zh., Vitkovskaya G. Vneshnie migratsii // Rossiya i eyo regiony v 20 veke: territoriya – rasselenie – migratsii. Moscow, 2005. P. 493–519.
- ¹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1922. № 33. Ст. 386.
Sobranie uzakoneny i rasporuyazheny Rabocheho i Krestyanskogo pravitelstva (SU RSFSR). 1922. No. 33. Col. 386.
- ¹⁴ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга: Путеводитель. Т. 2. М., 2002. С. 268.
Tsentralny Gosudarstvenny Archiv Sankt-Peterburga: Putevoditel. Vol. 2. Moscow, 2002. P. 268.
- ¹⁵ СУ РСФСР. 1920. № 26. Ст. 131.
SU RSFSR. 1920. No. 26. Col. 131.
- ¹⁶ Петрогуботкомхоз в 1922 г. (Отчетные данные). Пг., 1923. С. 60.
Petrogubotkomkhoz v 1922 g. (Otchetnye dannye). Petrograd, 1923. P. 60.
- ¹⁷ Красная газета (Петроград). 1922. 12 июля.
Krasnaya gazeta (Petrograd). 1922. July 12.
- ¹⁸ Красная газета. 1922. 27 сент. (Вечерн. вып.).
Krasnaya gazeta. 1922. Sept. 27. (Vechern. vup.).
- ¹⁹ Вестник Петросовета (Петроград). 1922. 4 окт.
Vestnik Pertosoveta (Petrograd). 1922. Oct. 4.
- ²⁰ Красная газета. 1922. 4 окт. (Вечерн. вып.).
Krasnaya gazeta. 1922. Oct. 4. (Vechern. vup.).
- ²¹ Красная газета. 1922. 6 окт. (Вечерн. вып.).
Krasnaya gazeta. 1922. Oct. 6. (Vechern. vup.).
- ²² Красная газета. 1922. 16 окт. (Вечерн. вып.).
Krasnaya gazeta. 1922. Oct. 16. (Vechern. vup.).
- ²³ Красная газета. 1923. 10 марта. (Вечерн. вып.).
Krasnaya gazeta. 1923. March 10. (Vechern. vup.).
- ²⁴ Горенко Ю. Где апельсины зреют // Красная газета. 1923. 16 февр. (Вечерн. вып.).
Gorenko U. Gde apelsiny zreyut // Krasnaya gazeta. 1923. Febr. 16. (Vechern. vup.).
- ²⁵ Там же.
Ibidem.
- ²⁶ Вестник Петросовета. 1923. 24 марта.
Vestnik Pertosoveta. 1923. March 24.
- ²⁷ Красная газета. 1923. 24 марта. (Вечерн. вып.).
Krasnaya gazeta. 1923. March 24. (Vechern. vup.).
- ²⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1001.
Op. 5. Д. 12. Л. 11.
- Central State Archive of Sankt-Petersburg (TsGA SPb). F. 1001. Op. 5. D. 12. L. 11.
- ²⁹ Там же. Л. 9–9об.
Ibidem. L. 9–9v.
- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 7. Л. 6.
TsGA SPb. F. 3178. Op. 31. D. 7. L. 6.
- ³¹ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 5. Л. 2.
TsGA SPb. F. 3178. Op. 31. D. 5. L. 2.
- ³² Там же. Л. 38.
Ibidem. L. 38.
- ³³ Там же. Л. 17.
Ibidem. L. 17.
- ³⁴ Там же. Л. 3.
Ibidem. L. 3.
- ³⁵ Там же. Л. 34.
Ibidem. L. 34.
- ³⁶ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 7. Л. 2.
TsGA SPb. F. 3178. Op. 31. D. 7. L. 2.
- ³⁷ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 6. Л. 113, 114.
TsGA SPb. F. 3178. Op. 31. D. 6. L. 113, 114.
- ³⁸ Там же. Л. 108.
Ibidem. L. 108.
- ³⁹ Там же. Л. 118.
Ibidem. L. 118.
- ⁴⁰ Там же. Л. 7.
Ibidem. L. 7.
- ⁴¹ Там же. Л. 16.
Ibidem. L. 16.
- ⁴² ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 3. Л. 31.
TsGA SPb. F. 3178. Op. 31. D. 3. L. 31.
- ⁴³ Там же. Л. 32.
Ibidem. L. 32.
- ⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 6. Л. 26.
TsGA SPb. F. 3178. Op. 31. D. 6. L. 26.
- ⁴⁵ Там же. Л. 28.
Ibidem. L. 28.
- ⁴⁶ Там же. Л. 121.
Ibidem. L. 121.
- ⁴⁷ Там же. Л. 124.
Ibidem. L. 124.
- ⁴⁸ Там же. Л. 138.
Ibidem. L. 138.

**ОБЫВАТЕЛЬ И СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ:
ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕМАГОГИИ В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ С ВЛАСТЬЮ
(Курская губерния, 1920-е гг.)**

В первое послеоктябрьское десятилетие жизнь людей в Советской России протекала в водовороте политических событий, которые быстро сменяли друг друга. Самой «повседневной» задачей для человека стала задача выжить, сохранить то, что он имел и по возможности «расти», улучшать материальные условия своей жизни. Главным препятствием в решении этой задачи являлась власть.

К середине 1920-х гг. период чрезвычайщины закончился, и действия власти стали приобретать формы, все более упорядоченные советским правом, вследствие чего возникали новые государственные учреждения и общественные организации, в том числе и в сфере юстиции.

Для рядового российского обывателя юстиция всегда была сферой достаточно «мудреной», его интересовало только то, насколько органы юстиции, суды или прокуратура разрешали его насущные, жизненно важные вопросы. Часто не задумываясь о сущности и характере новой власти и ее политических структур, люди просто вынуждены были сосуществовать с ними, вырабатывая или усваивая определенные «правила игры».

К середине 1920-х гг. большевистские идеи начали перерождаться в революционные лозунги демагогического характера, которые и стали излюбленным языком власти. Люди вынуждены были прибегать к политической демагогии, поскольку с властью требовалось общаться «на одном языке». По мере усложнения социальных отношений, необходимость обращения к органам юстиции возникала по значительному количеству поводов, зачастую самых обиденных. Подобная частота общения привела к тому, что демагогическая, революционная по форме, фразеология не только была освоена обывателем, но и превратилась в своеобразный инструмент решения собственных проблем.

Выдвинув лозунг утверждения «социалистической законности», Советская власть в начале 1920-х гг. все еще сохраняла импульс «революционности», причем он был тем сильнее, чем ниже уровень власти, поскольку революционная целесообразность «удобнее» законности. Это объясняло ситуацию, при которой, декларируя необходимость строгого соблюдения закона, власть сама неоднократно допускала правонарушения, прикрываясь борьбой за высшие идеалы революции. На местах такие нарушения носили более явный характер, чем в центре. В глазах обывателя это создавало следующую реальность: закон можно

нарушить, если это нарушение оправдывается идеей, привнесенной в жизнь и активно пропагандируемой большевиками.

Осмысление такой реальности приводило к своеобразным последствиям.

Во-первых, современники первых лет революции начали активно использовать политические клише в различных жалобах и прошениях, как письменных, так и устных, направляемых в исполкомы, в органы управления юстиции, в губернские суды, в ревтрибуналы, а затем и в прокуратуры различного уровня. Количество таких жалоб было значительным. Так, за 2-е полугодие 1929 г. Курской окружной прокуратурой было рассмотрено 2 497 жалоб, из которых 1 304 были жалобами рабочих, батраков и крестьян¹.

Любая, даже самая утилитарная просьба сопровождалась фразами, которые подчеркивали либо «правильное» происхождение, либо революционные заслуги самого просителя или его близких родственников. Например, в жалобах, направляемых в прокуратуру, часто встречаются ссылки на службу в Красной армии самих жалующихся или их детей². Служба в Красной армии в тех условиях – факт политический, и люди были убеждены, что его оценят как заслугу, которая не позволит ущемлять их права.

Простые крестьяне при написании жалоб были не менее эмоциональны, чем партийные идеологи, сопровождая свои претензии пассажами, скажем, такого рода: «Я состоял секретарем деревенского Комбеда и, несмотря на свое сейчас состояние здоровья как физического так и душевного, я был стойкий за бедный и голодный народ и вообще работал в интересах нашего революционного Правительства»³.

Более образованные просители прибегали к иной, более «продвинутой», фразеологии.

Отозванный из состава Курской коллегии правозащитников Н.Н. Андреев обратился с просьбой пересмотреть это решение, ссылаясь на то, что работает по своей специальности в судах с 1918 г., ни разу не лишился избирательного права, работал в должности юрисконсульта в различных организациях, лоялен к Советской власти, что подтверждалось уполномоченным губсуда по Белгородскому уезду и уполномоченным президиума коллегии защитников⁴.

Участившиеся в середине 1920-х гг. случаи отказа в приеме в коллегию или отзыва правозащитников из состава коллегии раскрывают еще одно последствие: в случае действительно совершенных правонарушений можно было попытаться избежать неблагоприятного для себя исхода путем манипулирования революционными фразами.

Так, некоему А.Т. Вознесенскому Старооскольская коллегия правозащитников отказала в приеме на основании отзыва Старооскольского

уездного исполкома о том, что в 1919 г. он бежал с белыми и имеет недоброжелательные для Советской власти взгляды.

Связи с «белогвардейцами» в середине 1920-х гг. были моментом биографии, который мог иметь опасные последствия. Тем не менее, Вознесенский не только не попытался затушевать эту историю, но и написал жалобу в президиум Курского губисполкома. В ней он привел такие аргументы: «...Происходя сам из пролетарской семьи, будучи сыном сельской учительницы, прослужившей 26 лет на ниве народного образования и отдавшей низовому крестьянству лучшие годы своей жизни, она, уча меня на жалкие крохи, мыслила, очевидно, сделать из меня полезного члена общества и честного гражданина для Республики Советов. <...> Двадцать лет болезненного ученического труда пошли насмарку, в то время когда республика Советов в этот ответственный момент мирного строительства бьет грозный клич “Лицом к деревне и трудящимся”»⁵.

В иных случаях просители не пытались оправдать себя, но выступали в качестве радетелей общего блага, для чего большевистская фразеология открывала необъятные возможности. Скажем, выпускник юридического факультета Московского университета, член Курской коллегии правозащитников С.В. Королев был исключен из состава коллегии на основании того, что имел дисциплинарное взыскание по обвинению в ведении дела с двух сторон. Наличие столь серьезного для адвоката с университетским образованием обвинения не помешало Королеву обратиться с прошением в губисполком: «Губсуд представил к отозванию исключительно волостных, наиболее необходимых населению [защитников], не считаясь, что многие и так лишены юридической помощи, оставив ЧКЗ по г. Курску»⁶.

Прошения адвокатов, как правило, не приводили к нужному им исходу дела: губисполком оставлял решения об исключении из членов коллегии без изменений.

Особенно яркий пример спекуляции населения революционной фразеологией при общении с органами Советской власти дает история, которая произошла в Путивльском уезде Курской губернии. В ее исследовании и принятии решения участвовали губернские и российские органы юстиции.

В июне 1922 г. во ВЦИК поступила жалоба уполномоченных трудовой сельскохозяйственной артели № 11 при Софрониевской пустыни Путивльского уезда на постановление уездного исполкома о ее ликвидации. Жалоба была направлена в Ликвидационный отдел Наркомата юстиции, который, в свою очередь, запросил заключение Наркомзема о статусе трудовой артели.

В ходе изучения вопроса выяснилось, что в начале 1921 г. в Софрониевской пустыни поселились беженцы из занятых польскими войсками губерний. В феврале 1921 г. 120 монашествующих пустыни и 48 беженцев

объединились в трудовую сельскохозяйственную артель, в апреле зарегистрировали ее надлежащим образом и утвердили устав. Однако в июне 1922 г. постановлением Путивльского уисполкома артель была объявлена распущенной, членов артели надлежало в семидневный срок выселить в Глинский и Путивльский монастыри, церкви Софрониевской пустыни закрыть, а все артельное имущество передать Детскому городку, который должен был быть организован в пустыни на основании приказа Курского губисполкома от 16 апреля 1922 г. за № 100⁷.

В своем обращении во ВЦИК уполномоченные артели объявили постановление «неправильным», так как не все члены артели были монашествующими, но все имели рабоче-крестьянское происхождение. Кроме того, существование артели, по мнению жалобщиков, не препятствовало организации Детского городка, а наоборот: «культурное ведение сельского хозяйства и выделка членами артели всевозможных кустарных изделий является для детей наглядным показанием и способствует техническому их развитию»⁸. Поэтому уполномоченные просили не закрывать артель и отменить постановление уисполкома и приказ губисполкома.

К жалобе было приложено документ, названный «Приговором жителей села Новой Слободы Новослободской волости Путивльского уезда». В нем жители этого села ходатайствовали «перед Советской властью существующий монастырь и монашествующих оставить на месте и продолжать богослужения»⁹.

Казалось бы, перед нами – типичный пример произвола местных властей, вознамерившихся уничтожить действовавший на абсолютно законных началах трудовой коллектив исключительно по причине того, что его членами были монахи, и он находился на территории монастыря. Для подобного решения могли быть различные основания. Во-первых, в условиях начавшейся борьбы с РПЦ и религией – «опиумом для народа» местные Советы демонстрировали вышестоящему губернскому начальству свое рвение и большевистскую непреклонность. А во-вторых, для уездных руководителей подобные радикальные решения были наиболее приемлемы, поскольку «они любили и умели отдавать приказы, конфисковывать и расстреливать»¹⁰.

Но присмотримся к ситуации внимательнее.

В протоколе артельного собрания, направленного в Путивльский уисполком в 1922 г. монахи писали: «Последние два года трудовая артель не получала никакого надела земли, пропитываясь выдаваемым хлебным пайком, но последний уже давно прекращен и теперь приходится поддерживать существование артели подаянием усердствующих людей»¹¹.

Однако сохранившиеся документы свидетельствуют: весной 1921 г. с разрешения Путивльского уездного земельного комитета артель взяла в аренду на 9 лет 5,5 дес. монастырского сада и 42 дес. «заросшего кустами

луга»¹². Осенью того же года за деньги, вырученные от продажи фруктов и сена, был приобретен скот, а в местном лесничестве куплены 2 дес. леса на дрова, для ремонта построек и текущих хозяйственных нужд. Кроме этого, артель взяла в аренду на 6 лет бывшие государственные водяные мельницы и валуши в селе Теткино Рыльского уезда Курской губернии и капитально отремонтировала их¹³.

В середине 1922 г. на попечении артели находилось 24 коровы, 2 пары волов, 6 лошадей, а также было куплено более 1 000 п. продовольственного зерна. Согласно «записке» совета сельхозартели, ей принадлежали овощесушилка, паровая мельница, кузница и столярная мастерская. Если принять в качестве среднесуточного надоя от одной коровы 10 л молока и предположить, что дойными были половина коров стада, то простой расчет показывает: каждый член артели только хлебом и молоком был обеспечен в размере 8,5 кг и 21,9 л в месяц, что вряд ли можно назвать «поддержанием существования», требующим «подавания усердствующих людей».

Все приведенные данные почерпнуты из документов, созданных самой артелью и направленных в различные инстанции. Причина столь яркой противоречивости сведений довольно проста: жалобы на бедность и голод в протоколе собрания артели, направленном в уисполком, предвзряют просьбу об аренде пахотной земли¹⁴.

Это – не единственное противоречие, содержащееся в документах артели. В жалобе во ВЦИК уполномоченные настаивали на том, что не все члены являлись монашескими, то есть присоединившиеся к артели 48 беженцев монахами не были. Однако по приводимым самой артелью данным, все члены артели были мужчинами разного возраста. С одной стороны, пустынь – это мужская монашеская община. С другой – вряд ли можно предположить, что из губерний, занятых поляками, бежали только одинокие мужчины, а упоминания о том, что на территории монастыря или где-либо по соседству проживали семьи не монашеских членов артели, отсутствуют. Между тем, это был бы серьезный козырь в борьбе за сохранение артели, поскольку в случае ее закрытия сами монахи остались бы жить в монастыре, а судьба семей беженцев становилась весьма тяжелой. Поэтому вероятнее всего, беженцы либо также были монахами, либо не имели монашеского сана, но проживали в каком-либо монастыре, из которого вынуждены были уйти по причине разорения или военных действий.

Рассмотрением жалобы занимался следователь «по важнейшим делам» Курского губернского отдела юстиции. Такие следователи в 1921–1922 гг. осуществляли «производство расследований по делам, имеющим общегосударственное значение, а также по таким делам, в которых привлекаются к ответственности видные представители местной власти, могущие, благодаря своему служебному положению оказать давление на

обычный следственный аппарат»¹⁵. Им было подмечено еще одно противоречие: уполномоченные артели всячески подчеркивали, что их беспокойство связано не с вопросами религии, а с тем что, в случае закрытия артели, пострадают гражданские лица, входящие в ее состав, однако вместе с тем артельщики просили не закрывать монастырские церкви.

Все вышеописанное создает впечатление лукавства со стороны артельщиков, суть которого на первый взгляд не ясна, поскольку артель была официально зарегистрирована с учетом всех законных требований, и логично было бы апеллировать к властям, используя ими же утвержденные документы. Но, как оказалось, именно этого артельщики и стремились избежать.

Чтобы прояснить ситуацию, обратимся к другой стороне конфликта – местным властям.

Основанием для ликвидации артели монахи называли приказ Курского губисполкома за № 100. Он был подписан 14 апреля 1922 г. и содержал следующее:

«В целях улучшения материального положения детских учреждений-интернатов дошкольного и школьного возраста, а также поднятия на должную высоту дела социального воспитания путем концентрации детских домов при наличии квалифицированных работников Губисполком постановляет:

1. Детские учреждения-интернаты дошкольного и школьного возраста объединить в Детские городки, организуемые по принципу самопроизводящих коммун.

2. Детские городки основывать в помещениях, вполне оборудованных, расположенных в местах здоровых в климатическом отношении и на берегу реки, в лесу, или вблизи леса»¹⁶.

И с позиций сегодняшнего дня это решение можно расценить как здоровое, преследующее благородные цели. А уж в условиях массовой беспризорности, сопровождавшейся беспримерным уровнем детской преступности и детской смертности, оно было, выражаясь по-ленински, «архиважным».

Далее в приказе перечислялись пункты, в которых Детские городки основывались в первую очередь: в Курском уезде – в Коренной пустыни (400 детей), в Дмитриевском уезде – в селе Михайловке (200 детей), в Льговском уезде – в селе Ивановском (500 детей), в Обоянском уезде – в селе Ивне (200 детей), в Белгородском уезде – в Белгородском монастыре (250 детей), в Путивльском уезде – в Софрониевской и Глинской пустыни (600 детей)¹⁷.

Оставим на «революционной» совести губернских советских чиновников то, что для первоочередного размещения Детских городков они выбрали исключительно расположенные на территории губернии мона-

стыри и бывшие дворянские усадьбы. Так, село Ивановское в Льговском уезде – бывшее имение князей Барятинских. В конце концов, именно они больше всего подходили под оборудованные помещения, расположенные «в местах здоровых в климатическом отношении и на берегу реки, в лесу, или вблизи леса».

Обратим внимание на другое: приказ априорно предполагал использование Детскими городками монастырских построек и земли, но в нем ничего не говорится о ликвидации каких-либо организаций или обществ, принадлежавших монастырям или связанных с ними. Сами монахи признавали, что места в пустыни хватило бы и им, и Детскому городку.

По всей видимости, тут сложилась ситуация, являющаяся логической ошибкой “cum hoc ergo propter hoc” (вместе с этим значит вследствие этого). То есть: ликвидация артели являлась не прямым следствием создания Детского городка, а в процессе создания Детского городка на территории пустыни власти обратили внимание на некую деятельность артели, которая и привела к ее ликвидации.

Подтверждением этому является заключение Кооперативного подотдела Курского губернского земельного управления: в нем указано, что артель допускала прямые нарушения «социалистической законности». Одним из них являлось то, что она не выполняла трудовые повинности, в частности уклонялась от выполнения наряда на добычу торфа. Это подтверждается ходатайством артели в укомзем об отсрочке при мобилизации членов артели на торфяные работы, «как необходимых для жизни коллектива»¹⁸.

Более того, в мае 1921 г., то есть через месяц после своей регистрации, артель направила ходатайство уездному военкому об освобождении от мобилизации 26-ти членов артели, мотивируя это тем, что если «онных заберут, то артель наша не сможет содержать в исправности огород и сады, так как трудоспособных останется мало»¹⁹. Между тем, когда для решения вопроса о разрешении аренды земли, уисполком затребовал данные о составе артели, то в предоставленных сведениях было указано: из 164-х членов артели нетрудоспособными являются только 24²⁰. Таким образом, при условии мобилизации 26-ти человек, в артели осталось бы 114 трудоспособных мужчин.

Документы не дают ответа на вопрос, были ли удовлетворены эти слезные ходатайства, но налицо факт явных попыток уклонения артели от выполнения установленных государством повинностей.

Кроме того, работники Курского губернского земельного управления утверждали, что доходы артели шли на нужды монастыря. Скорее всего, это стало очевидно, когда уездные чиновники оказались на территории монастыря в ходе подготовки открытия Детского городка.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах артели невыгодно было жаловаться на нарушение местными властями своих решений путем ликвидации коллектива, работавшего на законных основаниях. Артель вступила в соперничество с местной властью, а соперничество – стратегия поведения в конфликте, которая целесообразна в ситуациях с высокой вероятностью опасных последствий. Монахи знали, что совершали противоправные действия, и, жалуясь во ВЦИК, настойчиво повторяли аргумент, что в состав артели входили не только монахи, но и миряне, и если артель ликвидируют, то будут ущемлены права и тех, и других.

Действия властей в этой истории также нельзя оценить однозначно.

После того как уисполком принял постановление о ликвидации артели, монахи обратились с жалобой во ВЦИК, по-видимому, минуя губернскую «горизонталь», что было вполне в духе того времени. Дальше сработала советская бюрократическая машина: дело касалось РПЦ, и жалобу перенаправили в Наркомюст. Как уже говорилось, выяснение обстоятельств дела было поручено следователю «по важнейшим делам» Курского губернского отдела юстиции. По всей видимости, органы юстиции не собирались механически, формально давать «добро» на произвольную ликвидацию артели и конфискацию ее имущества.

Следователь направил в Курский губернский земельный комитет запрос. Его интересовали такие моменты: правильность регистрации артели, выполнение ею необходимых трудовых повинностей, ее взаимоотношения с монастырем и т.д. И только получив сведения об указанных выше нарушениях, он признал постановление Путивльского уисполкома обоснованным²¹.

Местные власти тоже действовали предвзято. Дело не только в том, что под размещение Детских городков были выделены в основном монастыри, хотя, учитывая природные условия Курской губернии, недостатка в «местах здоровых в климатическом отношении и на берегу реки, в лесу, или вблизи леса» явно не было. В условиях набравшей обороты антицерковной и антирелигиозной кампании власти были более «бдительны» ко всему, что касалось РПЦ, при этом они закрывали глаза на куда более серьезные нарушения закона, а зачастую и сами его нарушали.

Есть в этом деле и еще одно противоречие.

Курский губернский земельный комитет приводит сведения о том, что «в монастыре уже второй год живут больше сотни детей в непосредственном контакте с монахами и предметами культа»²². Местные чиновники использовали это обстоятельство как аргумент в поддержку своего решения о ликвидации артели, что явно лишено здравого смысла.

Во-первых, артель была самостоятельным коллективом и всячески отмежевывалась от монастыря. Во-вторых, именно на территории монастыря предполагалось открыть Детский городок. Понятно, что для

партийно-советских чиновников, «несущей конструкции» «государства рабочих и крестьян», принявшего в числе первоочередных Декрет об отделении церкви от государства, постоянное нахождение детей в монастыре было и противозаконным, и противоестественным. Но вряд ли «непосредственный контакт с монахами и предметами культа» был более опасным для будущих «строителей коммунизма», чем контакт с улицей, голодом и преступным миром. Как известно, уклад жизни любого монастыря основывается на посильном труде тех, кто в нем проживает. По сути, монахи уже делали то благое дело, которое Советская власть только пыталась организовать, но если для власти это было «поднятием на должную высоту дела социального воспитания», то монастырю это вменялось в вину как незаконное, а то и «антисоветское» действие.

Подведем итоги. В начале 1920-х гг. обывателю, и в городе, и в деревне, стало очевидным, что революционные лозунги, выдвигаемые большевиками – не более чем политическая демагогия. Однако жить «вне власти», не соприкасаясь с ее институтами, в том числе и юридическими, было невозможным потому, что она регламентировала все стороны жизни, а кроме того, порождала новые формы и предпринимала новые действия, с которыми человеку постоянно приходилось сталкиваться вне зависимости от своего желания. Аренда земли, договоры купли-продажи, иные повседневные действия делали необходимыми контакты обывателей с органами юстиции. Кроме того, местные власти часто нарушали декларируемые права граждан, что также вынуждало последних обращаться в суды, прокуратуру или органы управления юстицией. Обыватель «принял» новую власть и ее «правила игры», а его предприимчивость находила лазейки в самых жестких политических конструкциях и условиях, стала способом приспособления и выживания в той повседневности.

Навязчивое внедрение в массы революционных лозунгов вызвало своеобразный «эффект бумеранга»: во взаимоотношениях с органами советской юстиции обыватели с большим или меньшим размахом использовали предлагаемую властью демагогическую фразеологию для оправдания собственных, далеких от «революционных идеалов», а то и неправомерных действий, подавая их как идейно оправданные и целесообразные.

Примечания

- ¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-1721. Оп. 1. Д. 8. Л. 16–17. State Archive of Kursk oblast (GAKO). F. R-1721. Op. 1. D. 8. L. 16–17.
- ² ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 26. Л. 26, 36. ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 26. Л. 26, 36.
- ³ ГАКО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 47. Л. 49. ГАКО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 47. Л. 49.
- ⁴ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1587. Л. 355.

ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1587. Л. 355.

⁵ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1234. Л. 2–3.

ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1234. Л. 2–3.

⁶ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1588. Л. 582.

ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1588. Л. 582.

⁷ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 145.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. A-353. Op. 6. D. 22. L. 145

⁸ Там же. Л. 141.

Ibidem. L. 141.

⁹ Там же. Л. 149.

Ibidem. L. 149.

¹⁰ Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921 – 1925 гг. // Вопросы истории. 2004.

№ 8. С. 96.

Brovkin V.N. Kultura novoy elity, 1921 – 1925 gg. // Voprosy istorii. 2004. No. 8. P. 96.

¹¹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 7.

GA RF. F. A-353. Op. 6. D. 22. L. 7.

¹² Там же. Л. 141.

Ibidem. L. 141.

¹³ Там же.

Ibidem.

¹⁴ Там же. Л. 7.

Ibidem. L. 7.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 25. Л. 154.

ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 25. Л. 154.

¹⁶ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 22. Л. 145.

GA RF. F. A-353. Op. 6. D. 22. L. 145.

¹⁷ Там же.

Ibidem.

¹⁸ Там же. Л. 51.

Ibidem. L. 51.

¹⁹ Там же. Л. 36.

Ibidem. L. 36.

²⁰ Там же. Л. 17–18.

Ibidem. L. 17–18.

²¹ Там же. Л. 157.

Ibidem. L. 157.

²² Там же. Л. 156.

Ibidem. L. 156.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

Д.Ю. Исповедников

ОСВЕЩЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ РАЗВЕДКОЙ ШТАБА ИРКУТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1918 – 1919 гг.)

Одной из наименее изученных страниц истории органов «белой» разведки в годы Гражданской войны является работа Разведывательного отделения штаба Иркутского военного округа на территории Дальнего Востока. Между тем документы штаба округа, сохранившиеся в Российском государственном военном архиве и до сих пор не введенные в научный оборот, позволяют относительно полно изучить его разведывательную деятельность в период существования антибольшевистских правительств в Сибири.

Начало возрождению разведывательной службы на Дальнем Востоке положило восстановление Иркутского военного округа, образованного приказом по военному ведомству Временного Сибирского правительства № 7 от 22 июля 1918 г. (здесь и далее даты по новому стилю). Восстановлен он был в прежних территориальных границах: Иркутская и Енисейская губернии, Забайкальская и Якутская области¹.

В штабе округа, сформированном в соответствии со штатом № 13 Свода штатов военно-сухопутного ведомства от 1912 г.², было создано в том числе и Разведывательное отделение. Оно было включено в состав Управления 2-го генерал-квартирмейстера. Отделение состояло из начальника и трех помощников, занимавшихся подбором офицеров для секретных командировок. Кадровую основу отделения в первое время составили члены образовавшихся после прихода к власти большевиков подпольных офицерских организаций, которые в конце 1917 – начале 1918 гг. действовали в Иркутске, Чите, Благовещенске, Владивостоке и ряде других городов. В сентябре 1918 г., после обращения штаба округа на формирование штаба 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, когда военно-окружные управления стали частью соответствующих управлений корпуса, Разведывательное отделение вошло в состав Управления обер-квартирмейстера штаба корпуса³.

18 декабря 1918 г. на основании приказа верховного правителя и верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака № 76 корпусные

районы были заменены военными округами. В их числе был образован Средне-Сибирский (с января 1919 г. – Иркутский) военный округ со штабом в Иркутске, включивший в себя Иркутскую и Енисейскую губернии, а также Забайкальскую область. Согласно утвержденным в мае 1919 г. Военным министерством временным штатам военно-окружного управления, Разведывательное отделение вошло в состав Квартирмейстерского отдела⁴.

В середине декабря 1919 г., после продолжительных вооруженных выступлений местного населения против власти Колчака, штаб Иркутского военного округа был расформирован. Большая часть личного состава отступила вместе с остатками войск в Забайкалье.

Новый штаб Иркутского военного округа был сформирован на базе штаба Забайкальского военного округа после того как приказом адмирала Колчака от 24 декабря 1919 г. главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа был назначен генерал-лейтенант Г.М. Семенов. Под командованием атамана округ находился до весны 1920 г., когда он прекратил свое существование вследствие взятия Иркутска частями Красной армии.

* * *

После вторичного формирования округа в декабре 1918 г. полноценная разведывательная деятельность начала развиваться по нескольким направлениям. Их приоритетность определялась, с одной стороны, функциональной и структурной преемственностью между дореволюционной и послереволюционной организацией отделений, с другой – текущими потребностями, вызванными вооруженной борьбой против Красной армии и различных большевистских сил.

Работа Разведывательного отделения штаба, направлявшаяся приказами и инструкциями Главного управления Генерального штаба, которому оно стало подчиняться после Русско-японской войны, была направлена на освещение территории Восточной Монголии, Маньчжурии и Северного Китая. Поражение в войне с восточным соседом, ставшее следствием, помимо прочего, слабой изученности театра военных действий и отсутствия подробных карт местности, усилило внимание военного ведомства к Дальнему Востоку и обусловило увеличение финансирования и активизацию разведывательной службы, в частности – развитие агентурных сетей на территориях, прилегающих к русским границам. Эти сети перешли «по наследству» к антибольшевистским государственным образованиям.

В последние дни своего существования, в октябре 1917 г., Разведотделение отсылало в Разведывательное делопроизводство Главного

управления Генштаба труды по изучению Иркутского военного округа и сопредельных с ним районов Монголии и Китая, карты и разведывательные сводки. 2-му обер-квартирмейстеру Главного управления Генштаба направлялись проходившие через Иркутское почтово-телеграфное контрольное бюро письма японцев из «Общества корреспондентов по изучению Внешней Монголии» в Урге⁵.

После восстановления Иркутского военного округа в его разведывательный район были включены Барга, Урянхайский край и внешняя Монголия, разделенные на четыре разведывательных сектора – Баргинский, Ургинский, Улясутайский и Урянхайский. Разведка, как и в дореволюционное время, была разделена на агентурную и войсковую, которые сильно пострадали в период хозяйничанья большевиков в 1918 г. и к началу 1919 г. оказались полностью разрушенными. Агентурная действовала только в трех секторах и в неполном штате: в составе двух агентов в Урге, одного в Урхяе, одного в Улясутае и двух агентов для поручений. Войсковая разведка, состоявшая из пеших и конных команд, к которой обыкновенно привлекались поселковые атаманы, была разлажена из-за неопределенного положения Забайкалья и на тот момент не управлялась штабом округа. Вся разведывательная деятельность осуществлялась одной сотней, выдвинутой в город Белоцарск, и одной ротой в селе Усинское, на границе с Урянхайским краем.

Главной проблемой в процессе восстановления разведывательной службы в штабе Иркутского военного округа была финансовая.

Первые кредиты от Военного министерства, из Омска, были получены только в декабре 1918 г.⁶ Согласно смете Разведотделения 4-го Восточносибирского корпуса на декабрь 1918 г., на содержание пяти агентов-руководителей требовалось 2 000 руб., десяти агентов-резидентов – 2 500 руб., девяти агентов-почтальонов – 900 руб., двух агентов-ходоков – 400 руб., агентов для поручений – 600 руб., на внутреннюю агентуру – 1 000 руб. Кроме того, на командировки руководителей требовалось 2 150 руб., на подготовку агентов – 1 000 руб., на содержание бюро печати – 500 руб., на канцелярские принадлежности – 250 руб., на непредвиденные расходы – 3 700 руб. Требовались также 5 000 руб. как единовременное пособие на обзаведение недостающим имуществом и 1 159 руб. на дополнительное содержание личного состава отделения⁷. Таким образом, месячное содержание агентурной сети в Монголии и Урянхяе требовало около 15 тыс. руб.

Отсюда выводилась и общая сумма секретных расходов на содержание разведки и контрразведки на четыре месяца, считая с 1 января 1919 г., которая составила 10,4 млн руб., то есть 2,6 млн руб. в месяц. На контрразведку из них шел 1,4 млн руб., а на разведку – 1,2 млн руб. По подсчетам,

произведенным в марте 1919 г. помощником начальника Главного штаба полковником Г.И. Клерже, из этой суммы на ведение разведки штабом Омского военного округа требовалось 10 000 руб., Иркутского – 25 000 руб., Приамурского вместе со штабом пограничной стражи КВЖД – 50 000 руб. в месяц.⁸ Расчет был произведен исходя из того, что на секретном совещании в Петрограде, при Главном управлении Генштаба в 1917 г., годовой отпуск на разведку одному только штабу Приамурского военного округа предполагалось довести до 150–200 тыс. руб., то есть приблизительно до 17 000 руб. в месяц (при стабильном курсе рубля).

Помимо секретной агентуры, как на Директории, так и на правительстве адмирала Колчака лежала ответственность за содержание официальных зарубежных военных агентов (по сути – военных атташе, легальных разведчиков). По состоянию на март 1918 г., военные агенты продолжали работать в Японии, Китае, Персии, США, Англии, Франции, Бельгии, Дании, Голландии, Швейцарии, Италии, Испании, Сербии, Греции и Швеции. Согласно докладу помощника начальника Главного штаба от 11 марта 1919 г., «отсутствие у агентов денежных средств подрывало престиж России, а сокращение их числа за границей было невозможным, поскольку могло быть истолковано как умаление собственного достоинства».⁹ Содержание одного такого военного агента в месяц стоило 40 000 руб., 15-ти агентов – 600 000 руб. На содержание русского военного агента в Японии – полковника Подтягина – требовалось 7 500 иен или 51 000 руб. в месяц, а наиболее дорогостоящим было содержание агента во Франции, который обходился омской власти в 60 000 фр. или в 150 000 руб. ежемесячно¹⁰.

Другой острой проблемой разведывательной службы был дефицит профессиональных кадров, ставший следствием неоднократных мобилизаций.

В октябре 1919 г. в штабе Иркутского военного округа задумали организовать школу разведчиков для младшего командного состава полковых пеших и конных команд. Подготовку разведчиков специальных родов войск – артиллерии, инженерных и технических – планировалось проводить в учебных командах строевых частей по курсу 1912–1914 гг. с учетом опыта Первой мировой войны. Расходы на подготовку оценивались так: содержание постоянного состава – 437 245 руб., переменного состава – 513 216 руб., содержание зданий – 137 220 руб., оборудование школы – 84 000 руб., вещевое довольствие – 121 514 руб., приобретение учебных материалов – 100 000 руб. в год. Содержание конспиративной квартиры – 180 000 руб., плата за обучение постоянному составу – 72 000 руб., переменному составу – 198 000 руб., учебные пособия – 6 000 руб. в месяц. По штату в школе должно было числиться 6 офицеров, 2 чиновника, 20

солдат строевых и 19 нестроевых¹¹. Проект школы разведчиков остался на бумаге.

Тем не менее, даже при острой нехватке денег и людей, Разведотделению штаба Иркутского военного округа удалось наладить освещение дальневосточного приграничья.

* * *

С конца 1918 г. в Разведотделение стали поступать первые данные о географических особенностях Монголии, о состоянии ее рынка. Получали их, как и прежде, от основных источников разведки: секретных агентов из числа завербованных иностранцев (таких как монгольский князь Баир-Гун) или подданных России, работающих в негосударственных организациях и проживающих за границей как частные лица, а также от военных агентов – офицеров, служащих при русских консульствах или находящихся в секретных командировках¹².

Консулы в Цицикаре, Кобдо, Улясутае и Маймачене в первое время координировали и обеспечивали деньгами агентурные сети на местах. Минимальная плата низшему агенту составляла 450 руб. в месяц, агенту-резиденту – до 250 китайских долл. и дороже. Сведения, содержащиеся в тайных письмах, направляемых этими агентами на имя консула, в дальнейшем систематизировались для отправки в Разведотделение в форме докладов.

Так, в одном из таких докладов российский консул в Цицикаре сообщал о перемене дислокации китайских войск, о борьбе духовной и светской власти в Монголии, о деятельности Ургинского Бурятского комитета, а также о связях японских офицеров, проживающих в Ургинской и Маймаченской японских колониях, с атаманом Семеновым¹³.

О дружеских отношениях китайских чиновников с большевиками Троицкосавского совдепа сообщал в мае 1919 г. русский консул в Маймачене. Согласно его телеграмме, отправленной в Разведотделение, большевикам благодаря дружественным отношениям с китайскими властями удалось беспрепятственно произвести аресты старшины русской колонии в Маймачене и переводчика вице-консула на монгольской территории. При этом китайский комиссар в Маймачене Лю Иань оказывал содействие большевикам и заставил удалиться из города белогвардейскую организацию, составляющую конвой вице-консула¹⁴.

Военно-политическая и экономическая ситуация в приграничных китайских провинциях всю мировую войну вызывала повышенный интерес российской власти: через них следовали гуманитарные и военные грузы союзников. Кроме того, Монголия исторически являлась безаль-

тернативным (с учетом географической близости и приемлемости цен на ее внутреннем рынке) торговым партнером русского Дальнего Востока, поставщиком необходимых для армии лошадей и скота.

После переворота в Верхнеудинске и Троицкосавске продовольственные, хошунные, областные, городские и прочие комитеты начали реквизиции, не считаясь ни с нуждами русских колоний в Монголии, ни с нуждами самих монголов. В конце сентября 1918 г. Троицкосавская городская управа запретила вывоз в Монголию любых продовольственных продуктов, как местных, так и проходящих через Троицкосавск транзитом. Это затронуло интересы монгольского правительства, которое поручило Кяхтинской фирме «Каковин и Басов» приобрести 35 вагонов муки. И Урга приняла против населения Троицкосавска ответные меры: запретила вывоз дров, сена и мяса, которые город получал исключительно из Монголии. Меры оказались весьма действенными. Инцидент был исчерпан после того как Иркутский краевой комиссар разъяснил Троицкосавской городской управе, что она не имеет права закрывать границу. А дипломатический агент разъяснил монгольскому правительству, что происшествие было простым недоразумением¹⁵.

Стремление своевременно и точно осветить экономическую ситуацию в Монголии, ввиду важности ее как источника сырья, стоило Разведотделению крупных и не всегда рациональных расходов. Так, была организована секретная командировка штабс-капитана Коршунова в Монголию, продлившаяся с 31 июля по 1 декабря 1919 г. и обошедшаяся штабу округа в 20 тыс. руб. При этом ее результаты так и не были изложены в сколько-нибудь обстоятельном докладе¹⁶.

Другим протекторатом бывшей Российской империи, представлявшим особый интерес для Разведотделения, был Усинско-Урянхайский край. О положении в нем докладывал в своих рапортах исполняющий должность командира Усинской отдельной роты подпоручик Крихно. В отличие от Монголии, внимание к этому краю было вызвано в меньшей степени хозяйственными соображениями, а в большей – обострившимся конфликтом местного населения с русскими жителями.

Как следовало из составленного на основе разведывательных данных доклада командующего войсками Иркутского военного округа генерал-майора В.И. Волкова от 14 февраля 1919 г., «дело мирного завоевания и закрепления края за Россией» приостановилось с первых дней революции¹⁷. Урянхайские нойоны уже летом 1917 г. начали планировать выход из-под протектората России. И хотя тяготение «туземной» знати к Китаю и Монголии наблюдалось и раньше, но теперь оно было усугублено политикой краевого Совета, конкретно – реквизициями и грабежами. По сообщениям разведки, уже в июне 1918 г. шесть китайских чиновников, из которых

один был секретарем Улясутайского Китайского управления – Мен-Цюй – с двумя сопровождающими и тремя доверенными китайских фирм Боянбо, Ташитай-фи и Байчжим-Бату, торговавших в Урянхае, прибыли в Уланком, административный центр края. Целью китайцев было пресечь русское посредничество в деле снабжения Урянхия китайскими фабрикатами, собрать с сойотов долги в пользу китайских фирм, работавших в крае до 1912 г., и наказать тех лиц русского и «туземного» происхождения, которые были замешаны в изгнании китайцев и разграблении их амбаров с товарами. Сразу после этой встречи монголо-китайские отряды начали проявлять в крае активность. Один из них в Цициргане снял пост из девяти русских дружинников и начал продвижение по Таргалыкскому перевалу.

Войсковая разведка сообщала, что к 27 февраля 1919 г. китайский отряд численностью 400–500 человек при одном полевом и двух траншейных орудиях, а также 8-ми пулеметах во главе со старшим начальником Ян-Ши-Чао находился напротив перевала Баить-Тагны на реке Таргалык, восточнее русских постов, гарнизон которых составлял всего 80 человек при 53-х винтовках. В ночь на 1 марта монголо-китайский отряд около 100 человек перешел через хребет между проходами Чжедань и Малый Кундурей, направляясь в сторону монастыря на Верхней Куре для захвата штаба русской сотни и местных, «туземных», центральных управлений. В результате им удалось ненадолго занять штаб русских, однако вскоре они были оттуда выбиты русскими дружинниками¹⁸.

Еще до начала вооруженного конфликта начальник разведки штаба Средне-Сибирского военного округа капитан Деллинсгаузен докладывал в своем рапорте начальнику штаба полковнику Гловацкому о ситуации в протекторате: «Представителю нашего правительства в Урянхае нужно обладать большим дипломатическим тактом и административным опытом, а главное знанием края, дабы удержать эту богатую окраину за нами и наладить отношения с аборигенами – урянхами. В данное тяжелое переходное время в Урянхае необходим военный комиссар, который бы хорошо знал урянхайский вопрос, он должен иметь в своем распоряжении минимально две сотни казаков и роту пехоты с пулеметами, так как в случае угрозы вторжения вооруженных банд со стороны Монголии имеющихся в Усинско-Урянхайском крае воинских частей недостаточно для закрытия всех проходов через хребет Танку. Получить подкрепление из ближайших гарнизонов Ачинска и Красноярска нельзя рассчитывать, особенно зимой, когда Саяны заваливаются снегом глубиной до 5 аршин»¹⁹.

В то время Уланком не имел связи ни с Кобдо ни с Улясутаем, и русские и урянхайцы оказались отрезаны китайскими войсками от этих областей. Русские чиновники стремились распространить среди урянхайцев

уверенность в том, что Россия обеспечит им укрытие для семей и стад в случае возможного отступления под давлением китайцев, если урянхайцы начнут действовать против захватчиков более активно, не давая свободно разрушать русские поселения и создавая надежный буфер для России.

Посылать боевые части для военных операций против китайских отрядов Омское правительство адмирала Колчака в своем положении не могло. В итоге охрана Улясутайского края была возложена на Иркутский военный округ. Обеспечивалась она Енисейской сотней, которая должна была не только контролировать более чем 100 верст границы края с Монголией, но и, за нехваткой милиции, арестовывать выпущенных из Минусинской тюрьмы большевиков²⁰. Регулярные части прибывали в край постепенно, и только к августу 1919 г., после того как из Красноярска в Урянхай отпавились 2-я сотня и пулеметная команда 1-го Енисейского полка и саперный взвод (40 казаков, 4 пулемета, 20 штыков) их численность была доведена в крае до 670-ти штыков, 490 сабель, 14-ти пулеметов и 2-х орудий. При этом силы китайско-монгольских «банд», а также примкнувших к ним в некоторых районах и вооруженных ими «восставших» урянхов оценивались разведкой приблизительно в 1 000 человек²¹.

После того как китайские отряды направились в Урянхай, Разведотделение приняло активное участие в организации в заимках добровольческих дружин (численностью 100–200 человек), инструктировало местные военные власти относительно ведения переговоров с китайскими и монгольскими чиновниками и высылало им сводки с разведывательными данными²². Организация дружин послужила поводом для краевой администрации и штаба «туземных» военных сил запретить выезд русских из Кемчинского района Урянхия (всего 714 человек, 191 семья в 84-х населенных пунктах), где проходили основные боевые действия между русскими и китайцами. Официально было объявлено о запрете выезда всех боеспособных мужчин, край разрешалось покинуть небоеспособным и семьям тех владельцев заимок и факторий, которые ликвидировали свои дела в крае и продали дом. В результате пострадало 35 семей, 33 человека были убиты, в основном хозяева, а семьи угнаны в плен. Нападения совершались по одному сценарию: конные «соты» (сотни) окружали заимки, выводили хозяев, грабили имущество, расстреливали мужчин и увозили семьи на свою базу, чтобы через несколько дней бросить их в прифронтовой полосе на произвол судьбы за два-три дня пути от ближайшего населенного пункта²³.

Другим фактором, определившим необходимость ведения разведки в Урянхайском крае, стало средоточие здесь с ноября 1918 г. сил большевиков, повлекшее за собой разоружение Усинской полуроты, под-

верженной влиянию революционных идей. Комиссар Урянхайского края А.А. Турчанинов просил Омское правительство прислать вторую сотню, конно-горную батарею и телеграфную полуроту с 250-ю верстами провода, а также боеприпасы, поскольку из 180 тыс. патронов осталось всего 50 на 600 ружей²⁴.

Контроль над протекторатом правительство Колчака утратило летом 1919 г., когда, отступая под натиском итальянских войск, сюда вошли отряды красных партизан П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко, стремившиеся попасть в советский Туркестан. После ухода красных, начавших наступление на колчаковские войска в октябре 1919 г., китайцы вновь значительно продвинулись в глубь края. Их отряды были сосредоточены в районе Ужитан Хур – около 120 человек с тремя офицерами, одним пулеметом и одним горным орудием. Как сообщалось в телеграмме, поступившей в Разведотделение штаба Иркутского военного округа из Кобдо, командир китайского оккупационного отряда генерал Ян-ши-чао объявил себя губернатором Урянхая. Под влиянием его агитации урянхайцы грабили и уничтожали русские заимки от Шаго-нира вверх к Кемчуку до реки Барлика. Части жителей удалось бежать, остальные были перебиты²⁵.

Результаты работы Разведывательного отделения штаба Иркутского военного округа в 1918–1919 гг. имели большое значение и для штаба главковерха Колчака, и для Омского правительства. Но не только: разведывательные органы РККА активно использовали как дореволюционные издания штаба бывшего Иркутского военного округа («Урянхайский край» 1913 г. и другие²⁶), так и разведсводки 1918–1919 гг. Последние представляли особую ценность в деле создания Дальневосточной республики.

Примечания

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39597. Оп. 1. Д. 12.

Russian State Military Archive (RGVA). F. 39597. Op. 1. D. 12.

² РГВА. Ф. 39480. Оп. 2. Д. 22.

RGVA. F. 39480. Op. 2. D. 22.

³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 256.

RGVA. F. 39617. Op. 1. D. 256.

⁴ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 120.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 120.

⁵ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 128.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 128.

⁶ Там же.

Ibidem.

⁷ Там же. Л. 1–2.

Ibidem. L. 1–2.

⁸ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 44. Л. 105, 12–12об.

RGVA. F. 39466. Op. 1. D. 44. L. 105, 12–12v.

⁹ Там же. Л. 107.

Ibidem. L. 107.

¹⁰ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 44. Л. 46–46об.

RGVA. F. 39466. Op. 1. D. 44. L. 46–46v.

¹¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 125. Л. 245.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 125. L. 245.

¹² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 147. Л. 2.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 147. L. 2.

¹³ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 123. Л. 23.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 123. L. 23.

¹⁴ Там же. Л. 50.

Ibidem. L. 50.

¹⁵ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 28. Л. 38, 40.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 28. L. 38, 40.

¹⁶ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 126. Л. 5.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 126. L. 5.

¹⁷ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 111. Л. 175–176.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 111. L. 175–176.

¹⁸ Там же. Л. 218–220.

Ibidem. L. 218–220.

¹⁹ Там же. Л. 125.

Ibidem. L. 125.

²⁰ Там же. Л. 247.

Ibidem. L. 247.

²¹ РГВА. Ф. 39501. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

RGVA. F. 39501. Op. 1. D. 1. L. 70.

²² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 111. Л. 136, 158, 183.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 111. L. 136, 158, 183.

²³ РГВА. Ф. 39501. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–56об.

RGVA. F. 39501. Op. 1. D. 1. L. 52–56v.

²⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 79. Л. 71.

RGVA. F. 39617. Op. 1. D. 79. L. 71.

²⁵ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 194. Л. 17.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 194. L. 17.

²⁶ РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 229. Л. 126.

RGVA. F. 16. Op. 3. D. 229. L. 126.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Л.Ю. Таймасова

ТАЙНЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ: ГЕРЦОГ МАГНУС ГОЛШТИНСКИЙ, МОСКОВСКАЯ КОМПАНИЯ И АНГЛИЙСКАЯ КОНТРАБАНДА ЧЕРЕЗ РУССКОЕ «ОКОНЦЕ В ЕВРОПУ»

Несмотря на обилие книг, статей и документальных публикаций, один из крупнейших европейских военных конфликтов XVI в., известный как Ливонская война (1558–1583 гг.), остается до настоящего времени мало изученным.

Настолько мало, что современные исследователи ставят вопрос: а была ли она, Ливонская война?

Отвечая на него, петербургский ученый А.И. Филюшкин предлагает говорить о серии Балтийских войн, вызванных борьбой Дании, Швеции, Польши и России за передел сфер влияния в Балтийском регионе¹. Его коллега из Потсдамского университета К. Зольдат отмечает, что характерной особенностью серии Балтийских войн является вмешательство в их ход Англии. Тайно поддерживая Россию поставками оружия, англичане косвенно оказывали влияние на события Ливонской войны. По его мнению, торговля с «москвитом» в эти годы явилась одним из факторов, обусловившим в ближайшие столетия становление Англии как крупной морской державы².

Роль Англии в переделе сфер влияния в Балтийском регионе в ходе Ливонской войны еще не получила должной оценки в историографии. В этом очерке мы рассмотрим лишь один ее аспект: контрабандные поставки английского оружия через пролив Большой Зунд (Моон-Зунд) и тайная торговля товарами военного назначения в русской Нарве в свете событий 1570 г. – года, который стал переломным в ходе войны. Он характеризуется поворотом в политике Ивана IV от агрессивных действий к попытке овладения Ливонией с помощью дипломатии.

Территория Ливонии подверглась разделу в ходе первой крупной кампании 1558–1561 гг. на четыре зоны оккупации: русскую, литовско-польскую, шведскую и датскую. В последующие годы участники конфлик-

та воевали между собой. В 1561–1570 гг. велась русско-литовская война, в 1563–1570 гг. – так называемая Северная семилетняя война между Данией и Швецией. Относительное затишье продолжалось с 1570 до 1577 гг., после чего в ходе стремительных и успешных действий русских войск, захвативших всю Ливонию до Западной Двины (кроме Ревеля и Риги), русская зона оккупации значительно расширилась. Как следствие начались русско-польская война 1578–1582 гг. и шведская кампания 1578–1583 гг. в Северной Эстонии. Обе закончились поражением России и потерей ею всех территориальных приобретений в Прибалтике.

Помимо кровавых битв на полях сражений, за Ливонию велась, по меткому выражению Г.В. Форстена, «чернильная война»³. В эти годы переписка правителей и дипломатов была наполнена призывами решить «ливонский вопрос». Для урегулирования конфликта неоднократно выискивались разные средства и пути, но все заканчивалось взаимными угрозами и протестами. Вновь гремели орудия, гибли солдаты и страдали мирные жители.

Новый свет на события «чернильной» Ливонской войны проливает документ, еще неизвестный в российской историографии, – реляция герцога Магнуса Голштинского (1540–1583), непосредственного участника как полевых, так и эпистолярных боев за Ливонию.

Реляция герцога Магнуса, написанная на смеси старогерманского и стародатского диалектов, хранящаяся ныне в Датском государственном архиве, была опубликована в современной немецкой транслитерации в журнале “Danske Magazin”⁴. Документ не датирован, но по косвенным признакам его можно отнести к началу 1579 г. Повествование охватывает период с 1560 по 1578 гг. Отрывки из него были переведены на английский язык таллинским историком А. Адамсоном и опубликованы им в двух статьях в сборниках “Acta Historica Tallinnesia” в 2009 и 2011 гг.⁵

Точка зрения одной из ключевых фигур, вовлеченной в план Ивана IV по завоеванию Ливонии мирным путем, представляет особый интерес.

Младший сын короля Кристиана III Датского (1503–1559), принц датский Магнус получил по смерти отца земли в Голштинии, но отдал их брату королю Фредерику II (1534–1588) в обмен на остров Эзель и Пильтенское епископство с правом на владение городами Рига и Ревель. Раздел Ливонии на четыре зоны оккупации задел интересы Магнуса в отношении Риги и Ревеля: первая оказалась под властью Речи Посполитой, второй – Швеции. Не имея финансовых средств на ведение боевых операций против польского и шведского королей, герцог действовал мирным путем, через судебные инстанции. К 1569 г. многочисленные апелляции советников Магнуса не дали положительных результатов. Реальный шанс восстановить справедливость появился у герцога в связи с предложением Ивана IV передать ему земли Ливонии на правах вассальной зависимости.

Реляция герцога Магнуса позволяет по-новому взглянуть на события, связанные с его попыткой восстановить свои юридические права на Ригу и Ревель с помощью военной поддержки русского царя. Документ также содержит ценные сведения об обстоятельствах появления проекта образования Ливонского королевства в 1570 г. и пожалования Магнусу титула короля Ливонии.

Важную роль в рождении плана образования Ливонского королевства сыграла политика лондонского руководства торговой Московской компании (The Muscovy Company), широко развернувшей в годы Ливонской войны операции по поставке ее странам-участницам контрабандного оружия через пролив Зунд и русский порт Нарву.

Московская компания и «оконце» на балтийской границе

Английская торговая Московская компания получила официальный статус в 1555 г. Компания была создана для поиска северо-восточного морского пути в Китай и коммерческой деятельности со всеми странами, лежащими на этом пути. Англия уверенно теснила Ганзейский союз как на западноевропейском, так и на русском рынке, прокладывая по Волге кратчайший маршрут в Персию, Индию и Китай.

Список членов-учредителей Московской компании возглавили фамилии высших должностных лиц правительства королевы Марии Тюдор (1553–1558 гг.): главный казначей короны, королевский камергер, хранитель государственной печати, государственный секретарь и другие. Сраживание верхушки бюрократии с торговым капиталом позволяло английскому правительству не только использовать все средства, имеющиеся в руках государства (законодательный механизм, налоговая система, государственная казна, королевский флот и т.д.), но и увеличивать оборотный капитал хронически убыточной, согласно финансовым отчетам, компании за счет средств пайщиков и частных предпринимателей. Купцы компании пользовались на территории России дипломатическим иммунитетом. Английские «гости» вели торг не столько шерстяными тканями, сколько оружием. Первоначально доставка грузов в Россию осуществлялась исключительно Северным морским путем. Суда компании швартовались в бухте св. Николая в устье Северной Двины. Товары перегружались на русские речные суда и перевозились на склады фактории в Холмогорах.

Поставки артиллерии и боеприпасов для «московита» проводились в таких крупных размерах, что растущая мощь Московского царства вызывала беспокойство у правителей соседних стран. Ранней весной 1558 г. в городе Данциг (Гданьск) польские солдаты арестовали купца Московской компании Томаса Алькока (Thomas Alcock). Его несколько раз допрашивали о цели путешествия из России в Англию через континент. Польские дозна-

ватели в присутствии представителей Данцига требовали признания в том, сколько тысяч единиц различных видов амуниции, меди и других товаров доставлялось в Россию. Алькок признался в доставке военного снаряжения к устью реки Двины, но, по его словам, для «московита» предназначалось лишь 100 штук старых кольчуг. Видимо, основной объем военных товаров шел в Персию через русских посредников. Получив свободу, Алькок отправил 26 апреля 1558 г. письмо в Холмогоры, к агентам Московской компании. Он предупредил купцов, что ганзейские города Данциг, Любек и Гамбург, находившиеся в дружбе с врагами Англии – Шотландией и Францией, будут препятствовать английским судам в Северном море, и что прибытие грузов в Холмогоры в этом году не состоится⁶.

Если ганзейские «каперы» закрыли англичанам Северный морской путь, то Россия немедленно приоткрыла для них «оконце» в Балтийском море. Уже 11 мая 1558 г. с помощью хитрости русскими был взят город-порт Нарва (в русских источниках – Ругодив). По сведениям купца Московской компании Генри Лейна (Henry Lane), к 1560 г. здесь прочно обосновались английские «гости»⁷. Купцы Вильям Бонд (William Bond) и Джон Фоксол (John Foxall) возглавили группу английских купцов в Нарве. Только первый из них состоял в членах Московской компании, однако он действовал, не имея официальных полномочий. Его компаньон – крупный судовладелец, имевший коммерческие связи с Данией, – осуществлял прямые поставки английской артиллерии и боеприпасов для армии короля Фредерика II⁸.

Груз, доставляемый Бондом и Фоксолом в Нарву для Ивана IV, также представлял собой предметы военного назначения. Доставка оружия через пролив Зунд, который контролировала Дания, осуществлялась тайно на зафрахтованных иностранных судах, в таможенных книгах указывался иной порт назначения. Однако действия англичан не остались незамеченными для властей Данцига и Любека. Как отметил в своей записке купец Генри Лейн, «торговля Английской нации с Ригой и Ревелем [В русских источниках – Колывань. – *Л.Т.*] существовала с древнейших времен, но торговля с Нарвой имела препятствия, чинимые нам Данцигом и Любеком»⁹.

Купцы Любека первыми оценили преимущества делового партнерства с англичанами через русских посредников. В январе 1561 г. любекский купец Ян Хоффман (John Hoffman) и несколько его товарищей подали новой королеве Елизавете I (1558–1603 гг.) прошение даровать им привилегию на торговлю с русскими в Нарве. Купцы уведомяли, что граждане Любека всегда пользовались льготами вести коммерцию с «московитами» во время их войн с Ливонией при условии, что не будут поставлять русским вооружение. А Ревель в настоящее время чинит им препятствия на море, в 1559 г. ревельцы захватили их корабль. Они обращались к императору Священной римской империи германской нации Фердинанду I за правосудием, но не добились возмещения убытков. Хоффман и его товарищи

заверили королеву, что уже выхлопотали рекомендательные письма (патенты на торговые операции) от шведского короля Эрика XIV и его брата герцога Иоанна (Юхана)¹⁰.

Прошение любекских купцов было удовлетворено. И они взяли на себя посреднические операции между Англией, Россией и Швецией, легализуя поставки английской контрабанды для шведского короля и его брата. Привилегии, которые получили любекские купцы в Нарве, вызвали зависть и обиду со стороны Ревеля. Между городами начались распри и взаимная вражда, доходившая до столкновений на море.

Позднее, по словам современника событий ливонского летописца Бальтзара Руссова, «любчане публично объявили в свое оправдание, что некоторыми старыми королями шведскими им была дарована привилегия ездить с кораблями в Россию до Нии [Нева. – Л.Т.]. К тому же они будто бы получили от некоторых прежних ливонских магистров льготу беспрепятственно торговать в общих ливонских военных гаванях и с москвитом; что им и было дозволено римским императором того времени. И что в этой войне они не первые были в Нарве, но было несколько ревельцев, которые сами указывали им дорогу в Нарву; а если ревельцы торгуют со своим открытым врагом, то почему бы им того не делать, особенно если у них нет вражды с москвитом»¹¹.

Появление дешевого контрабандного английского товара на балтийском рынке оружия закономерно привело к снижению спроса на изделия германских производителей. Весной 1561 г. власти городов Гамбург и Кельн пожаловались Елизавете I на ее подданных, поставлявших в Московию военные товары. Королева признала обвинения несостоятельными, заявив, что оружие предназначалось для ее собственных нужд, для обороны Англии¹². В июне, а затем – в июле того же года в ответ на многочисленные протесты императора Священной римской империи Фердинанда I и правителей других стран от имени Елизаветы были направлены открытые послания ко всем европейским правителям с заверением, что ее подданные не ввозили оружие и боеприпасы в Московию¹³. Лондон отрицал какую-либо военную помощь «москвиту», но успешные боевые действия русских сил в Ливонии опровергали эти официальные заявления.

Подозрения в проведении посреднических операций, видимо, пали на купцов ганзейских городов, которые имели право беспощинно проходить через Зунд с их собственным грузом. Под нажимом правителей соседних стран император Фердинанд I издал указ, запрещающий всем подвластным ему курфюрстам, князьям, бюргерам и рыцарям поставлять московскому царю товары военного назначения. В грамоте императора от 27 ноября 1561 г. говорилось: «Под страхом уничтожения всех регалий, ленов и прав мы запрещаем всем подданным империи сноситься с русскими и доставлять им оружие и провиант»¹⁴.

Запрет императора способствовал укреплению монополии англичан

на русском рынке оружия. Воспользовавшись своим исключительным положением, Бонд и Фоксол, видимо, подняли цены на военные товары, доставляемые в Нарву. Соответственно, взлетели цены у любекских посредников, перепродававших их в Швецию. Подсчитав затраты, шведы отказались от услуг Любека. 30 июня 1562 г. король Эрик XIV, уступив русскому царю Эзель и другие ливонские территории, «укрепил» договор о свободной торговле шведских купцов в Нарве: «Штоб наши торговые люди со всяким купецким товаром ездили в преж реченные города еж есть в Норову и в иные города, которые блиско моря есть, которые в вашего государя царя державе...»¹⁵

Перенаправление потока военных грузов в Швецию, несомненно, вызвало снижение или даже полное прекращение прямых поставок английской артиллерии для датского короля. Дания была вынуждена закрепить политические и коммерческие связи непосредственно с Россией. 7 августа 1562 г. между Иваном IV и Фредериком II состоялось подписание «докончальной» грамоты, скрепленной особой «золотой» печатью – оттиском государственной печати на золоте. Согласно договору, в случае войны России или Дании со Швецией или с Польшей ни царь, ни король не могли просить друг у друга помощи, но обязывались не помогать врагу другой стороны. Соглашение также гарантировало свободный проезд иностранным купцам, едущим в Россию и из России через Зунд¹⁶.

Таможенные льготы для иностранных «гостей», идущих на торговых судах через Зунд в русский порт, внесли изменение в географию международной торговли. До этого представлявший собой заштатный порт из-за неудобства рейда, то есть акватории для якорной стоянки морских судов, город Нарва быстро приобрел славу крупного коммерческого центра, в то время как Ревель утратил свое былое значение. Руссов с грустью писал: «Впоследствии не только любекские города при Балтийском море, но и все французы, англичане, шотландцы и датчане большими толпами отправлялись в Нарву и вели там большую торговлю, происходившую сперва в Ревеле, различными товарами, золотом и серебром; из-за этого город Ревель стал пустым и бедным городом»¹⁷.

К 1563 г. англо-русская торговля в Нарве настолько расширилась, что скрывать очевидные факты уже не представлялось возможным. Начало регулярных рейсов судов, принадлежавших купцам Московской компании, фиксируется по записям книг таможенных пошлин Зунда.

Сбор таможенных пошлин с иностранных судов, проходивших через пролив Зунд, приносил датской короне до 2/3 государственного дохода. От уплаты налога освобождались купцы городов Ганзейского союза, следовавшие с собственным грузом. Однако в перечень льготных товаров не входили медь и вино. Таможенными льготами пользовались иностранные судовладельцы, осуществлявшие поставки товаров для датского короля. От уплаты зундских пошлин также освобождались конвойные суда, сопровождавшие торговые караваны.

Таблица 1. Динамика захода иностранных судов в порт Нарва в годы Ливонской войны (по книгам таможенных пошлин Зунда¹⁸)

Год	Всего иностранных судов	Количество английских судов, принадлежавших Московской компании	Количество судов других стран	Комментарии
1557	0	0		
1558	0	0		
1559	–	–		Нет данных
1560	18	0	Гамбург (10) Вост. Польша (8)	
1561	–	–		Нет данных
1562	7	0	Франция (3) Данциг (1) Гамбург (1) Голландия (1) Шотландия (1)	
1563	3	1	Франция (1) Гамбург (1)	
1564	12	6	Голландия (2) Франция (2) Гамбург (2)	
1565	40	4	Нидерланды (25) Франция (10) Шотландия (1)	
1566	98	42	Нидерланды (33) Франция (15) Шотландия (3) Дания (3) Гамбург (2)	
1567	76	16	Нидерланды (34) Франция (19) Шотландия (3) Дания (1) Гамбург (3)	
1568	59	13	Нидерланды (25) Франция (20) Гамбург (1)	
1569	16	5	Франция (10) Нидерланды (1)	

1570	–	–		Нет данных. По факту судов Московской компании 14
1571	–	–		Нет данных. По факту судов Московской компании 13
1572	–	–		Нет данных
1573	–	–		Нет данных
1574	22	13	Нидерланды (3) Франция (2) Дания (2) Гамбург (1) Любек (1)	
1575	13	0	Дания (8) Франция (3) Нидерланды (1) Норвегия (1)	
1576	0	0		
1577	6	0	Дания (4) Франция (2)	
1578	27	4	Нидерланды (9) Дания (8) Франция (6)	
1579	26	2	Нидерланды (11) Франция (10) Дания (3)	
1580	1	0	Франция (1)	
1581	12	0	Дания (12)	
1582	0	0		
1583	0	0		

Согласно книгам таможенных пошлин Зунда, летом 1563 г. в Нарве побывал всего 1 корабль Московской компании, в 1564 г. – 6. Однако основной объем перевозок контрабандного товара через Зунд, скорее всего, осуществлялся Бондом и Фоксолом на зафрахтованных судах под флагами других стран. Предметы военного назначения провозились с нарушением таможенных правил, в документах указывалось иное наи-

менованье товара. И львиная доля прибыли от торговли ими в Нарве оседала в их карманах.

С началом Северной семилетней войны между Данией и Швецией в 1563 г. русские продолжали тайно поставлять шведам английское оружие, вопреки условиям «докончальной» грамоты. В январе и сентябре 1564 г. датский король Фредерик II просил царя воспрепятствовать доставке грузов из Нарвы в Ревель, Стокгольм и другие шведские города¹⁹. Московское правительство, видимо, обвинило во всем воевод-мздоимцев, о чем было доведено до сведения королевского представителя в Нарве – Захария Фелинга, присланного для сбора зундских пошлин и пресечения контрабанды. В письме к Фредерику II от 18 ноября 1564 г. тот доносил о подвозе шведам товаров из Нарвы и о подкупности русских воевод²⁰.

Таможенная политика самого московского правительства способствовала обогащению нечестных на руку воевод и процветанию торговли английских купцов-«аутсайдеров». В Нарве образовалась, говоря современным языком, свободная экономическая зона. По свидетельству итальянца Рафаэля Барберини, в Нарве не было никакой таможи, пошлина за ввоз товара взималась в Москве: «По дороге из Нарвы – по 4 процента, из Польши – также 4 процента; по дороге же из Крыма – 8 процентов, но за вывоз не платится ничего»²¹.

Если коммерческие операции в Нарве приносили купцам-«аутсайдерам» крупную прибыль, то Московская компания терпела убытки от их деятельности. В апреле 1564 г. в английском правительстве рассматривался вопрос о предоставлении права свободной торговли в Нарве всем подданным королевства. Лорды отметили, что, по сравнению с другими иностранными портами, коммерция в Нарве является самой прибыльной для Англии благодаря высокому уровню спроса на английский товар, таможенным льготам, скорости доставки и низким транспортным расходам. Опасение императора, польского короля и правителей некоторых протестантских стран, что русский царь может получать оружие через Нарву, не способно повлиять на решение королевы о правах ее подданных на торговлю, если только другие правители сами не поступят таким же образом и не запретят своим подданным торговать с русскими. Несомненно, расширение торговли в Нарве будет способствовать процветанию Англии, а рост потока грузов через пролив Зунд принесет датскому королю высокие доходы за счет таможенных сборов²². После долгих дебатов, признав все преимущества свободной торговли в Нарве, лорды все же высказались за ее ограничение и за предоставление Московской компании монопольных прав на проведение коммерческих операций через нарвскую факторию.

Осенью 1564 г. Бонду было предъявлено обвинение в нанесении ущерба интересам Московской компании. В свое оправдание он зая-

вил, что никаких законов не нарушал, и что сама компания ссудила ему 300 ф.ст. для расширения дела. Доводы купца были признаны неубедительными. В ноябре Бонд был арестован, и провел в лондонской тюрьме неделю. Месяц спустя последовал королевский указ, предписывавший Бонду и Фоксолу свернуть дела. В феврале 1565 г. патент на торговлю в Нарве получил купец из Гуля, а затем – несколько лондонских торговцев²³. Благодаря рекомендательному письму королевы Елизаветы I к Ивану IV большие привилегии на торговлю в Нарве были пожалованы итальянскому купцу Рафаэлю Барберини. Он также получил от царя рекомендательные письма к шведскому и датскому королям²⁴.

Вполне вероятно, что Бонд и Фоксол, лишившись возможности поставлять оружие в Нарву, направили военные грузы Северным морским путем в бухту св. Николая. Весной 1565 г. товаров, полученных в Холмогорах, оказалось в два раза больше, чем было предусмотрено. Построенное в предыдущем году в Ярославле судно грузоподъемностью 30 т. не могло вместить весь груз. Агент компании просил прислать из Англии корабельного мастера, чтобы построить речные суда грузоподъемностью 60 т. для доставки товаров по Волге в Персию²⁵.

Несомненно, агенты Московской компании в первую очередь отправили в Персию собственные товары, а купцы-«аутсайдеры» понесли убытки. Если Бонд и Фоксол намеревались в следующем году вернуться к коммерческой деятельности в Нарве, то путь им был закрыт. 4 декабря 1565 г. Елизавета I направила грамоту к шведскому королю с просьбой оказать покровительство ее подданным, едущим в Московию, за которых она дает обещание, что они не повезут военных припасов²⁶. Так английское правительство временно приостановило доставку контрабандного оружия в Нарву, оставив за Московской компанией привилегию поставлять товары военного назначения русскому царю Северным морским путем.

Весной 1566 г. в Москву прибыл представитель Московской компании Антон Дженкинсон (Anthony Jenkinson). Он просил монопольного права торговли для купцов компании в бухте св. Николая. Иван IV даровал «гостям» такую привилегию, запретив судам других английских и иностранных торговцев швартоваться в устье реки Двины. Летом того же года порт Нарвы посетило наибольшее количество кораблей компании – 42. А общее количество иностранных судов, проследовавших через пролив Зунд в Нарву, достигло рекорда – 98.

«Большой парад» в Нарве вызвал серьезную озабоченность у польского короля. 13 июля 1566 г. Сигизмунд II Август направил послание Елизавете I, в котором заявил протест против доставки для московского царя не только вооружения, но и мастеров, посредством которых русские смогут «выделывать в самой варварской стране его [Ивана IV. – Л.Т.] все

те предметы, которые требуются для ведения войны, и которых даже употребления до сих пор там не знают»²⁷. Возможно, в письме короля речь шла о мастерах итальянской «школы отравителей». Миссия «мастеров» получила широкую огласку чуть позже, в 1574 г., через донесение, автором которого был анонимный англичанин из Брюгге. В донесении говорилось о ценах на «услуги» итальянцев по обучению искусству умерщвления высокопоставленных особ с помощью отравленных писем или другими способами²⁸.

В Лондоне отнеслись со всем вниманием к предостережению польского короля. В октябре 1566 г. в парламент был направлен проект акта о монопольном праве Московской компании на торговлю в Нарве; он был утвержден 20 декабря 1566 г.²⁹ Нарушителям грозило тюремное заключение и конфискация судов с товаром в пользу королевской казны и Московской компании в равных долях. Руководство факторией в Нарве было возложено на Кристофера Хадсона (Christopher Hudson/Hoddesdon), пайщика компании.

Однако «аутсайдеры» продолжали вести торговлю в Нарве, а руководство Московской компании своим бездействием поощряло нарушителей. Около 1567 г. два агента нарвской фактории Кристофер Беннет (Christopher Bennet) и Томас Гловер (Thomas Glover) направили послание к Ивану IV, испрашивая особых льгот в собственную пользу. Они доносили о фактах нарушений правил торговли в Нарве. По их словам, в предыдущем году более 70-ти судов, принадлежавших английским купцам-«аутсайдерам», посетили порт (помимо 42-х кораблей Московской компании, зарегистрированных в таможенных книгах Зунда), и, боясь потерять свои привилегии, компания утаила эти сведения от русских властей³⁰.

Донесение Беннета и Гловера свидетельствовало, что русские власти оказались не в состоянии осуществлять контроль над товарооборотом в Нарве. Руководство Московской компании покрывало деятельность купцов-«аутсайдеров», присваивая себе часть доходов от тайной торговли.

Кремль, обеспокоенный сложившейся ситуацией, предпринял попытку организовать доставку военных грузов в Нарву силами собственных купцов на зафрахтованных судах Московской компании. Весной 1567 г. в Лондон были отправлены купцы Степан Твердииков и Федот Погорелов. Их официальное поручение состояло в приобретении драгоценных камней и одежды для царской казны. Однако в сопроводительной грамоте, датированной 10 апреля 1567 г., речь шла также о закупках крупногабаритного товара, требовавшего найма складских помещений и предназначенного для перепродажи в другие страны. Иван IV потребовал от Елизаветы I для русских купцов тех же привилегий, которыми пользовались купцы Московской компании в России: «Ты дозволь им свободно ездить и с

твоими людьми и с людьми других государств сноситься, чтобы достать в твоём королевстве торговлю и промену товаров и покупкою то, что им приказано для нашей казны; и не вели также брать пошлины и тамги и за перевоз и за склад и других налогов с наших товаров от этих наших гостей и с их животных; равно как и мы в наших владениях с твоих людей никаких налогов не велим брать; и что будет привезено в другую землю для нашей потребы и также давать им повольно <...> и вели посадить их на твои корабли, чтобы отослать их оттуда в наши владения»³¹.

Если с покупкой драгоценностей и одежд для царской казны трудностей у русских купцов не возникло, то выполнение неофициального поручения встретило многие препятствия, поскольку Лондон полагал целесообразным закрыть торговлю с Россией через Нарву. Весной 1567 г. лондонское руководство Московской компании рассматривало проект перенесения коммерческих операций из Нарвы в Ригу и Ревель в случае, «если мир будет заключен между двумя королями – шведским и датским». При появлении таких слухов или известий агентам компании предписывалось скупать товары оптом в Великом Новгороде, Пскове и других городах, чтобы «опередить русских купцов в Риге и Ревеле». Скупленные товары следовало доставить в Нарву или на склады в бухте св. Николая³².

Год спустя, 9 мая 1568 г., королева направила послание Ивану IV, в котором уведомила, что дело Твердиикова и Погорелова было устроено ею наилучшим образом³³. Однако содействие англичан касалось лишь официального поручения о приобретении драгоценных камней и одежд для царской казны. Решение о пожаловании русских купцов льготами и привилегиями при проведении прямых и посреднических операций на территории Англии было отложено. А к осени 1569 г. план по закрытию нарвской фактории и перенесению коммерческих операций в Ригу и Ревель обрел черты близкой реальности. На лето следующего года был назначен съезд в Штеттине представителей Дании, Швеции, стран-посредников и наблюдателей для заключения мирного соглашения. Северная семилетняя война подходила к концу. Агенты нарвской фактории готовились получить из Великого Новгорода и Пскова значительное количество товаров. Они отправили в лондонскую головную контору послание с требованием прислать с весенней 1570 г. навигацией 13 кораблей для вывоза грузов³⁴.

Несомненно, закрытие нарвской фактории и перенесение торговых операций в Ригу и Ревель должно было оказать существенное влияние на расстановку политических сил в Балтийском регионе. Потеряв Нарву, Москва лишилась бы своего внешнеполитического влияния на Швецию и Данию, которое она оказывала через посреднические операции по тайным поставкам оружия воюющим странам, а также важного источника дохо-

дов. Перед русским правительством стояла задача любыми средствами воспрепятствовать закрытию нарвской фактории.

В свете этих событий находит объяснение варварский погром, учиненный опричниками в Новгороде и Пскове, а также в самой Нарве в январе–феврале 1570 г., результатом которого стало физическое уничтожение товаров, предназначенных для вывоза в Англию. Руссов так описывает «безумие» опричников в Нарве, направленное на уничтожение исключительно русских товаров: «В то же время [Во время опричного погрома в Новгороде. – *Л.Т.*] москвит послал несколько тысяч опричников в ливонскую Нарву, которые сначала подали вид, будто хотят предпринять поход на шведов в Ливонии. Когда же их впустили в Нарву, то они тотчас же начали безчеловечно убивать, свирепствовать и неистовствовать. Здесь не был пощажён ни один русский высокого ли, низкого ли звания, даже ни одна женщина, или ребенок. Но немецких купцов и ливонских крестьян в Нарве не тронули; их опричники только предупредили, чтобы они не скрывали у себя русских, ни старых, ни малых, под страхом лишиться жизни и всего имущества. Когда было произведено это смертоубийство в Нарве, тогда опустошили все дома, амбары и лавки и все товары, как то: пеньку, воск, сало, кожи, коноплю и множество драгоценной мягкой рухляди, ценою во много бочек золота, побросали на улицы и в поле и зажгли, так что они чуть не задохлись от дыму, копоти и гари. Поэтому они не хотели больше жечь больших вещей, а свозили их на Нарвский мост: в реке вырубил большую дыру или прорубь, разрубили остальные вещи на мелкие куски и побросали их в реку, так что они все или утонули или поплыли в открытое море. И никто не смел, под страхом смерти, спрятать что-либо из этих вещей или присвоить себе»³⁵.

Помимо нанесения материального ущерба английским купцам, Кремль повел дипломатическую войну за овладение Ригой и Ревелем – городами, в которые Лондон намеревался перенести коммерческие операции после ликвидации нарвской фактории.

«Чернильная» война за «бумажное» королевство

Переговоры Ивана IV с герцогом Магнусом Голштинским о создании вассального герцогства на территории Ливонии активно велись с апреля 1569 г. через посредников – ливонских дворян Иоганна Таубе и Элгерта Крузе.

О ходе «неоциации» герцог уведомлял своего старшего брата, датского короля Фредерика II, а также других родственников: мать – вдовствующую королеву Доротею, брата – герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского,

сестру Анну, сестру Доротею Датскую, своих зятьев и дядей. В письмах к родственникам Магнус просил совета, чтобы всесторонне обдумать предложение царя, правившего «в далекой и варварской стране». По словам Магнуса, особой поддержкой он пользовался со стороны матери, вдовствующей королевы³⁶.

Несмотря на широкий круг лиц, посвященных в дело, переговоры окружала атмосфера секретности, которая подогревала интерес правителей других европейских стран к их результатам.

К осени 1569 г. между герцогом Магнусом и Иваном IV была достигнута предварительная договоренность. В ноябре в Александровскую слободу, где в это время находился государь, прибыли представители герцога – Клаус Адеркас, Тоннис Врангель и Конрад Бурмейстер. Они доставили черновой текст соглашения. Содержание документа уже было к тому времени известно в Риме со слов Фредерика Гросса (Frederic Gross), секретаря герцога Магнуса. Осведомленность Гросса не вызывает сомнений, поскольку он был женат на дочери советника герцога – Конрада Бурмейстера.

В конце 1830-х гг. А.И. Тургенев обнаружил копию донесения Гросса в «ватиканском тайном архиве» и опубликовал в сборнике «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек». Документ, написанный на латыни, озаглавлен: «Показания секретаря герцога Магнуса, Фредерика Гросса, находившегося в плену в Варшаве. Год 1570. Соглашение между Ливонским Герцогом и Царем Московским».

Согласно донесению Гросса, текст его, составленный советниками Магнуса, начинался так:

«Великому Князю Московии, его челобитчик [Герцог Магнус. – *Л.Т.*] через Клауса Адеркаса (Nicolaum Adecke), Тонниса Врангеля (Antonium Wangeln) и канцлера Конрада Бурмейстера (Conradum Burmaister) просит пожаловать грамоту на вечное владение городами Рига, Ревель и другими землями Ливонии, от которых Великий Князь отложит свой гнев, и передаст в наследственное владение на неограниченный срок и призовет своего челобитчика к себе как можно скорее, поскольку пожалования такого рода не делаются заочно».

Далее следовали 10 пунктов. Ремака в конце документа сообщала: «Грамота написана на церковно-славянском языке [В Европе различали русский церковно-славянский язык (Sclavonice), который использовался в официальных документах, и русский разговорный язык (Moscovitica vulgariter)³⁷. – *Л.Т.*] в месяце ноябре, содержание которой сообщил Фредерик, видевший ее и читавший»³⁸.

Эта ремарка уточняет дату подписания соглашения русским царем. 27 ноября 1569 г. в Александровской слободе Иван IV подписал и приложил «открытую печать» к грамоте, составленной дьяками на основе предварительной договоренности. Три копии документа в переводе на немецкий хранились в Тайном королевском архиве (ныне – Датский государственный архив) в Копенгагене и были упомянуты Ю.Н. Щербачевым в сборнике «Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326 – 1690 гг.»³⁹.

Содержание подписанной царем грамоты также стало широко известно иностранным правителям благодаря еще одному донесению Фредерика Гросса. Одна из его копий была передана в Лондон. Позднее донесение Гросса вошло в сборник документов Государственного архива Англии “Calendar of State Papers” и было опубликовано в переводе с латыни в начале XX в. Донесение озаглавлено: «Соглашение между Московитом и Великим герцогом Ливонии. Сведения, сообщенные Фредериком Гроссом в его признании». В конце добавлен комментарий: «Основные пункты по сведениям, содержащимся в его [Фредерика Гросса. – *Л.Т.*] втором признании».

Сопоставление «ватиканской» и «лондонской» копий показывает: никаких изменений в текст документа внесено не было. Иван IV подписал соглашение на условиях герцога Магнуса.

Согласно «второму признанию» секретаря, оно включало пункты:

«1. Царь Московии, по прошению Герцога Магнуса, послал ему грамоту о пожизненном пожаловании, в которой говорится, что упомянутый Царь отложит свой гнев от городов Рига, Ревель и прочих городов и селений Ливонии и передает их в пожизненное и наследственное владение герцога, обязуя его прибыть со всей возможной поспешностью, чтобы дать клятвенное обещание верности царю.

2. Царь также обещает, что передаст герцогу Магнусу земли в Ливонии, находящиеся в настоящее время в его владении, с тем, чтобы Магнус управлял ими с добросердечием и великодушием. Герцог обязуется оповестить об этом двор своего брата, короля Дании, и других правителей балтийских стран.

3. Герцог Магнус, в ответ на любезные пожалования царя, обещает честную службу против врагов Московского царя. И в случае, если царь пойдет войной сам и призовет герцога Магнуса, то герцог обязуется предоставить ему 1 500 всадников и столько же пеших воинов. Если же, однако, царь не соизволит вести войска лично, то и герцог не обязан принимать участие в походе. Но если государь пойдет войной сам, то войско герцога Магнуса получает оплату из казны царя. При этом Магнус сам ведет свое войско и считается выше всех прочих царских воевод. Но если Магнус не

примет участия в кампании и не предоставит своих людей, он должен возместить казне московского царя по 3 таллера за всадника и 1,5 таллера за пешего воина. Однако, если царь сам не принимает участия в кампании, то герцог не обязан выставлять войско или возмещать царской казне расходы до тех пор, пока мир не будет восстановлен на землях Ливонии.

4. В случае, если герцог Магнус будет вести войну в Ливонии, царь вышлет тому в помощь своих воевод с войском. Магнус назначается главнокомандующим армии, и воеводам следует советоваться с ним в его замке о делах.

5. Что же касательно остального, то он дарует навечно Магнусу и его наследникам, а также всем жителям Ливонии их старые права, свободы и т.д., что были в Ливонии с незапамятных времен.

6. И закрепляет за ними все свободы в исповедании Аугсбургской веры, но это решение может быть обжаловано царем.

7. Торговым гильдиям Ливонии дозволяется вести торговлю на территории Московии без пошлин, без налогов или любых других поборов. Со своей стороны, Магнус дает разрешение на такие же привилегии для заморских торговцев, доставляющих товары, мастеровых, оружейников и солдат, чтобы они имели свободный доступ через территорию Ливонии в Московию.

8. В случае, если города Ливонии, Рига, Ревель и прочие города, не признают герцога Магнуса своим правителем, или в любой форме воспрепятствуют ему, Московит должен выступить вместе с Магнусом со всеми своими силами и мощью против сказанных городов и других всех его врагов.

9. Когда герцог Магнус даст свое клятвенное обещание в Москве, царь должен скрепить все вышесказанное своей золотой печатью.

10. В случае, если род Магнуса пресечется, наследник герцога будет избран при обычном голосовании в Ливонии»⁴⁰.

Из соглашения видно: поначалу создание королевства на территории Ливонии не предполагалось. Речь шла о вассалитете герцога Магнуса и передаче под его управление ливонских городов и земель в пожизненное и наследственное владение. При пресечении его рода выбор правителя предоставлялся самим ливонцам. В соглашении особо оговаривалась передача Магнусу двух городов – Риги и Ревеля.

Рига, формально признавая протекторат Речи Посполитой, пользовалась правами вольного города. Намерение Ивана IV передать Ригу герцогу Магнусу затрагивало интересы польско-литовского королевства.

Ревель же являлся предметом разногласий между Россией и Швецией. Согласно русско-шведскому «перемирному» договору 1564 г., города Ревель, Пернов (Пярну), Пайда и Каркус с их уездами передавались под

власть шведской короны. Шведские послы «укрепили» «перемирную» грамоту крестным целованием. Однако Москва договор не подписала. Таким образом, с точки зрения международного права, окончательная передача Ревеля и других упомянутых городов не состоялась. Для разрешения этого юридического казуса в сентябре 1569 г. из Швеции в Московию прибыло посольство Павла Юстена.

Шведских послов не пустили дальше Новгорода. «Прение» сразу увязло в разногласиях по порядку проведения переговоров. Послы требовали закрепить практику межгосударственных отношений, основанную на принципе дипломатического равенства, примененного при заключении мирного договора 1567 г. Русские настаивали на возобновлении обычая дипломатических сношений через новгородского наместника, что унижало достоинство шведского короля. Почти полгода ушло на «прение» по этому вопросу. О подтверждении «перемирной» грамоты 1564 г. и передаче городов Ревель, Пернов, Пайда и Каркус речь так и не зашла.

В начале января 1570 г. шведским послам довелось стать свидетелями опричного погрома в Новгороде, точнее – его начала: со 2 по 8 января проходили казни новгородских священников, обвиненных в измене в пользу Речи Посполитой. Царь ставил в вину архиепископу Пимену, что тот намеревался «Новгород и Псков отдати литовскому королю [Сигизмунду II Августу. – Л.Т.]»⁴¹. По окончании расправы с духовенством, 10 января, по распоряжению государя, Юстена и его товарищей отправили в Москву. Здесь их продержали без дела четыре месяца. Юстен отметил в своих записках: «За февраль, март, апрель и май ничего особенного с нами не случилось, пока Великого князя не было в Москве»⁴².

Царь в это время находился в Александровской слободе, в нескольких верстах от столицы. Русское правительство под благовидным предлогом отложило переговоры со шведскими послами. В Москве ожидали приезда представителей польского короля, миссия которых непосредственно касалась двух спорных городов – Риги и Ревеля.

Слухи о расправе с польскими «пособниками» в Новгороде, несомненно, доходили до послов короля Сигизмунда II Августа, прибывших в январе на границу Московского государства. Такая обстановка была чрезвычайно неблагоприятна для польских дипломатов. Посольству, возглавляемому Яном Скратошиным, предстояло заключить с Иваном IV договор о «вечном мире», придти к соглашению о разграничении земель в Полоцком «повете», а также «укрепить» «перемирный» договор о «ливонских рубежах», то есть – решить вопрос о разделе Ливонии. Помимо этого, послам надлежало выступить в качестве посредников в примирении русского царя со шведским королем.

Послы Речи Посполитой прибыли в Москву 3 марта 1570 г., но не застали Ивана IV в столице. Их предупредили, что государь удостоит их аудиенции после праздника Пасхи (выпал на 26 марта)⁴³.

Переговоры со шведскими и польскими послами были отложены, так как государь ожидал прибытия главного претендента на города Ригу и Ревель. 13 марта герцог Магнус в сопровождении свиты покинул Аренсбург, а 22 марта прибыл в Дерпт (Тарту). Выполняя 1-й пункт соглашения, заключенного с царем в ноябре 1569 г., Магнус двигался «со всей возможной поспешностью» и преодолел за 10 дней более трети пути. В полумиле от Дерпта его встретили царские советники Иоганн Таубе и Элерт Крузе, представители местной знати, горожане и солдаты русского гарнизона. Герцог Магнус не предполагал надолго задерживаться в Дерпте, так как через советников ему было передано распоряжение государя прибыть в Москву к 9 мая⁴⁴.

Итак, в начале мая в Москве должны были собраться представители трех сторон, интересы которых сошлись в Риге и Ревеле. Важность предстоящих событий определялась также тем, что в кремлевских палатах намечались встречи с полномочными представителями трех главных участников мирных переговоров в Штеттине, назначенных на июль 1570 г. Шведский король Юхан III готовился обвинить Данию в развязывании Северной семилетней войны. Он намеревался потребовать от Фредерика II выплаты 100 000 талеров контрибуции, отказа от геральдической эмблемы «три короны» (Дания, Швеция, Норвегия), территориальных уступок (включая ливонские территории) и т.д. Дания, в свою очередь, претендовала на «три короны», рассчитывала на денежную компенсацию и территории. Польше отводилась роль посредника в переговорах. Шведский король возлагал большие надежды на то, что Сигизмунд II Август, пришедшийся ему шурином, займет его сторону, как только узнает о сближении Дании с Россией. В свою очередь, Фредерик II делал ставку на то, что встреча в Москве изменит точку зрения посредника в его пользу: в Европе визит герцога Магнуса рассматривался как переговоры датского короля с русским царем⁴⁵.

Результаты переговоров в Москве могли изменить расстановку сил на предстоящих переговорах в Штеттине. А установление мира между Швецией и Данией должно было повлечь за собой важные изменения на международном рынке в Балтийском регионе. Эти изменения диктовала Московская компания, планировавшая переместить место проведения торговых операций из русской Нарвы в Ригу и Ревель после завершения Северной семилетней войны.

Ранней весной 1570 г. ответ на вопрос, кому достанутся Ревель и Рига, выглядел вполне предсказуемым.

Позиции шведского короля в отношении Ревеля были весьма шатки. На его стороне выступали Речь Посполитая и Данциг. Напротив, у герцога Магнуса шансы получить Ревель были велики: его поддерживали Иван IV, Фредерик II, германские князья, Любек и жители Ливонии. На его сторону склонялся новый император Священной римской империи Максимилиан II.

Сам Ревель с 7 января 1570 г. находился в руках мятежных наемников под командованием Клауса Курселя. Гофлейты (ливонская дворянская конница) требовали от шведского короля денег, которые тот задолжал солдатам. 4 февраля Курсель получил от герцога Магнуса предложение о содействии людьми и провиантом и принял его⁴⁶. Перед отъездом в Московию, 23 февраля, герцог Магнус отправил послов к Курселю с наказом заявить о правах своих и своего брата, короля Фредерика II, на Ревель и его окрестности и требовать возвращения герцогу этого города с округом⁴⁷.

Вероятность того, что Рига достанется герцогу Магнусу в пожизненное и наследственное владение, также была высока. Обвинение Иваном IV новгородских священнослужителей в пособничестве польскому королю, якобы желавшему коварством получить Новгород и Псков, являлось вполне достаточным предлогом для объявления войны Речи Посполитой. Итог войны можно было легко предсказать, исходя из того, что Россия готовилась заключить оборонительно-наступательный договор с Англией. Имея за спиной союзника, который в достатке обеспечивал русскую армию дешевой артиллерией, порохом и боеприпасами, Иван IV и его «голдвник» герцог Магнус могли рассчитывать на быструю победу.

Однако решающее «закулисное» слово в отношении Нарвы, Риги и Ревеля оставили за собой королева Елизавета I и лорды-учредители Московской компании. Все участники переговоров в Москве с нетерпением ждали вестей из Лондона.

С лета 1569 г. в Лондоне находился царский посол Андрей Григорьевич Совин. Данное ему поручение состояло в заключении союзнического договора. Помимо официальной миссии, он имел секретный наказ: добиться подписания тайного соглашения о предоставлении взаимного убежища царю в Англии, а королеве в России в случае личной опасности для одного из них. (Возможность получения убежища, видимо, в то время стала острой необходимостью для правителей европейских государств. Так, в августе 1567 г. шведский король Эрик XIV, страшась смерти от руки своих «бояр», отправлявших сыновей учиться за границу (в Италию), обращался к русским послам через доверенное лицо с просьбой, чтобы послы его «с собою на Русь взяли»⁴⁸). Другое конфиденциальное поручение Совина состояло в том, чтобы просить королеву предоставить

русским купцам право на проведение прямых и посреднических торговых операций на территории Англии.

К весне 1570 г. Совину удалось выполнить официальное поручение. Королева подписала двусторонний оборонительно-наступательный договор, который включал пункт о взаимной помощи «людьми, казной, снарядами и всеми предметами, нужными для войны»⁴⁹. Выполняя свои обязательства, английское правительство распорядилось снарядить 14 судов для доставки в Нарву крупной партии артиллерии и огнестрельного оружия.

Несомненно, Совин рассчитывал получить «королевский отпуск» в конце апреля – начале мая и немедленно отправиться в обратную дорогу Северным морским путем. Дата отъезда была назначена с учетом короткого навигационного периода в северных водах. Одновременно должен был выйти в Балтийское море караван судов с военным грузом для Нарвы. Однако Лондон задерживал подписание секретного соглашения о предоставлении взаимного убежища. Решение о предоставлении русским купцам привилегий на посреднические операции в Англии также оставалось под вопросом.

6 мая Совин утратил хладнокровие и подал лордам письменную петицию в переводе на английский, прося ускорить его отъезд, так как настало ему «время уходить». В своей «памяти» он уведомил английское правительство, что царь требует прислать вместе с ним в Московию Антона Дженкинсона⁵⁰. Купец Московской компании уже дважды бывал в Москве. Он вел переговоры с царем о привилегиях англичан на транзитную торговлю с Персией и встречался с персидским послом в Кремле. Возможно, Дженкинсону предназначалась роль полномочного представителя королевы при подписании договора о предоставлении русским купцам таких же «повольностей» в Англии, как английским «гостям» – в России. Помимо Дженкинсона, ко двору государя должен был прибыть доктор Бомелиус – специалист по ядам. К досаде русского посла, оформление выездных документов для доктора и агента Московской компании затягивалось.

Не только в Лондоне, но и в Москве царил нервознось. Польские послы жаловались, что держат их столько времени «без дела», а приставы чинят им «утеснения».

Герцог Магнус уже почти два месяца находился в Дерпте, ожидая дальнейших распоряжений от царя. Его торжественное прибытие в Москву, назначенное на 9 мая, было отложено. Скрывая истинные причины промедления с отъездом, Магнус вел активную переписку со своими советниками в Арнсбурге, с братом, другими родственниками и с ратманами ливонских городов. В своих письмах он с воодушевлением писал, что вот-вот готовый вступить в силу его союз с русским царем принесет

мир Ливонии и освобождение для пленных. Как отмечал Руссов, «очень многие тогда радовались и ликовали в Ливонии, будучи вполне уверены, что московит уступит и передаст герцогу Магнусу все, взятое им в Ливонии»⁵¹.

Однако реальность выглядела не столь радужно. В числе пленных, свободу которым обещал герцог Магнус, оказались Клаус Курсель и его гофлейты, взятые в плен шведскими войсками в ночь на 24 марта 1570 г. Ревель вновь находился в руках короля Юхана III.

Расчеты русских в отношении союзнического договора с Англией также не оправдались. В первых числах мая руководство Московской компании и правительство Елизаветы I (практически одни и те же лица) приняли решение отложить вступление в силу англо-русского союзнического договора на один год, исходя из того, что «к тому времени царь может хорошо обсудить на что согласится ея вел[ичес]тво и если будет доволен, союз может тогда быть заключен»⁵².

Вместе с тем лорды предусматривали возможность пойти на уступку и удовлетворить просьбу Совина о предоставлении льгот и «повольностей» русским купцам в Англии. В памятной записке говорилось: «Если Русский посланник будет настаивать на пожаловании подданным царя для привозной или вывозной торговли, казалось бы (если это мнение не ошибочно) что следует ответить, что будут свободно даны и благословенно и дружески разрешены и приведены в действительное исполнение точно такие же и в одинаковой силе повольности, каковые царь, его государь, исчислил и даровал в своей жалованной грамоте обществу [Московской компании. – *Л.Т.*]»⁵³.

Несмотря на отсрочку с подписанием союзнического договора, караван из 14-ти судов с «предметами, нужными для войны», готовился к выходу в Балтийское море. В правительстве были составлены проекты посланий к королям шведскому и датскому с просьбой беспрепятственно пропустить корабли через Зунд с уплатой пошлин в том размере, в котором они были взяты в предыдущий раз (летом 1569 г. через Зунд прошли 5 английских судов). В послании к шведскому королю особо оговаривалось, что суда везут в Нарву товары, предназначенные для уплаты долга русскому царю⁵⁴.

Итак, военный груз был оформлен не как союзническая помощь от правительства Англии, но и не как товар Московской компании, предназначенный для продажи «москвиту». Если артиллерийское имущество, которое должны были доставить в Нарву 14 судов Московской компании, являлось компенсацией (долгом) за отсрочку вступления в силу союзнического договора, то оно представляло собой результат первой коммерческой сделки русских «гостей» на территории Англии.

В начале мая в Кремле с нетерпением ожидали известий о благополучном завершении миссии Совина и выходе в море 14-ти судов с артиллерийским грузом. Служба доставки новостей в Европе XVI в. действовала настолько успешно, что вполне сопоставима со скоростью работы современной наземной почтовой службы. Так, известия из Лондона получали в Брюсселе (320 км) через 2–6 дней, в зависимости от погодных условий в проливе Ла-Манш. Из Брюсселя в Венецию (850 км) письма доставлялись за 5 дней. То есть в среднем – 165 км в сутки. «Горячие» новости передавались в два раза быстрее и оплачивались суммой, сравнимой с годовым жалованием профессора Падуанского университета⁵⁵.

Исходя из этого, можно подсчитать, что гонец преодолевал расстояние между Лондоном и Москвой в 2 500 км за 16–22 дня. Загоняя лучших скакунов и сменяя друг друга, нарочные могли доставить депешу из Лондона в Кремль в пределах 8–14-ти дней.

Вероятно, уже в первых числах мая в Москве получили донесение из Лондона о намерении лордов отложить на год вступление в силу союзнического договора, но в порядке компенсации отправить военный груз в Нарву. Однако вопрос о пожаловании русским купцам привилегии на проведение коммерческих операций на территории Англии все еще рассматривался и мог быть признан «ошибочным». Проволочка английского правительства в значительной мере ослабляла позиции Москвы в предстоящих переговорах с польскими послами. Однако далее откладывать начало переговоров уже не было возможности.

7 мая в Кремле состоялось вручение польскими послами верительной грамоты. Начались переговоры весьма необычно: Грозный царь обратился к послам с извинительной речью за то, что заставил их дожидаться столько времени⁵⁶. Он оправдывался тем, что был «для расправ в своей вотчине в Великом Новгороде и в Пскове». В ответном слове королевские послы объявили, что намерены вести переговоры о делах «панств наших Великого Княжества Литовского и земли Лифлянского [*Ливония. – Л.Т.*]». В переговорах по ливонскому вопросу они представляли интересы также шведского короля Юхана III. Пан Скртошин заявил от имени Сигизмунда II Августа, что «зятя нашего Яна [*Юхан III. – Л.Т.*], за ласки Божое, короля его милости швецкого, ку доброй змове и пожитью з тобою братом нашим приводити хочом, игды з нами в доброй приязни брат наш будешь, о чом ширим от послов наших ведомость озмешь»⁵⁷.

Итак, послы намеревались в первую очередь решить спорные вопросы о Риге и Ревеле. Чтобы выиграть время, русские дипломаты навязали польским послам «прение» о «размежевании Полоцких рубежей», то есть разделе Полоцкой земли, шаг за шагом делая небольшие уступки.

Одновременно с началом переговоров из Москвы в Дерпт был отправлен гонец с царской грамотой, содержавшей приказ герцогу Магнусу трогаться в путь. 18 мая герцог в сопровождении 200 всадников отправился в Московию. В своей реляции он сообщал, что именно в это время ему был предложен королевский титул (но не уточняя, какая корона ему была обещана): «После того, как мы некоторое время пожили в Тарту, и после того, как Великий Князь вызвал нас в Москву, Иоганн Таубе часто говорил нам во время нашего путешествия, что мы прибудем <...> к Великому Князю как принц, а возвратимся королем. В какой связи он говорил нам об этом, мы уже позабыли»⁵⁸. Видимо, царю пришлось извиниться за двухмесячное ожидание не только перед польскими послами, но и перед герцогом Магнусом.

В тот же день, когда Магнус покинул Дерпт, в Лондоне завершилась официальная часть русско-английских переговоров. 18 мая посол Совин получил «королевский отпуск». Тайное поручение осталось выполненным частично: королева отклонила предложение о предоставлении ей убежища в России, документ оговаривал лишь условия пребывания царя в Англии⁵⁹. Но и после этого отъезд посла задерживался из-за проволочек с оформлением документов доктора Бомелиуса и Дженкинсона. Скорее всего, бюрократическая волокита с документами являлась предлогом, с помощью которого пребывание русского посла в Лондоне было продлено. Лордам потребовалось дополнительное время, чтобы согласовать вопрос о предоставлении «повольностей» русским купцам в Англии.

Доктор Бомелиус получил разрешение на выезд в Россию только 2 июня – крайний срок для выхода судов Северным морским путем. Однако, вместо второго затребованного лица – Дженкинсона – в Москву был отправлен англичанин со схожим по звучанию именем⁶⁰. Позднее королева извинилась за то, что не прислала Дженкинсона к царю, так как «пользовалась его трудами против врагов на море и на суше»⁶¹. Вполне вероятно, лорды намеренно ввели Совина в заблуждение, чтобы создать видимость выполнения всех условий компенсационной договоренности, включая его требование предоставить русским купцам «повольности» на проведение коммерческих операций в Англии.

В начале июня 1570 г. правительство Ивана IV, похоже, находилось в уверенности, что все пункты компенсационных требований выполнены, и Совин везет королевскую грамоту с пожалованием торговых «повольностей» для «московских гостей». То есть военный груз на 14-ти английских судах – это результат первой коммерческой сделки русских купцов без посреднических услуг Московской компании. При этом груз 5-ти судов предназначен для перепродажи в Нарве и, следовательно, облагается

пошлиной в проливе Зунд, а груз остальных 9-ти пойдет в оплату долга русскому царю и потому будет освобожден от таможенного сбора.

Судя по всему, в Кремле вышло намерение не растратить ценный товар на полях сражений, а обменять на политические и территориальные уступки со стороны Польши, Швеции и Дании. Новые обстоятельства требовали внесения правки в соглашение с герцогом Магнусом. Если договор 1569 г. предусматривал завоевание Риги и Ревеля с помощью военной силы, то теперь следовало убедить герцога в возможности получить ливонские земли с помощью дипломатии.

Герцог Магнус и его свита прибыли в Москву 10 июня и были приняты с необычайным почетом и пышностью. Любопытные подробности о пребывании герцога в Москве сохранились в дневниковых записях анонимного автора, находившегося в близком окружении Магнуса (отрывок из них был опубликован в небольшой брошюре, изданной во Франкфурте-на-Майне в 1572 г.). По словам анонима, сам царь Иван IV встретил герцога в сопровождении тысячи всадников⁶².

По-королевски пышный прием герцога, а также последние известия из Лондона, видимо, сильно встревожили польских послов. В тот же день, 10 июня, поляки испросили особой, приватной аудиенции. От имени панов, членов Рады Короны Польской и Великого Княжества Литовского, они изустно предложили Ивану IV вступить в брак с сестрой короля Анной, а по смерти слабющего и бездетного Сигизмунда II Августа отпустить к ним на королевство царевича Федора Иоанновича. Государь предложение послов отклонил и велел дела вести так, чтобы его «не раздражали»⁶³.

Подробности этой приватной аудиенции, видимо, не остались тайной для шведских послов. Ответ царя польским панам они расценили для себя как добрый знак. Юстен и его свита посетили Кремль вслед за польскими послами, 11 июня. Они согласились пойти на уступку, унижающую достоинство датского короля, и возобновить обычай дипломатических сношений через новгородских наместников: «Сами челом бьем, чтоб царское величество велел со государем с нашим Яганом королем перемирье учинити Ноугородцкому намеснику своим вотчинам по прежнему обычаю»⁶⁴.

Однако в отношении Ревеля и других ливонских городов послы твердо стояли на своем. Они настаивали на подтверждении грамоты, подписание которой не состоялась в 1564 г.: «А о Вифлянской б земле велел царское величество перемирье учинити по тому, как было приговорено зделати Ирику [Эрику XIV. – Л.Т.] королю з боярином и наместником Вифлянские земли с Михаилом Яковличем Морозовым [Морозов М.Я., боярин, воевода, был наместником в Ливонии в 1558–1570 гг., принимал участие в подписании Дерптского русско-шведского «перемирного» договора в сентябре 1564 г. – Л.Т.], которое перемирье тогда не укреплено,

и те б ливонские города, которые в том перемирье описаны за Ириком королем: город Кольвань [Ревель. – *Л.Т.*], город Пернов, город Пайду, город Карискус [Каркус. – *Л.Т.*], велел царское величество отписать по тому ж за государем их, за Яганом королем». Послы предложили «целованием креста подтвердить мирный договор в Новгороде, а затем от имени Ливонии твердым честным словом подкрепить его в Дерпте». Предложение шведов не было принято. Послов отправили в Муром под строжайшим надзором. По государеву указу, велено было «из тыну их не пущати никуда»⁶⁵.

Неудачу в переговорах шведские послы приписали появлению в Москве герцога Магнуса. Юстен отметил в своих записках: «Как раз в это время в Москву прибыл враг нашей страны, одноглазый великий князь Ливонии Магнус, который все испортил, настроив против нас царя». Свое удаление из столицы Юстен объяснял тем, что русским необходимо было решить «дела польских послов, говорят, очень щепетильные и важные»⁶⁶.

«Щепетильные переговоры» в Кремле

Особую «щепетильность и важность» польских дел, несомненно, породили итоги визита посла Андрея Совина в Лондон.

Неторопливое движение морских судов по водам Темзы от Лондона к устью реки могло продолжаться около недели. Совин располагал временем, чтобы отправить через континент в Москву срочную депешу с малопривлекательным сообщением: переговоры завершились в пользу англичан. В самом деле, вступление в силу союзнического договора было отложено на год. Тайный договор о предоставлении взаимного убежища предусматривал только условия пребывания царя в Англии. После длительных проволочек английское правительство признало ошибочным первоначальное решение предоставить русским купцам право на проведение коммерческих операций на территории Англии, и Совин не получил королевского указа с такими пожалованиями.

Выходило, что военный груз на 14-ти судах, следовавших в Балтийское море, на самом деле являлся не союзнической помощью и не результатом первой коммерческой сделки русских «гостей» в Англии, а товаром купцов Московской компании. Груз на 14-ти судах представлял собой «долг» компании царю за те русские товары, которые агенты должны были получить в преддверии упразднения нарвской фактории и перенесения ее в Ригу и Ревель. Однако те русские товары все были уничтожены опричниками. Только в одной Нарве различных товаров было погублено «на много бочонков золота».

Не ясно, когда и каким образом в Москве узнали об истинном положении дел с военным грузом на 14-ти судах, но как показывают дальнейшие события, в сложившихся обстоятельствах правительство Ивана IV приняло решение захватить его в Балтийском море. Для чего воспользоваться услугами «государева пирата» датчанина Керстена Роде (Carsten Rode). Ему было доставлено послание, датированное 11 июня 1570 г., от имени «царского комиссара в Нарве» Иеронима Линде (Jeronimus Linde). Там сообщалось, что «гданцы снарядили 14 кораблей и стоят вместе со шведами в фарватере [Зунда? – *Л.Т.*]. <...> Было бы не худо, если б датчане и жители города Любека пришли их взять». Взятое добро Роде следовало доставить не в русскую Нарву, и не на остров Готланд, находившийся в то время во владении Швеции, а в город-порт Аренсбург, принадлежавший герцогу Магнусу⁶⁷.

Роде уже имел в своем распоряжении «Открытый лист» для свободного следования с обращением ко всем и каждому, но особенно – к людям короля датского и Любека, выданный ему герцогом Магнусом 6 мая 1570 г. в Дерпте⁶⁸.

Указание Роде насчет того, что ему не следует доставить груз, захваченный на 14-ти судах, на остров Готланд, говорит о том, что московское правительство первоначально намеревалось продать английское оружие Швеции, однако потом переменило решение в пользу герцога Магнуса и датского короля.

Возникшие осложнения потребовали отсрочки в «щепетильных» переговорах с польскими послами, представлявших интересы шведского короля. 12 июня бояре приговорили «делати б государю ныне литовское дело и королевича Датцкого Арцымагнушево челобитье государю выслушати, на которой мере тем делом пригоже быти; и как ея те дела повершат, и государю б тогда свейским [Шведским. – *Л.Т.*] делом промышляти, посмотри по делу»⁶⁹.

В тот же день, 12 июня, герцог Магнус и его свита посетили кремлевский дворец. Там они «были великолепно встречены. После пира они получили от великого князя золотую одежду, отделанную соболями, и шапку, шитую жемчугом, и еще 300 рублей, или 900 талеров в нашей монете. <...> Также всем предоставили хорошие веселящие напитки, чтобы опохмелиться. Из-за этого потом великий князь приказал своим дворцовым слугам под угрозой штрафа в 1 000 рублей внимательно и добросовестно наблюдать за тем, чтобы слуги Магнуса (если они пьяны) не понесли никакого ущерба и с ними не произошло несчастья»⁷⁰.

Видимо, во время пира царь и бояре выслушали «Арцымагнуса», выразившего горячее желание действовать в соответствии с достигнутым в ноябре 1569 г. соглашением и получить с помощью английского оружия

всю Ливонию, включая Ревель и Ригу. На следующий день, 13 июня, когда Магнус и его свита утоляли жажду «веселящими напитками», в Посольской палате принимали польских послов. Решался вопрос о местоположении русско-литовской границы в Полоцком «повете». В ходе переговоров стороны не смогли прийти к соглашению, поскольку раздел Полоцких земель, выражаясь по-современному, «шел в одном пакете» с вопросом о разделе ливонских территорий. Не одобряя воинственный настрой герцога Магнуса, польские послы вопрошали бояр: «В Полоцком бы повете и в пригородах полотцких миритися, а в Вифлянской [земле] брань держати?».

Бояре были вынуждены пойти на уступки и заключить вместо «вечного мира» перемирие по польской мере – сроком на год «от Рождества Ивана Предтечи до того ж Рождества Ивана Предтечи», с 24 июня 1570 г. по 24 июня 1571 г. (старого стиля), а решение по разделу Полоцких земель отложить до прибытия следующего посольства. Наиболее важным оставался ливонский вопрос. Переговоры послов и бояр «о Вифлянской земле» были назначены, по указу царя, на 15 июня⁷¹.

День передышки потребовался царским советникам для того, чтобы оказать давление на герцога Магнуса и заставить его аннулировать соглашение 1569 г. Московское правительство решило навязать герцогу новое соглашение, которое предусматривало бы решение ливонского вопроса не «бранным», а мирным путем.

Иван IV выставил свои условия Магнусу в жесткой форме, сначала отказав в передаче всей Ливонии, а затем предложив компромиссное решение. Сам герцог в реляции так описывает эти события:

«На четвертый день по прибытии [14 июня. – Л.Т.] он вызвал несколько наших советников для проведения совещания со своими советниками, специально посланными им для этой цели. Когда его советники и наши собрались в отдельном доме перед Московским дворцом, его советники просили наших советников пояснить, о чем именно мы ходатайствуем перед Великим Князем. Наши советники отвечали, что мы желаем получить всю Ливонию в наше владение. Это было немедленно отвергнуто, по повелению Великого Князя, и после долгих прений нам был, в конечном счете, предложен замок Оберпален с окрестными землями. Такова была его плата за то, чтобы нам стоять против его врагов, как своих. Поскольку такое предложение было для нас неприемлемо, мы пожелали начать сборы для возвращения в Ливонию.

Когда мы узнали обо всем этом, мы напомнили Иоганну Таубе и Элрту Крузе их сладкие речи и радужные обещания, которые привели нас за рубеж, тогда как эти унижительные переговоры завершились ничем. Они затем хотели продолжить свое дело перед тем, как мы проследуем

через границу со всей нашей свитой. И упомянутые Таубе и Крузе сообщили нам, что они не вводили нас в заблуждение, но что Великий Князь изменил свое решение. Сердца князей, как они сказали, в руках Божих, и они ничего не могут поделать. Они искренне посоветовали нам не противиться воле Великого Князя. Все будет улажено в итоге, Великий Князь в первую очередь желает видеть доказательство нашей преданности – поскольку мы не уступили сейчас, то им следует беспрепятственно отпустить нас из Москвы. Однако скоро нас вернут обратно и отправят на татарскую границу с прочими, подвергнут бесчестию, потому что мы первоначально согласились прибыть сюда, чтобы утвердить свою вечную службу, которой мы опасались в своем невежестве»⁷².

Угроза попасть в позорный плен к «неверным» и подвергнуться бесчестию, как видно, особенно устрасила герцога Магнуса и его близкое окружение. В то же время Таубе и Крузе намекнули на возможность получить обещанные ливонские территории другим путем. Более конкретно высказался Иоганн Таубе: он предложил герцогу породниться с царем, женившись на его племяннице и получив ливонские земли в качестве приданого. Магнус описал этот кульминационный момент весьма эмоционально:

«В каких жестоких страданиях и горе мы в то время держали совет, как наши сердца замирали от страха, и как мы мечтали вновь очутиться на немецкой земле, известно каждому, кто хоть раз имел дело с Великим Князем в этой варварской стране. И когда мы до конца осознали плачевность нашего положения, Иоганн Таубе упомянул племянницу Великого Князя; если мы посватаемся к ней, то, без всякого сомнения, получим не только несколько бочонков золота в приданое, но также все, что мы попросим нижайшим образом, включая земли и подданных, будет нам даровано. И мы подумали, что бессрочный татарский плен, возможно, будет тяжело выдержать»⁷³.

Предложение Таубе выглядело заманчиво. Магнус пожелал встретиться с ним наедине, чтобы обсудить выгоды такого союза. Тайная встреча состоялась в доме Генриха Штадена, владельца корчмы, о которой в столице ходила дурная слава места, где «бывает много убийств».

Штадену встреча Магнуса и Таубе запомнились: «Когда в Москву прибыл герцог Магнус, при нем был Иоганн Таубе. Оба они были врагами. Причина: Иоганн Таубе обещал великому князю взять Лифляндию мирным путем, а герцог утверждал, что это невозможно и что надо захватить ее силой. Тогда Иоганн Таубе и Еларт Крузе были в великой милости у великого князя, а герцог в опале. Герцог Магнус, суля мне большую благодарность, дружески просил меня устроить ему встречу с Иоганном Таубе в укромном месте. Я уговорил Иоганна Таубе прийти ко мне на мой двор

в опричнине. Здесь встретились они оба в моих новых хоромах и с тех пор стали опять друзьями»⁷⁴.

Доводы Таубе оказались настолько убедительными, что Магнус согласился на все условия. По словам герцога, «затем мы согласились на все, и Великий Князь велел своим советникам сказать нам, что он принял решение привести прочие земли “своей вотчины Ливонии” (так обычно он называет Ливонию) под свою власть, как бы там ни было, и этим он желает показать нам свою милость»⁷⁵.

Так, пригрозив бесчестьем и тяготами татарского плена и посулив ливонскую «вотчину» в качестве приданого за невестой, Иван IV добился своего: Магнус отказался от плана захватить Ливонию с помощью оружия и согласился получить ее мирным путем. Это означало: соглашение от 27 ноября 1569 г., составленное на условиях Магнуса, утратило силу.

Как и было условлено, 15 июня бояре приступили к переговорам с польскими послами, но первоначально всячески старались затянуть их. В тот же день «прение» о Ливонии было отложено еще на некоторое время. Русские предложили рассматривать спорные вопросы о Полоцке и Ливонии раздельно: «А о Вифлянской земле будет иное слово»⁷⁶.

Три дня стороны вели переговоры об установлении границ в Полоцких землях (Полоцком повете). 18 июня сошлись на том, чтобы обменяться списками пограничных пунктов, как только они будут составлены и все поправки внесены по совету «вожей» (местных проводников). В тот же день приступили к обсуждению ливонского вопроса.

Польские послы предложили закрепить существующее положение, но без указания ливонских городов, принадлежащих Речи Посполитой и России. О «Вифлянской земле» было много «спорных речей», но к какому-либо соглашению не пришли, «не уговорили ничего». Затем вновь был поднят вопрос о «перемирных» годах. В ходе «прения» обнаружилось недоразумение: польские послы перепутали праздник Рождества Иоанна Крестителя (24 июня старого стиля) с праздником Зачатия Иоанна Крестителя (6 октября старого стиля). Русские требовали продления «перемирных» лет до пяти, поляки соглашались на два года. Договорились – по средней мере, на три года, начиная с текущего дня, то есть с 18 июня⁷⁷.

С этого дня в переговорах наметился перелом в сторону интересов Москвы, при этом уже польская сторона старалась идти на всевозможные ухищрения, чтобы выиграть время. С 19 по 21 июня проходившие в кремлевских палатах встречи сопровождались конфликтами или нарушением дипломатического этикета со стороны поляков. Так, они демонстративно отказались явиться по зову царя, отговариваясь тем, что «слушали мши» (католическую мессу). Государь в ответ заставил послы дожидаться его, пока он молился в Благовещенском соборе. Затем поляки «упрямились,

грамоты писати не хотели»⁷⁸. Очевидно, послам требовалось время, чтобы принять решение с учетом только что поступивших новостей.

Нерешительность и колебания польских послов были, видимо, вызваны тем, что в Москве получили сообщение о 14-ти английских судах, которые благополучно прошли через пролив Зунд, уплатив пошлину за груз 5-ти судов. Послы могли расценить эту новость как свидетельство достигнутой договоренности русских с Магнусом и его братом о передаче Дании крупной партии оружия и огнеприпасов – содержимого трюмов 9-ти судов – для продолжения войны со Швецией. Такое предположение подкрепило известие о желании царя породниться с герцогом Магнусом, скрепив политический союз родственной связью не столько с «голдовником», сколько с его братом, Фредериком II. Кремлевское правительство приложило максимум усилий, чтобы укрепить такое мнение у польских послов.

22 июня государь потребовал, чтобы польский король не вступал в его «отчину Вифлянскую землю», и уведомил поляков, что посылает туда наместником боярина Михаила Яковлевича Морозова (кстати, хорошо знающего артиллерийское дело). Речь шла о Ревеле и прилежащих землях, где воевода Морозов состоял наместником до 1570 г.

Вопрос о «вотчинных землях» уперся в титулование. После долгого «прения» договорились писать в польской и русской грамотах раздельно: «в грамоте в королеве слове вотчинным короля, а государь царь и великий князь в своем слове в грамоте, как захочет вотчинным Вифлянские земли писати, и он пишет». В окончательном варианте русской «перемирной» грамоты титул царя включает фразу «государь вотчинный земли Вифлянские», а Морозов назван «Вифлянской земли наместником». В королевской грамоте титул Сигизмунда II Августа содержит фразу «князь <...> ифлянский». В документе оговаривалось условие для русской стороны: «В Вифлянской земле, что мы под собою держим, городов и мыз не воевати»⁷⁹. Такая формулировка свидетельствует: стороны достигли договоренности о разделе ливонских территорий. Послы признали «вотчинные» права Иван IV на Ревель, Пернов, Пайду и Каркус, где наместником был Морозов, оставив за королем права на Ригу с округом. Вместе с тем, согласно пожеланию польских послов, высказанном 18 июня, в обеих грамотах раздел земель в Ливонии оговаривался лишь в общих чертах, без указания названий городов, отходивших Речи Посполитой и России. В этот день русские дьяки угощали «писарей литовских».

Однако 23 июня русские потребовали, чтобы секретари послов исправили «припись» на королевской грамоте. Скорее всего, исправление касалось даты начала перемирия, которая в окончательном варианте устанавливалась со дня св. Петра и Павла (29 июня старого стиля). На этот раз

польская сторона любезно угощала русского дьяка изысканными «овощи и сахара».

На 24 июня была назначена церемония крестоцелования. Перед ее началом произошел небольшой «раздор», завершившийся еще одной важной победой московского правительства. Бояре потребовали, чтобы к королевской «перемирной» грамоте печати были приложены не на красном воске, а на зеленом или белом.

В делопроизводстве той эпохи цвет воска, на котором оттиснута печать, имел важный смысл. Он различался по достоинству лиц, от имени которых выдавался документ, и по роду дел, к которым бумаги относились. Красной восковой печатью скреплялись важнейшие государственные акты. Печать зеленого воска прикладывалась к частнопроводным документам. Белый цвет являлся самым распространенным: свечным воском запечатывалась личная корреспонденция.

Польские послы намеревались привезти к крестоцеловальной грамоте печать на красном воске. Они ссылались на то, что так «у нашего государя ведетца в обычае: прикладываем печати к красному воску». Под нажимом бояр послы приложили печати к зелено-белому воску, тем самым признав договор не государственным актом, а документом частнопроводного и личного характера: «И к грамоте, к королевскому слову послы печати свои все четыре привезили на зеленом воску в белом воску и к приговорной записи печати приложили, а писари и руки приложили». Грамота Ивана IV от 20 июня 1570 г. была скреплена обычной «царя и великого князя печатью», на красном воске, и представляла собой акт международно-правовой значимости.

Пойдя на согласие в столь важном вопросе, польские послы по завершении крестоцеловальной церемонии объявили еще об одной важной уступке. Они отказались от ходатайства в пользу шведского короля: «Говорили есмь с вами преже сего про Ягана швейского короля, чтоб ему с государем вашим быти в соединении <...> Коли так тому быти не вместитца, то мы о том и говорити перестанем»⁸⁰.

На этом «очень важные и щепетильные» русско-польские переговоры завершились.

В современной научной литературе итоги переговоров получили различную оценку: от нейтральной до резко отрицательной. По мнению А.А. Зимина, соглашение носило характер «приемлимый для польской и русской сторон»⁸¹. И. Граля придерживается мнения, что перемирие «не отвечало чаяниям ни Речи Посполитой, ни России», однако достигнутый компромисс отразил «равновесие сил, сложившееся между двумя измученными зятяжной войной государствами»⁸². А.Л. Хорошкевич высказывает иную точку зрения: итог переговоров «ясно и четко проде-

монстрировал полное фиаско внешней политики Грозного на западном направлении»⁸³.

Действительно, на основании посольских документов, отражающих ход лишь одних русско-польских переговоров, вырисовывается именно такая картина: ничтожность итогов для России после длительных и изнурительных переговоров. Перемирие ничего не определило окончательно, списки порубежных земель в польской и русской грамотах не идентичны. Вопрос о разграничении Полоцких земель отложен до следующих переговоров.

Однако учет всех направлений «многовекторной» дипломатии Ивана IV свидетельствует в пользу того, что «щепетильные» переговоры Москвы и Варшавы завершились блестящей победой царских «переговорщиков». Порубежные споры являлись второстепенным вопросом. Главным был вопрос о разделе Ливонии, в первую очередь – о принадлежности Риги и Ревеля.

Первоначально боярам пришлось пойти на уступки и отказаться от претензий на спорные территории в Ливонии. Однако появление в Балтийском море английских судов с военным грузом и намерение царя скрепить договор с братом датского короля брачным союзом изменили ход переговоров в Москве. Стороны достигли договоренности о разделе Ливонии, в том числе – Риги и Ревеля. При этом, скрепив королевскую грамоту зеленым и белым воском, польские послы признали ее личным документом, не имеющим международной юридической силы.

В итоге положение о том, что определенные ливонские земли польский король «под собой держит», в ближайшем же будущем могло быть оспорено. И отсутствие в «перемирных» грамотах названий ливонских городов, отходивших к Речи Посполитой и к России, оставляло для русской стороны «лазейку». Иными словами, права польского короля на Ригу и ее округ не были закреплены в соответствии с требованиями дипломатического делопроизводства той эпохи. В то время как царская грамота обладала всеми атрибутами государственно-правового акта и закрепляла признание Сигизмундом II Августом «вотчинных прав» Ивана IV на всю Ливонию.

Сверх того, отказ польских послов защищать интересы Швеции в ливонском вопросе определил позицию Сигизмунда II Августа на предстоящих переговорах в Штеттине. Благодаря действиям русских, Дания получила в свою пользу решающий голос посредника. Оказав услугу Фредерику II, царь рассчитывал на ответную любезность в виде политических уступок.

Завершив «щепетильные» переговоры с польскими послами, кремлевскому правительству предстояло закрепить на бумаге устную

договоренность с герцогом Магнусом. Иван IV намеревался заключить с братом датского короля новое соглашение, условия которого отвечали бы интересам России. Его дипломаты готовились применить уже проверенную тактику: ужаснув Магнуса перспективой потерять свободу и честь, предложить компромисс, выгодный Москве.

Русская невеста для короля Ливонии

На следующий день после крестоцелования, 25 июня, польским послам было предъявлено новое требование: в обмен на 50 изборских пленников передать образ Пречистой Богородицы в дорогом окладе с драгоценными камнями. Образ находился в соборе в Вильне (Вильнюс) в «железном киоте запечатан, потому что литовские люди держат люторскую веру»⁸⁴. Для решения вопроса, затрагивавшего интересы церкви, послам необходимо было дождаться инструкций. Они задержались на неделю (до 3 июля) и стали свидетелями важных событий.

В тот же день, 25 июня, царь принял решение отвоевать свои «вотчинные земли» в Ливонии. Как сообщает Разрядная книга, «тово же лета июня в 25 день послал государь под Кольвань [Ревель. – Л.Т.] с нарядом зятя своего свийского короля Арцымагнуша Крестьяновича да с ним с свитцким королем Арцымагнушем Крестьяновичем воевод своих боярина и воеводу Ивана Петровича Яковлева да окольничево и воеводу Василья Ивановича Умново Кольчова»⁸⁵.

Магнус дважды (трижды с учетом выноса на поля) назван «свицким/свийским», то есть «шведским», королем в одном небольшом отрывке. Поскольку ошибка писаря маловероятна, следует признать, что такая формулировка отражает решение царя первоначально пожаловать герцога Магнуса короной не ливонской, а шведской.

Действительно, итоги переговоров в Москве изрядно пошатнули трон под шведским королем Юханом III. Он получил корону всего два года назад, в 1568 г., совершив переворот и заключив своего старшего брата Эрика XIV в темницу. Его действия вызвали осуждение при дворах многих европейских правителей. Отказ польского короля отстаивать интересы Юхана III на предстоящих переговорах в Штеттине оставил его без поддержки единственного влиятельного союзника.

В то же время слишком щедрое пожалование Ивана IV ставило царского «годовника» в чрезвычайно сложную ситуацию. Герцог Магнус приходился двоюродным братом королю Юхану III, их матери были сестрами. Родной брат Магнуса, Фредерик II, сам претендовал на титул шведского короля и имел преимущество по старшинству. Перед герцогом стояла дилемма: пойти по стопам двоюродного брата, бесчестным путем

получить шведскую корону, рассориться с родным братом, лишиться поддержки матери, всех представителей дома герцогов Голштинских и закончить дни в темнице либо отказаться от царских даров и потерять только «царскую вотчину» Ригу и Ревель. У герцога оставалось меньше суток, чтобы принять правильное решение, так как крестоцелование, пожалование королевского титула и сватовство были назначены на 26 июня.

Магнус поступил благоразумно: выбрал наименьшее из зол.

В своей реляции он так излагает события:

«Теперь мы находились в очень рискованном положении и опасности, и если мы не желали предстать перед лицом опасности пожизненного заточения к величайшему позору нашего достоинства и всего дома герцогов Голштинских, нам следовало быть еще более уступчивыми по отношению к нему [Ивану IV], принимая во внимание [вышесказанное], мы поклялись перед Всемогущим Богом, а также вместе с нашими советниками [торжественно обещали], что мы не имеем ни малейшего намерения просить даже малой части из прочих земель Ливонии в наше владение, и грамота на русском языке для крестоцелования была нам доставлена. Однако когда Элерт Крузе перевел документ на немецкий язык, и мы поняли, что Курляндское епископство, Вик и Эзель исчезли из текста, мы выразили протест, что эти земли находятся во владении датской короны, но нам сказали, что так записано в русской грамоте, и мы не можем внести изменения, и что нам следует торопиться на церемонию крестоцелования, поскольку Его Величество Великий Князь уже ждет нас и т.д. И потому мы поспешили и были вынуждены целовать на серебряном блюде крест, при котором находились грамота на немецком языке и грамота на русском языке. После этого нас провели в огромный зал, где все советники Великого Князя собрались, чтобы торжественно объявить нам, что Император/Великий Князь (так!) намеревается возвести нас в Короли Ливонии и пожаловать нам в жены свою племянницу и т.д., и все это было крайне неожиданно, поэтому мы сильно встревожились, потому что мы хорошо представляли себе, что это за кровожадная нация, которая почивает на мечях»⁸⁶.

Из текста реляции следует, что Магнус устранился возмездия от руки родного брата и пожизненного тюремного заточения в случае, если он попытается силой захватить шведский трон. Боясь уронить собственное достоинство бесчестным поступком и навлечь позор на имя герцогов Голштинских, Магнус отказался от титула шведского короля. Он также отказался от претензий на «прочие земли» Ливонии, то есть – «царскую вотчину» (Ригу и Ревель), которые он должен был получить как «зять» Ивана IV и «свийский король». На основании его заявления был составлен договор, аннулировавший соглашение от 27 ноября 1569 г. Отказываясь

от шведской короны и женитьбы на царской племяннице, герцог рассчитывал, что оставляет за собой права на те города, которые принадлежали датской короне, а также «Оберпален с окрестными землями», предложенный ему после долгого «прения» 14 июня. Однако новый документ исключал из перечня владений герцога епископство Курляндское, Вик и Эзель. Магнус выразил протест, но под нажимом бояр был вынужден совершить процедуру крестоцелования. Поскольку Магнус отказался от короны и приданого, то вторичное предложение титула короля, но уже Ливонии, и руки царской племянницы застало герцога врасплох. Магнус встревожился, заподозрив обман со стороны русских «варваров», но не смог устоять перед соблазном.

По словам Магнуса, «после этого [пожалования титула короля Ливонии] нам была предложена невеста без какой-либо детальной предварительной договоренности, и мы в соответствии с этим объяснили [царским] советникам, присланным к нам, что мы не просили королевского титула, и что мы сначала хотели бы обсудить с Великим Князем условия брака и т.д. Великий Князь тогда спрашивал их о величине приданого. Оно было установлено в пять бочек золота. И Иоганн Таубе исполнял роль толмача»⁸⁷.

Как видим, на этот раз Магнус потребовал за невестой не земельных пожалований, а приданого в денежном выражении. Сколько же должно было составить приданое царской племянницы? Одна бочка золота представляла собой стандартную меру счета: 1 бочка была эквивалентна 100 000 талеров. Следовательно, 5 бочек равнялись 500 000 талеров. Для сравнения приведем оценку крепости Эльфсборг, права на которую оспаривали Дания и Швеция во время переговоров в Штеттине. Крепость Эльфсборг, занятая датскими войсками, представляла для Швеции особую ценность, так как это был единственный в то время порт на шведской территории в проливе Каттегат, соединяющем Северное и Балтийское моря. Датский король, понимая выгоду сделки, запросил за нее 400 000 талеров, то есть 4 бочки золота, но разрешил своим послам снизить эту сумму до 100 000. В итоге датчане уступили спорную крепость за 150 000 талеров⁸⁸. Таким образом, приданое княжны Старицкой в 5 бочек золота было эквивалентно 4 или 5 хорошо укрепленным крепостям.

Брачный договор, несомненно, был составлен в соответствии с международными юридическими требованиями к такому документу. Помимо величины приданого, он закреплял союзнические отношения между царем и его будущим зятем. К сожалению, этот договор не известен современным исследователям, однако его содержание поддается реконструкции по ряду документов.

Король Сигизмунд II Август через своих депутатов при венском дворе сообщал императору Священной римской империи об итогах визита Магнуса в Россию и о «единомыслии» Москвы и Копенгагена. В послании, отправленном в августе 1570 г., он ссылается на сообщения из Германии и на признание некоего пленника, находившегося в свите Магнуса во время его пребывания в Москве (Фредерика Гросса?). Сведения подтверждались донесениями его послов, только что вернувшихся из России. Союз московского царя с ливонским королем был заключен на следующих условиях: Магнус становился единоличным правителем (princeps) всей Ливонии и признавал свое подчинение государю. Ливония передавалась ему в наследственное владение, а в случае пресечения рода, отходила датской короне. В ответ Дания должна была предоставить царю флот для борьбы со Швецией и Польшей, а царь Дании – сухопутное войско. Датский король и Магнус брали на себя обязательство примирить Московского царя с германскими князьями, так чтобы у них были общие друзья и враги⁸⁹.

Как видим, новый документ в значительной мере отличался от грамоты, подписанной Иваном IV в ноябре 1569 г. Во-первых, Магнус назван королем Ливонии. Второе важное изменение коснулось вопроса наследования Ливонии в случае пресечения рода Магнуса: если в предыдущей крестоцеловальной грамоте оговаривалось право граждан Ливонии выбирать правителя, то новый договор предусматривал передачу наследственных прав датской короне. В-третьих, гарантом союзнического соглашения со стороны Магнуса названа Дания, которой отводилась главная роль в предоставлении военной помощи «москвитам» против Швеции и Польши, видимо, для завоевания «царских вотчин» – Ревеля и Риги.

Новый документ восстанавливал права Магнуса на те земли, из-за которых возникли разногласия перед церемонией крестоцелования. В грамоте Ивана IV к королю Фредерику II от 26 сентября 1570 г. указан титул короля Ливонии, включавший в перечень владений Эзель, Вик и Курляндское («Курское») епископство: «Король вифлянкой, арцог Магнус и тех областей Озель и Вики, и государь Курской земли...». В послании царя говорится о заключении с королем Ливонии оборонительно-наступательного союзнического договора и передаче ему в наследственное владение ливонских земель, а в случае пресечения его рода правителя Ливония надлежало выбрать из представителей датской королевской семьи, которые также давали бы клятву верности русскому царю. В грамоте содержится перечень городов и земель, пожалованных Магнусу в наследственное владение. Царь отписал «голдовнику Арцъмагнусу» свою «отчину Вифлянкой земли городы: город Ригу, город Кольвань и все те останошные городы Вифлянские земли, которые ныне за полским и

за литовским и за свейским королем, и те все города, которые были за тобою, датским королем, а ныне те города по покупке за братом за твоим...». Условия «покупки» ливонских городов, переданных царем ранее датской короне «по докончальной грамоте», предстояло обсудить через послов: «Да о том нам царскому величеству обослатися с тобою». Королю Ливонии также отходили города «по даче, а не по покупке»⁹⁰. Некоторые указания на земельные пожалования «голдовнику» имеются в духовной грамоте Ивана IV⁹¹.

В дневниковых записях анонима, состоявшего в свите герцога Магнуса, изложено, в какой последовательности проходила церемония подписания нового договора. «Когда все это было совершено, и великий князь поцеловал крест, и герцог Магнус принес присягу, они потом скрепили печатью и утвердили достигнутые соглашения. Потом опять торжественно пригласили к столу, и герцог Магнус со своими придворными пировали вместе с великим князем»⁹².

Иван IV скрепил документ государственной печатью и передал будущему зятю, минуя боярина, из собственных рук. Магнус сообщает об этом в своем «поспешном» послании, отправленном 23 августа 1570 г. в осажденный Ревель: «[Царь] изволил пожаловать нас наследственно всей Ливонией; и то утверждено было грамотой, скрепленной золотой государственной печатью, данной нам собственноручно»⁹³. Редкая «золотая» печать, видимо, представляла собой точную копию печати на золоте, которой была скреплена «докончальная» грамота от 7 августа 1562 г. Фредерика II и Ивана IV, закрепившая свободный пропуск иностранных судов через Зунд.

В другом письме к ревельцам, написанном уже без всякой спешки в начале сентября 1570 г., Магнус также говорит о передаче ему Ливонии в наследственное владение в обмен на «ничтожную признательность, о которой даже не стоит упоминать, и что записано в грамоте и на чем мы целовали крест»⁹⁴. «Ничтожная признательность» Магнуса за передачу ему Ревеля, Риги, других «покупных» и дареных земель в Ливонии состояла, вероятно, в женитьбе на княжне Евфимии Старицкой.

Согласно русскому обычаю, после скрепления брачного договора Магнус имел право увидеть невесту. Смотрины княжны Евфимии и обручение ее с Магнусом, несомненно, проходили по заведенному порядку, описание которого содержится в документах о сватовстве великого князя Александра Казимировича (заочное для литовского князя) к великой княжне Елене, проходившие в Москве 6 февраля 1494 г. «И в четверг, приехав на двор, да шли к великой княгине, а княжна тут же у нее была. И пан Станислав великой княжне Олене от великого князя Александра правил поклон. И великая княжна вспросити велела окольничему о их

здоровье; а о великого князя здоровье не спрашивала. Да поминки от себя являли великой княжне. <...> И князь велики, сед с великою княгинею, и княжна тут же да и бояре, и послали по них, да и обручинье тут было, молитву священники молвили, кресты с чепми [Цепями. – Л.Т.] и перстни меняли...»⁹⁵.

Смотрины царской племянницы состоялись в день вступления в силу русско-польского «перемирного» соглашения, в праздник св. Петра и Павла. Дата указана в записках анонимного автора. «29 июня великий князь с герцогом Магнусом поехали верхом туда, где была девица, и они смотрели ее. Тогда она была сговорена и помолвлена на брак. Потом герцог Магнус подарил невесте золотую цепь, и она ему подарила, в свою очередь, драгоценный перстень. Говорят, что и великий князь обещал ему 10 тонн золота в приданое»⁹⁶.

О подарках Магнуса невесте поведал также Альберт Шлихтинг, слуга и переводчик «итальянского врача», находившегося на службе у царя. В своем «Кратком сказании о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича» Шлихтинг рассказывает о событиях следующим образом: «Когда герцог Магнус был у своей невесты Владимировны, она ему подарила 3 000 рублей хорошими деньгами, а также несколько собольих шуб и кунных (magurkowe) шапок и много полотна. Невесте же он подарил всего одну большую золотую цепь и 500 венгерских гульденов. Вскоре после этого он уехал из Москвы со своими немцами, которых у него было 200 конных. В Пскове его ждал князь Юрий Токмаков с 3 000 человек»⁹⁷.

Сообщение иностранных авторов содержит указание на то, что помолвка не получила завершения через перемену перстнями, так как король Ливонии не подарил своей невесте кольца. В христианском таинстве брака кольцо является главным атрибутом обряда обручения. Однако в данном случае ритуал был нарушен: невеста подарила перстень, а жених ограничился золотой цепью. То есть формально Магнус не подтвердил брачный договор. Любопытно также упоминание о том, что царь обещал увеличить приданое в два раза против суммы, уже зафиксированной в брачном договоре.

Это дает основанием предположить, что после смотрин, во время обряда обручения, произошло что-то, что расстроило помолвку. Причем вина лежала на родных невесты.

Во время смотрин Магнус увидел неподвижно сидевшую девушку, закутанную в тяжелые шелковые одежды, в жемчугах и драгоценных камнях. На голове – девичий головной убор: косник, перевязка, венец. В соответствии с дворцовым этикетом, истинные черты лица царской племянницы скрывал толстый слой белил и румян, брови подведены сурьмой.

Король Ливонии отвесил поклон. Боярин от имени княжны спросил о его здоровье. Затем от Магнуса поднесли подарок для девушки – золотую цепь. На этом смотрины закончились. Король Ливонии выразил согласие тут же совершить обручение.

В отличие от приведенного выше обряда, совершенного между католиком и православной, при обручении Магнуса и княжны Евфимии был предусмотрен только обмен кольцами, так как протестанты не носят нательных крестов. Инцидент произошел, видимо, после того, как священник совершил молитву и надел золотой перстень на палец правой руки Магнуса. Невесте надлежало надеть серебряный перстень. Возможно, в этот момент и открылся физический изъян девушки, из-за которого жених имел право отказаться от невесты.

Вполне вероятно, что племянница Ивана IV страдала тем же недугом, который современные ученые обнаружили в останках ее младшей сводной сестры. В 1990-х гг. при восстановлении некрополя Вознесенского монастыря в московском Кремле проводились исследования захоронений представительниц великокняжеской и царской фамилии. Эксперты-криминалисты воссоздали облик княжны Марии (1560–1569), дочери князя Владимира Старицкого от второго брака. Особенности строения черепа и некоторых длинных костей свидетельствовали о серьезном заболевании девятилетней девочки – рахите. Изучение останков ее прабабки – Софьи Палеолог – также показало склонность к костным заболеваниям, причиной которых является нарушение гормонального фона: повышенное содержание мужского гормона тестостерона⁹⁸.

Рахитоподобные заболевания часто сопровождаются отставанием в умственном развитии. Младший брат Ивана IV, Юрий, страдал умственным расстройством. Царевич Федор, младший сын государя, был «умом прост» и мучился слабостью в ногах. Скорее всего, княжна Евфимия Старицкая также унаследовала от прабабки семейный недуг в тяжелой форме: искривленный скелет, деформированный череп, мужеподобная внешность, нарушение психики.

Если наше предположение верно, и король Ливонии во время ритуала перемены колец увидел вместо красавицы страшилище, то вполне понятно его желание расторгнуть помолвку. Обещанные 10 тонн золота не изменили его решения. Ситуация была неприятна для обеих сторон. Отвергнуть невесту – означало нанести оскорбление ее родственникам. В то же время, отказываясь от помолвки и брака, Магнус лишился приданого.

Компромисс все же был найден. Магнус получил право выбора между двумя сестрами. У государя имелись две племянницы. Евфимия Старицкая была старшей, в 1570 г. ей исполнилось 18 или 19 лет (брак ее родителей – князя Владимира Андреевича Старицкого и Евдокии

Александровны Нагой – состоялся в мае 1550 г.⁹⁹). Младшая сестра – Мария – родилась не позднее осени 1554 г. (к весне следующего года князь Владимир Старицкий уже пребывал в холостяках, и 22 апреля 1555 г. сочетался вторым браком с Евдокией Романовной Одоевской¹⁰⁰). Следовательно, младшей племяннице царя во время сватовства Магнуса было около 16 лет.

Судя по сохранившемуся портрету, княжна Мария отличалась красотой и стройным телосложением¹⁰¹, но, видимо, все же унаследовала семейный недуг в легкой форме. Она страдала слабостью в ногах, отставала в росте от своих сверстниц и выглядела, как десятилетний ребенок. Три года спустя, весной 1573 г., по свидетельству Пискаревского летописца, царь выдал ее замуж «за короля Ор[ц]ымагнуса невелику, а к венчанию несли на руках»¹⁰². Родственники Магнуса считали ее 13-летним подростком. Брат короля Ливонии писал к герцогу Мекленбургскому, что Мария Владимировна – «чистое дитя: достаточно яблока и немного сахара, чтобы она оставалась спокойною»¹⁰³.

Правом выбора невесты пользовались только сыновья царя и великого князя. Чтобы соблюсти традицию, Ивану IV пришлось объявить Магнуса братом царевича Ивана Ивановича, то есть своим сыном. Указание на это находим в записках анонима: «Потом, 1-го июля, герцог Магнус снова был в гостях у великого князя. И там его величество молодой великий князь сидел при старом, и герцог Магнус тогда в первый раз видел молодого государя, который его принял и дал ему руку и принял его, как своего брата. После окончания пира молодой государь подарил герцогу Магнусу со всеми его придворными пышные дары как своему брату»¹⁰⁴.

Если наше предположение верно, то во время вторых смотрин Магнус выбрал младшую сестру. Выбор короля Ливонии означал отсрочку с заключением брака: младшая сестра не могла выйти замуж раньше старшей. В то же время, крестоцеловальная грамота, где Магнус давал обет жениться на старшей племяннице царя, уже была подписана и скреплена «золотой» печатью. То есть, с юридической точки зрения, король Ливонии являлся женихом княжны Евфимии. Это противоречие могла разрешить только смерть несчастной невесты. Впрочем, Магнус не спешил под венец, поскольку обещанное приданое еще предстояло отвоевать.

По словам анонимного автора, «3-го июля герцог Магнус опять был гостем великого князя и тогда простился с ним. Тогда великий князь подарил герцогу Магнусу 15 000 рублей, по нашим деньгам почти 30 000 талеров, для начала осады города Ревеля, на что герцогу Магнусу обещали большую и многую помощь. 6-го июля герцог Магнус выехал из Москвы, и его торжественно сопровождал великий князь. На расстоянии мили от Москвы на протяжении одной мили они расставили охотников с

собаками на пути, пролежавшем среди бора, так что герцог Магнус смог повеселиться и убить много зайцев и другую дичь. Потом он пошел дальше, следуя приказу об осаде этого города [Ревеля]. Для осады великий князь обещал герцогу Магнусу придать большое войско, именно около 20 000 русских»¹⁰⁵.

Помимо войска, для осады Ревеля требовались артиллерия, порох и боеприпасы. Все это везли английские суда, о приближении которых к Нарве уже получили сообщение датские пираты.

Пираты и дипломаты

В начале июля 1570 г. караван английских судов под командованием Вильяма Борроу (William Burrough) наконец-то достиг восточной оконечности Балтийского моря. За время пути их число уменьшилось до 13-ти. Судьба одного судна осталась неизвестной.

10 июля, когда караван находился в 50-ти верстах от Нарвы, путь ему преградили пираты. Возле «острова Тютти» (Тюттерс?) 6 датских «каперов» уже поджидали англичан. Скорее всего, сведения о том, что зундская пошлина была выплачена за 5 кораблей, ввели пиратов в заблуждение о численности сил противника. «Царские каперы» не предполагали, что торговые суда придут в сопровождении сильного конвоя.

Боевое столкновение завершилось блестящей победой англичан. Пленив четыре шхуны и 83 членов команды (одна шхуна ушла от преследователей, другая была сожжена, спасшиеся пираты уплыли на лодках), отважные моряки прибыли в Нарву.

По распоряжению главы нарвской фактории Кристофера Хадсона, пленные датские пираты были отправлены в Псков к воеводе князю Ю.И. Токмакову. Слуга фактории доставил псковскому наместнику также наказы и письма, найденные на каперских шхунах. Документы содержали сведения, «в каком порядке они [Датские каперы. – Л.Т.] были снаряжены, и какова была их цель». Хадсон просил вернуть ему письма после того, как царь ознакомится с их содержанием.

Не разгружая в Нарве присланную артиллерию и огнеприпасы, английские купцы заполнили трюмы русскими товарами, которых «едва хватило на половину кораблей». После 15 июля все 13 судов отправились в обратный путь, увозя в Англию не только товары, но и весь военный груз. Почему он так поступил, Хадсон объяснил в своем послании к Ивану IV: «Причина же та, что нынешнею зимою, по указу вашего вел[ичес]тва, нам не дали торгова, к великому ущербу товарищества. Но надеясь, что потом, ваше вел[ичес]тво примете сие в уважение, и что нам разрешено будет свободно и повольно торговать во всех странах вашего вел[ичес]тва, согласно данным нам привилегиям...»¹⁰⁶

Так, поставив в вину Ивану IV то, что товары, предназначенные для вывоза в Англию, были уничтожены зимой во время опричных погромов, Лондон отказался выполнить свои обязательства по поставке предметов военного назначения. То количество русских товаров, которое англичане вывезли на 4–5-ти судах, они, видимо, посчитали компенсацией за груз пропавшего в пути (отбитого корсарам Руде?) 14-го корабля. Вступление в силу союзнического договора, как и рассчитывали руководство Московской компании и члены правительства Елизаветы I, откладывалось на один год.

Вместе с тем, начало мирных переговоров в Штеттине приближалось. В связи с грядущим заключением мира между Швецией и Данией вопрос о нарвской торговле приобретал важнейшее значение. В июле в Штеттине собрались представители Швеции, Дании, городов Любека и Данцига, прибыли уполномоченные от Августа Саксонского, других германских князей и французского короля Карла IX. Ожидался приезд депутатов от польского короля Сигизмунда II Августа и императора Священной римской империи Максимилиана II. В августе, наконец, съехались все депутаты.

Основная тема в переписке участников переговоров – пиратские набеги каперов русского царя на суда в Балтийском море и сближение герцога Магнуса с Москвой. Действия датских пиратов против англичан получили широкую огласку при дворах европейских правителей, очевидно, через «открытые письма» Магнуса и послания «царских комиссаров», найденные Хадсоном на каперских судах.

Дания, от имени которой Магнус подписал обязательство о помощи «москвиту» военной силой в войне против Польши и Швеции, теряла свои позиции. На ее стороне находилась только Саксония. Шведский король Юхан III требовал передать ему крепость Эльфсборг, обладание которой делало для него ненужным плавание через пролив Зунд. Сношения со странами Западной Европы (в первую очередь – с Англией) могли осуществляться без посредничества Дании. Король настаивал на том, чтобы купцы города Любека пользовались такими же правами, как и прочие торговцы. Польша отстаивала интересы шведского короля, но как заинтересованное лицо. Имперские послы придерживались нейтральной позиции. Стороны не торопились начинать официальные переговоры, ограничиваясь устными высказываниями. Видимо, все ожидали ответного хода «москвиты», а также результатов усилий Магнуса по завоеванию «вотчины» московского царя – Ревеля.

Военные действия войск Магнуса начались 21 августа 1570 г. вполне символично: занятием и разгромом госпиталя св. Юхана (Иоанна) в предместьях Ревеля. Однако акт морального устрашения шведского короля оказался малодейственным. Послание Магнуса к осажденным ревельцам

от 23 августа с предложением сдаться успеха не имело. 2 сентября русские доставили из Нарвы «артиллерийский наряд» (груз 14-го английского судна?). Но обстрел города не дал результатов, так как мощности малокалиберных орудий не хватало, ядра не причиняли вреда крепостным стенам.

5 сентября в Штеттине приступили к мирным переговорам.

Жаркие споры разгорелись вокруг Ревеля. Шведский король отстаивал свои права на Ревель, Пернов, Пайду и Каркус. В крайнем случае, предлагал уступить их Польше, если Сигизмунд II Август заключит с ним наступательный союз против России и заплатит ему 1 млн талеров. Представители шведского короля склоняли посредников на свою сторону с помощью писем Магнуса, в которых он признавал царя своим сюзереном, и посланий Фредерика II, одобрительно высказывавшегося по поводу каперства «московитов». Депутат от города Данцига передавал, что Фредерик II энергично готовится к войне и намерен помочь герцогу Магнусу занять Ревель¹⁰⁷.

1 октября «европейские комиссары» (представители правительств европейских стран, осуществлявшие надзор за ходом переговоров) подали заявление датским и любекским уполномоченным касательно отношений Магнуса с Иваном IV, а также потакания и покровительства, которые оказывали датчане и жители города Любека «царским каперам». К петиции прилагалось около 20-ти документов, подтверждавших обвинения «комиссаров». В частности, «Открытый лист» Магнуса для Крестена Роде, показания пленных царских корсаров, письма Магнуса к ревельцам и ливонцам, очередное «признание» Фредерика Гросса о «ревельских» делах (в ватиканском архиве оно названо «вторым», но, с учетом «английского признания», его можно считать третьим по счету) и другие¹⁰⁸.

Россия предстала в Штеттине вероломным варваром, готовым ограбить собственного союзника. Фредерик II поспешил отмежеваться от возводимых на него обвинений в пособничестве Москве. Он разослал указы с повелением схватить «царского капера» Роде и заключить его в тюрьму¹⁰⁹.

Посредники колебались, так как Англия и Россия хранили многозначительное молчание. Участники переговоров в Штеттине ждали окончательного решения английского правительства и руководства Московской компании о судьбе фактории в Нарве. Ожидание затягивалось, так как решение Лондона зависело от итогов переговоров купцов Московской компании с персидским шахом. В Москве также с нетерпением ждали вестей из Персии, и в случае положительных результатов готовились выставить Англии жесткие требования.

Наконец, 27 сентября 1570 г. персидский шах повелел своему сыну султану Гейдер Мурза (Heyder Morsa) удовлетворить все прошения английских купцов. Согласно «шаховой грамоте», ежегодно назначался один из приближенных для сбора долгов в пользу англичан во всех владениях шаха, «повольность» давалась на 100 лет. Помимо этого, на имя английских «гостей» был выдан «проезжий» документ. 6 пунктов документа оговаривали условия свободной и беспошлинной торговли купцов во всех подвластных землях шаха¹¹⁰. Теперь успех английской торговли в Персии зависел от доброй воли русского царя, через территорию которого купцы намеревались доставлять свои товары на Ближний Восток.

Как только в Москве получили сообщение об итогах переговоров в Персии, в Лондон через континент был отправлен гонец.

Послание к Елизавете I, датированное 24 октября 1570 г., начиналось с обзора событий последних лет. В нем говорилось о торговле двух стран через английскую факторию в «Ругодиве» (Нарве). Царь Иван IV обвинил английское правительство и руководство Московской компании в нарушении взятых на себя обязательств. Позиции Москвы были настолько сильны, что он позволил себе оскорбительный выпад в адрес королевы. По словам царя, Елизавета как «пошлая девица» позволяла «мужикам торговым» управлять государственными делами. Царь пригрозил лишить «гостей» всех «повольностей» и отказаться от торговли с Англией. Он объявил все льготы на транзитный провоз английских товаров в Персию недействительными. «А Московское государство покаместо без Английских товаров не скудно было. А грамоту б еси которую есмь к тебе послали о торговом деле прислала к нам. Хотя к нам тое грамоты и не пришлеш и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты которые есмь давали о торговых делах по сей день не в грамоты»¹¹¹.

Из опасения потерять право на транзитные перевозки товаров в Персию, лорды пошли на уступки. В памятной записке, составленной в правительстве после получения гневного послания царя, предусматривалось отправить через континент с «обычной почтой» сообщение о предстоящем визите Антона Дженкинсона, уполномоченного урегулировать все спорные вопросы¹¹².

Намерение Англии загладить свою вину перед царем означало, что обязательства по доставке вооружения «московиту» в Нарву будут выполнены. Следовательно, закрытие нарвской фактории откладывалось. Скорее всего, уведомление о прибытии Дженкинсона, отправленное не с нарочным, а с «обычной почтой», было перлюстрировано и передано польским и имперским депутатам в Штеттин.

Уже в ноябре стало ясно, что представители польского короля и императора склоняются на сторону Дании. Депутаты короля Юхана были

вынуждены пойти на уступки, и 2 декабря был заключен мир на условиях Фредерика II. Швеции пришлось выкупить у датчан крепость Эльфсборг и уступить норвежские области Иемтланд и Герьедален, вернуть все захваченные на войне датские корабли и пушки. По поводу трех корон согласились на компромисс – обе стороны могли носить их изображение, но отказывались от каких-либо действий по восстановлению Кальмарской унии (1397–1523 гг.).

Вопрос о владениях шведского короля в Ливонии было решено отложить до конгресса в Ростоке, назначенного на 24 мая 1571 г. На конгресс должны были съехаться депутаты от Швеции, Дании и императора Священной римской империи. Было условлено, что король Юхан передаст свои ливонские владения (в первую очередь – Ревель) императору. А представители императора немедленно уступят Дании Эзельскую и Ревельскую епархии (Ревель в Ревельскую епархию не входил) с правом передать их Магнусу, как только тот порвет договор с Москвой. Ревель и другие города император уступал в ленное владение шведскому королю и обещал оплатить все военные расходы, понесенные им во время войны. Переговоры о нарвской торговле, в которых Швеция стояла за ее запрещение до окончания Ливонской войны, закончились также в пользу Дании: нарвское плавание было объявлено свободным¹¹³.

Уже 20 декабря 1570 г. Магнус писал к осажденным ревельцам о скорой присылке военной помощи в Нарву: «Нас оправдает Бог и весь свет; вы же пеняйте на ваше ослепленное упорство и на ваши пустые надежды, идущие к вам из близких мест и городов, как на прим[ер], из Нарвы, откуда вам пишут, что будто бы Русское Царское Величество обещал нам не более 4 мортир и двух картаун [Осадная пушка, род единорога. – Л. Т.], как между прочим о том разгласил Вальтер фон-Колен, (убеждая), дабы вы ничего не опасались, ибо нам более помощи не пришлют. Но в непродолжительном времени вы с великим горем и жалобой увидите противное сему»¹¹⁴.

Подписание мирного договора со стороны Фредерика II состоялась 25 января 1571 г., Юхана III – месяц спустя, 24 февраля. Так переговоры в Штеттине завершились подписанием мирного соглашения между Швецией и Данией, но упразднение нарвской фактории и перемещение коммерческих операций в Ригу и Ревель не состоялось. Осада Ревеля приобрела вялотекущий характер. Магнус время от времени посылал грамоты к ревельским горожанам, склоняя к сдаче, но безрезультатно.

В разгар переговоров в Штеттине умерла всеми позабытая невеста Магнуса, княжна Евфимия Старицкая (20 ноября 1570 г.). Тело ее положили в Вознесенском соборе Кремля. На крышке саркофага выбили надпись, исказив ее имя: «Лета 7079 месяца ноября в 20 день преставися княжна Евдокея княж Владимирова дочь Андреевича»¹¹⁵. Однако в Москве

герцога Магнуса дожидалась вторая племянница русского царя, его договор с Иваном IV остался в силе.

В самом начале весны 1571 г. английское правительство предприняло решительные шаги, чтобы выполнить свои обязательства перед русским царем. В Лондоне было решено снарядить 13 кораблей с военным грузом для Нарвы. В первых числах марта от имени Елизаветы I к королям датскому и шведскому были составлены письма точно такого же содержания, как в прошлом году. Руководство Московской компании обратилось к правительству с просьбой выдать из королевской казны беспроцентный заем в размере 3 000 талеров (7 000 ф. ст.), чтобы немедленно отправить один корабль через Зунд прежде остальных 13-ти. Купцы объясняли необходимость получения ссуды тем, что намеревались предупредить всех иностранцев и подготовить наилучший проезд для прочих судов, а без наличных денег это сделать было невозможно. Они обещали вернуть всю сумму через три месяца, то есть не позднее июня 1571 г. К Ивану IV предполагалось отправить послание с заверениями в вечном «братском любительстве» со стороны Елизаветы, несмотря на письма многих государей, которые убеждали королеву прекратить эту дружбу¹¹⁶.

В европейских правительственных кругах действия английского правительства и Московской компании были расценены как отказ Лондона от намерения упразднить нарвскую факторию. Ревель потерял свою привлекательность для Ивана IV, его будущего зятя и всех участников переговоров в Штеттине. В ночь на 16 марта 1571 г. войско короля Ливонии, уничтожив свой лагерь, отступило от стен осажденного города. Магнус уехал в Оберпален, русские отряды отошли к Нарве.

Не позднее мая в Нарву прибыл караван из 13-ти английских судов с артиллерийским грузом. Царь «отложил свой гнев» от английских купцов, но путь в Персию перекрыли войска крымского хана Девлет-Гирея.

В тот день – 24 мая 1571 г., – когда в Ростоке должны были собраться представители Дании, Швеции и Римского императора для обсуждения вопроса о Ливонии, Москва запылала гигантским костром на глазах у Девлет-Гирея. Три дня спустя войско крымского хана покинуло свои позиции на подступах к сгоревшему городу. По словам Таубе и Крузе, полученное «от пленных» известие о подходе на помощь русским 15 000 наемников герцога Магнуса заставило 120-тысячное войско хана Девлет-Гирея отступить от Москвы¹¹⁷.

Хотя англо-русский союзнический договор так и не вступил в силу, Лондон и Москва выполнили взаимные обязательства: англичане прислали в Нарву 13 судов с военным грузом, русские – вернули купцам Московской компании «повольности» на торговлю в России и доставку товаров в Персию.

После 1571 г. нарвская фактория продолжала действовать еще на протяжении 9-ти лет, но ее товарооборот значительно уменьшился. С 1572 г. англичане в основном проводили коммерческие операции через Нюрнберг, откуда грузы поступали в Краков или Любек, а затем доставлялись в Нарву¹¹⁸.

В то же время нарвская фактория занялась посредническими услугами в торговых операциях между Россией и Швецией. В 1576 г. в правительстве Елизаветы I рассматривался проект Вильяма Борроу о сокращении такого вида коммерческой деятельности ввиду больших неудобств при транспортировке грузов. Товары, поступающие из Новгорода Великого и Пскова на русских судах, приходилось перегружать на английские морские корабли, а затем – на шведские речные суда. При этом многие товары портились, что причиняло англичанам большие убытки. Кроме того, грузы следовало доставлять «без шума», чтобы не вызвать протеста у датского короля за нарушение зундских таможенных правил. Борроу считал целесообразным свернуть посредническую деятельность нарвской фактории¹¹⁹.

Возможно, вторая осада Ревеля, предпринятая русскими войсками в январе–марте 1577 г., была вызвана слухами о готовящейся ликвидации фактории в Нарве и переносе коммерческой деятельности в Ревель.

Рассмотрев проект Вильяма Борроу, Московская компания и правительство Англии признали необходимым создать товарищество для легальной торговли с балтийскими странами и свободными городами. В 1579 г. правительство Елизаветы I официально основало такую компанию, дав ей название «Восточной» (The Eastland Company). Нарвская фактория потеряла свое значение и была упразднена в следующем году.

В 1581 г. Швеция отвоевала Нарву. И захлопнула русское «оконце» в Европу.

* * *

Итак, анализ новых документов и сопоставление их с уже известными источниками подтверждает предположение, что совпадение начала английской торговли с Московией и Ливонской войны является не случайным, а закономерным. Англия принимала закулисное участие в борьбе России, Дании, Швеции и Польши за передел сфер влияния в Балтийском регионе.

В «чернильной войне» за Ливонию и монопольное право на тайные поставки английского оружия странам-участницам военного конфликта Россия потерпела поражение. Переломным моментом явился 1570 г. Несмотря на успехи своих дипломатов за столом переговоров с пред-

ставителем датского короля герцогом Магнусом, а также с польскими посланцами, представлявшими интересы Швеции, Москва потеряла свои позиции. Прежде всего из-за вероломных действий на море против своего потенциального союзника – Англии. Разбой «царских каперов» получили широкую огласку в европейских столицах, вылившись в итоге в международный скандал, в который оказалась замешана Дания.

Виновником событий был сочтен герцог Магнус. Из-за его непомерного тщеславия и непродуманных действий честь дома герцогов Голштинских оказалась замарана. Своими поступками, в частности – превышением полномочий при заключении договора с русским царем, он вызвал неудовольствие у брата, короля Фредерика II, едва не потерявшего голоса сторонников на переговорах в Штеттине.

Иван IV также не жаловал своего непутевого зятя. Обещанные пять бочек золота, равно как и прочее «приданое» царской племянницы – города Ригу и Ревель – государев «голдovníк» так и не получил. Магнус сложил с себя королевский титул в 1577 г. В реляции, написанной в начале 1579 г., он пытался оправдать себя в глазах брата и других представителей дома герцогов Голштинских. Магнус скончался в 1583 г., не оставив наследника. Королевству Ливония не суждено было появиться на картах Западной Европы.

Впрочем, создается впечатление, что Иван IV изначально планировал поступить со своим «голдovníком» так же коварно, как и с английским партнером. Проект женитьбы Магнуса на княжне Евфимии Старицкой и образования Ливонского королевства являлся не более чем «ходом» в его дипломатической игре.

Нельзя сказать, что другие участники конфликта оказались в выигрыше. Речь Посполитая и Швеция удержали за собой военные трофеи Ливонской войны – Ригу и Ревель. Дания сохранила контроль над Зундским проливом.

Главный приз при переделе сфер влияния в Балтийском регионе достался Англии, потеснившей Ганзейский союз с балтийского рынка оружия. Тайная торговля оружием со странами-участницами ливонского конфликта через русское «оконце» в Европу стала одним из основных факторов, который способствовал становлению Англии как крупнейшей мировой державы, «владычицы морей». Не случайно купец Московской компании Джером Горсей в своих записках назвал Ливонию «самой прекрасной страной, текущей молоком и медом и всеми другими благами»¹²⁰, уподобив ее библейской Стране Обетованной, или Раю.

В начале 1580-х гг. в Лондоне ликовали, подсчитывая прибыль от контрабандных сделок. В Москве – правили тризну по душам невинно убиенных, включенных в Синодик Ивана Грозного. В него вошли имена

людей, казненных между 1564 и 1575 гг. Именно на это десятилетие приходится период регулярных и наиболее интенсивных сношений России и Англии через Нарву, согласно таможенным книгам Зунда. «Английский царь» замолил свой смертный грех.

«Слюдяное оконце» в Европу, приоткрытое Иваном IV в годы Ливонской войны, захлопнулось более, чем на столетие. Россия первых Романовых не решалась дотронуться до заповедной дверцы, за которой лежал путь к западной цивилизации. Москва предпочитала по старинке выполнять роль связующего звена между Европой и Азией и контролировать кратчайший путь в Персию, Индию и Китай. Пропуская основной груз по Волге, кремлевские дельцы оставляли для внутренних нужд лишь «100 старых кольчуг».

Европейские державы не торопились принимать в свой круг этого неуклюжего «русского медведя», отпихивали его в Азию, отгораживались «свинцовыми занавесями», пугали себя его «варварством».

Петр I дерзнул «прорубить» новое «окно» на балтийской границе. Через распахнутые настежь «створки» не только хлынул поток новейшего западноевропейского оружия для русской армии, но и потянуло соленым ветром вольномыслия. Благодаря петровским реформам Россия, наконец, скинула с себя «азиатский халат», отказалась от ленивой позы посредника в тайных сделках между Западной Европой и Ближним Востоком. Засучив рукава «европейского камзола», она утвердила себя равноправным партнером на международном рынке оружия. И под гром собственных орудий промаршировала в марте 1814 г. по площадям Парижа, «утерев» Англии «нос», простуженный на морских сквозняках контрабандных троп.

Примечания

¹ *Филошкин А.И.* Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 80–94.

Filyushkin A.I. Livonskaya voyna ili Baltiyskie voyny? K voprosu o periodizatsii Livonskoy voyny // Baltiyskiy vopros v kontse XV–XVI v. Moscow, 2010. P. 80–94.

² *Зольдат К.* Балтика, Россия и английская торговля в XVI веке: Почему в XVI в. англичане приплыли в Россию не через Балтику, а через Белое море? // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. С. 40–59.

Zoldat K. Baltika, Rossiya i angliyskaya trgovlya v XVI veke: Pochemu v XVI v. anglichane priplyli v Rossiiyu ne cherez Baltiku, a cherez Beloe more? // Baltiyskiy vopros v kontse XV–XVI v. P. 40–59.

³ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I. СПб, 1893. С. 520.

Forsten G.V. Baltiyskiy vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544–1648). Vol. I. St. Petersburg, 1893. P. 520.

⁴ Hertug magnus af holstens forsværskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme // Danske Magazin. 1976. No. 8 (5). P. 54–83

⁵ *Adamson A.* Prelude to the birth of the “Kingdom of Livonia” // Acta Historica Tallinnensia. Vol. 14. Tallinn, 2009. P. 31–61; *Adamson A.* Magnus in Moscow // Acta Historica Tallinnensia. Vol. 16. Tallinn, 2011. P. 67–85.

⁶ *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation.* Vol. II. Glasgow, 1903. P. 396–399.

⁷ *Purchas S.* Purchas his Pilgrims. Vol. XII. Glasgow, 1906. P. 53.

⁸ *Willan T.S.* The Russia Company and Narva, 1558–1581 // The Slavonic East European Review. Vol. 31, No. 77 (1953, June). P. 406.

⁹ *Purchas S.* Op. cit. P. 53.

¹⁰ *Calendar of State Papers: Foreign, Elizabeth, 1560–1561.* Vol. III. L., 1865. P. 510.

¹¹ *Руссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II, Ч. 2. Рига, 1879. С. 384–385.

Russov B. Livonskaya khronika // Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya. Vol. II, Part 2. Riga, 1879. P. 384–385.

¹² *Calendar of State Papers: Foreign, Elizabeth, 1561–1562.* Vol. IV. L., 1866. P. 59, 90, 102, 103.

¹³ *Любименко И.* История торговых сношений России с Англией. Вып. I. XVI век. Юрьев, 1912. С. 139–141.

Lyubimenko I. Istoriya torgovykh snosheniy Rossii s Angliyei. Vol. I. XVI vek. Yurev, 1912. P. 139–141.

¹⁴ *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 142.

Forsten G.V. Op. cit. P. 142.

¹⁵ Посылка в Швецию Андакана Федоровича Тушина и подьячего Третьяка Свиязева для скрепления королем Эриком XIV новой на двадцатилетнее перемирие грамоты (17 февраля – 21 августа 1562 года) // Сборник Русского исторического общества (Сборник РИО). Т. 129. СПб, 1910. С. 122–123.

Posylka v Shvetsiyu Andakana Fedorovicha Tushina i podyachego Tretyaka Sviyazeva dlya skrepleniya korolem Erikom XIV novoy na dvadtsatiletnee peremirye gramoty (17 fevralya – 21 avgusta 1562 goda) // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva (Sbornik RIO). Vol. 129. St. Petersburg, 1910. P. 122–123.

¹⁶ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326–1690 гг. М., 1893. С. 47–49.

Shcherbachev Yu.N. Datsky arkhiv: Materialy po istorii Drevney Rossii, khranyashchiesya v Kopenhagene, 1326–1690 gg. Moscow, 1893. P. 47–49.

¹⁷ *Руссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II, Ч. 2. Рига, 1879. С. 385.

Russov B. Livonskaya khronika // Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya. Vol. II, Part. 2. Riga, 1879. P. 385.

¹⁸ *Bang N. (Ellinger).* Tabeller over skibsfart og varetransport gennem Oresund, 1497–1660. Vol. I. Copenhagen, 1906. P. 18–99.

¹⁹ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив... С. 53, 56.

Shcherbachev Yu.N. Datsky arkhiv... P. 53, 56.

²⁰ Там же. С. 56.

Ibidem. P. 56.

²¹ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. 1842. № 7. С. 49.

Puteshestvie v Moskoviyu Rafaelya Barberini v 1565 godu // Syn otechestva. 1842. No. 7. P. 49.

²² *Willan T.S.* Op. cit. P. 406.

- ²³ Ibidem. P. 409–410.
- ²⁴ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. 1842. № 6. С. 4–5.
Puteshestvie v Moskoviyu Rafaelya Barberini v 1565 godu // Syn otechestva. 1842. No. 6. P. 4–5.
- ²⁵ The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. III. Glasgow, 1903. P. 44–46.
- ²⁶ Любименко И. Указ. соч. С. 141–142.
Lyubimenko I. Op. cit. P. 141–142.
- ²⁷ Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. СПб., 1875. С. 31.
Tolstoy Yu. V. Pervye sorok let snosheniy mezhdu Rossiey i Angliyei, 1553–1593. St. Petersburg, 1875. P. 31.
- ²⁸ Таймасова Л.Ю. Зелье для государя: Английский шпионаж в России XVI в. М., 2010. С. 186–187.
Taymasova L. Yu. Zele dlya gosudarya: Angliyskiy shpionazh v Rossii XVI v. Moscow, 2010. P. 186–187.
- ²⁹ Willan T.S. Op. cit. P. 414–419; Zins H. England and the Baltic in the Age of Elizabeth. Manchester, 1972. P. 47.
- ³⁰ Cheyney E.P. A History of England: From the Defeat of the Armada to the Death of Elizabeth. Vol. I. N.Y., 1914. P. 329–330.
- ³¹ Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 35–36.
Tolstoy Yu. V. Op. cit. P. 35–36.
- ³² Coote A.H., Morgan E.D. Early voyages and travels to Russia and Persia. Vol. II. L., 1886. P. 224.
- ³³ Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 42–43.
Tolstoy Yu. V. Op. cit. P. 42–43.
- ³⁴ Там же. С. 104.
Ibidem. P. 104.
- ³⁵ Руссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II, Ч. 3. Рига, 1879. С. 186–187.
Russov B. Livonskaya khronika // Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya. Vol. II, Part 3. Riga, 1879. P. 186–187.
- ³⁶ Adamson A. Prelude to the birth of the “Kingdom of Livonia”. P. 44.
- ³⁷ Maier I., Beyer Ju. Zwei russische Gelegenheitsgedichte aus Dorpat (1642) und ihr schwedischer Verfasser Johan Roslin // Scando-Slavica. 2008. Vol. 54 (1). P. 102–134.
- ³⁸ Тургенев А.И. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. Т. I. СПб., 1841. С. 216–217.
Turgenev A. I. Akty istoricheskie, odnosyashchiesya k Rossii, izvlechennyye iz inostrannykh arkhivov i bibliotek. Vol. I. St. Petersburg, 1841. P. 216–217.
- ³⁹ Щербачев Ю.Н. Датский архив... С. 63–64.
Shcherbachev Yu. N. Datsky arkhiv... P. 63–64.
- ⁴⁰ Calendar of State Papers. Foreign, Elizabeth. Vol. 17. L., 1913. P. 707–708.
- ⁴¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 480.
Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. Moscow; Leningrad, 1950. P. 480.
- ⁴² Юстен П. Посольство в Московию. СПб., 2000. С. 130.
Yusten P. Posolstvo v Moskoviyu. St. Petersburg, 2000. P. 130.
- ⁴³ Посольство от короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу (1570, января 10 – сентября 17) // Сборник РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 633.
Posolstvo ot korolya Sigizmunda-Avgusta k tsaryu Ivanu Vasilevichu (1570, yanvaryu 10 – sentyabrya 17) // Sbornik RIO. Vol. 71. St. Petersburg, 1892. P. 633.
- ⁴⁴ Щербачев Ю.Н. Датский архив... С. 65.
Shcherbachev Yu. N. Datsky arkhiv... P. 65.
- ⁴⁵ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 514–516.
Forsten G. V. Op. cit. P. 514–516.
- ⁴⁶ Там же. С. 184–185.
Ibidem. P. 184–185.
- ⁴⁷ Щербачев Ю.Н. Датский архив... С. 64.
Shcherbachev Yu. N. Datsky arkhiv... P. 64.
- ⁴⁸ Статейный список послов боярина Ивана Михайловича Воронцова с товарищи, посланных в Стокгольм (20 июля 1567 – 4 июня 1569 года) // Сборник РИО. Т. 129. С. 135.
Stateynnyy spisok poslov boyarina Ivana Mikhaylovicha Vorontsova s tovarishchi, posylannyykh v Stokgolm (20 iyulya 1567 – 4 iyunya 1569 goda) // Sbornik RIO. Vol. 129. P. 135.
- ⁴⁹ Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 79.
Tolstoy Yu. V. Op. cit. P. 79.
- ⁵⁰ Там же. С. 87.
Ibidem. P. 87.
- ⁵¹ Руссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II, Ч. 2. С. 188.
Russov B. Livonskaya khronika // Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya. Vol. II, Ch. 2. P. 188.
- ⁵² Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 84.
Tolstoy Yu. V. Op. cit. P. 84.
- ⁵³ Там же. С. 89–90.
Ibidem. P. 89–90.
- ⁵⁴ Там же.
Ibidem.
- ⁵⁵ Carman E. Diplomacy through the Grapevine: Time, Distance, and Sixteenth-Century Ambassadorial Dispatches. // Ex Post Facto. Vol. VI. San Francisco, 1997. P. 12–35.
- ⁵⁶ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 540.
Khoroshkevich A. L. Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI v. Moscow, 2003. P. 540.
- ⁵⁷ Посольство от короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу (1570, января 10 – сентября 17). С. 642.
Posolstvo ot korolya Sigizmunda-Avgusta k tsaryu Ivanu Vasilevichu (1570, yanvaryu 10 – sentyabrya 17). P. 642.
- ⁵⁸ Adamson A. Magnus in Moscow. P. 77.
- ⁵⁹ Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 93–96.
Tolstoy Yu. V. Op. cit. P. 93–96.
- ⁶⁰ Таймасова Л.Ю. «Дело Бомелиуса» // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 139.
Taymasova L. Yu. “Delo Bomeliusa” // Novyy istoricheskiy vestnik. 2009. No. 1(19). P. 139.
- ⁶¹ Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 120.
Tolstoy Yu. V. Op. cit. P. 120.
- ⁶² Скрынников П.Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 139.
Skrýnnikov P. G. Zabytyy istochnik o Rossii epokhi Ivana Groznogo // Otechestvennaya istoriya. 1999. No. 1. P. 139.
- ⁶³ Посольство от короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу (1570, января 10 – сентября 17). С. 676; Малиновский А.Ф. Исторические доказательства о древнем желании Польского народа присоединиться к России // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. VI. М., 1833. С. 13–15.

Posolstvo ot korolya Sigizmunda-Avgusta k tsaryu Ivanu Vasilevichu (1570, yanvarya 10 – sentyabrya 17). P. 676; *Malinovskiy A.F.* Istoricheskie dokazatelstva o drevnem zhelanii Pol'skogo naroda prisoedinitiya k Rossii // Trudy i letopisi Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Part VI. Moscow, 1833. P. 13–15.

⁶⁴ Приезд великих шведских послов Павла, епископа города Або, с товарищи (29 июня 1569 – 12 июня 1570 года) // Сборник РИО. Т. 129. С. 188.

Приезд velikikh shvedskikh poslov Pavla, episkopa goroda Abo, s tovarishchi (29 iyunya 1569 – 12 iyunya 1570 goda) // Sbornik RIO. Vol. 129. P. 188.

⁶⁵ Там же. С. 189–191.

Ibidem. P. 189–191.

⁶⁶ Юстен П. Указ. соч. С. 136–137.

Yusten P. Op. cit. P. 136–137.

⁶⁷ Щербачев Ю.Н. Датский архив... С. 68.

Shcherbachev Yu.N. Datsky arkhiv... P. 68.

⁶⁸ Там же. С. 67.

Ibidem. P. 67.

⁶⁹ Приезд великих шведских послов Павла, епископа города Або, с товарищи (29 июня 1569 – 12 июня 1570 года). С. 190.

Приезд velikikh shvedskikh poslov Pavla, episkopa goroda Abo, s tovarishchi (29 iyunya 1569 – 12 iyunya 1570 goda). P. 190.

⁷⁰ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 139.

Skrynnikov R.G. Op. cit. P. 139.

⁷¹ Посольство от короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу (1570, января 10 – сентября 17). С. 705.

Posolstvo ot korolya Sigizmunda-Avgusta k tsaryu Ivanu Vasilevichu (1570, yanvarya 10 – sentyabrya 17). P. 705.

⁷² Adamson A. Magnus in Moscow. P. 74.

Ibidem. P. 76.

⁷⁴ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 134.

Shladen G. O Moskve Ivana Groznogo. Moscow, 1925. P. 134.

⁷⁵ Adamson A. Magnus in Moscow. P. 76.

⁷⁶ Посольство от короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу (1570, января 10 – сентября 17). С. 707.

Posolstvo ot korolya Sigizmunda-Avgusta k tsaryu Ivanu Vasilevichu (1570, yanvarya 10 – sentyabrya 17). P. 707.

⁷⁷ Там же. С. 710–712.

Ibidem. P. 710–712.

⁷⁸ Там же. С. 713–717.

Ibidem. P. 713–717.

⁷⁹ Там же. С. 724–734.

Ibidem. P. 724–734.

⁸⁰ Там же. С. 720–721.

Ibidem. P. 720–721.

⁸¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 434.

Zimin A.A. Oprichnina Ivana Groznogo. Moscow, 1964. P. 434.

⁸² Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 316–317.

Gralya I. Ivan Mihaylov Viskovaty: Karera gosudarstvennogo deyatelya v Rossii XVI v. Moscow, 1994. P. 316–317.

⁸³ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 554.

Khoroshkevich A.L. Op. cit. P. 554.

⁸⁴ Посольство от короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу (1570, января 10 – сентября 17). С. 743.

Posolstvo ot korolya Sigizmunda-Avgusta k tsaryu Ivanu Vasilevichu (1570, yanvarya 10 – sentyabrya 17). P. 743.

⁸⁵ Разрядные книги 1475–1605 гг. Т. II, Ч. II. М., 1982. С. 259.

Razryadnye knigi 1475–1605 gg. Vol. II. Part II. Moscow, 1982. P. 259.

⁸⁶ Adamson A. Magnus in Moscow. P. 76.

Ibidem. P. 80.

⁸⁸ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 517–518.

Forsten G.V. Op. cit. P. 517–518.

⁸⁹ Там же. С. 519–520.

Ibidem. P. 519–520.

⁹⁰ Щербачев Ю.Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива // Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб, 1897. Ст. 93–98.

Shcherbachev Ju.N. Russkie akty Kopenagenskogo gosudarstvennogo arkhiva // Russkaya istoricheskaya biblioteka. Vol. XVI. St. Petersburg, 1897. Col. 93–98.

⁹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 439–440.

Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udelnyh knyazey XIV–XVI vv. P. 439–440.

⁹² Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 140.

Skrynnikov R.G. Op. cit. P. 140.

⁹³ Чумиков А.А. Осада Ревеля (1570 – 1571 гг.) герцогом Магнусом, королем ливонским, голдовником царя Ивана Грозного // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1891. Кн. 2 (157). С. 43.

Chumikov A.A. Osada Revelya (1570 – 1571 gg.) gertsogom Magnusom, korolem livonskim, goldovnikom tsarya Ivana Groznogo // Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh. 1891. Vol. 2 (157). P. 43.

⁹⁴ Руссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II, Ч. 3. С. 197.

Russov B. Livonskaya khronika // Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya. Vol. II, Part 3. P. 197.

⁹⁵ Посольство от великого князя Александра Казимировича с паном Петром Яновичем, воеводою Трокким, с товарищами к великому князю Ивану Васильевичу, для заключения мирного и брачного договоров (1494, января 17 – февраля 12) // Сборник РИО. Т. 35. СПб, 1892. С. 124.

Posolstvo ot velikogo knyazya Aleksandra Kazimirovicha s panom Petrom Yanovichem, voevodoy Trotskim, s tovarishchami k velikomu knyazyu Ivanu Vasilevichu, dlya zaklyucheniya mirnogo i brachnogo dogovorov (1494, yanvarya 17 – fevralya 12) // Sbornik RIO. Vol. 35. St. Petersburg, 1892. P. 124.

⁹⁶ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 140.

Skrynnikov R.G. Op. cit. P. 140.

⁹⁷ Новое известие о времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 61.

Novoe izvestie o vremeni Ivana Groznogo: «Skazanie» Alberta Shlikhtinga. Leningrad, 1934. P. 61.

⁹⁸ Панова Т. Дети средневековья: Мария – дочь князя Владимира Старицкого // Наука и жизнь. 2006. № 6. С. 26–27; Никитин С., Панова Т. Портрет Софьи Палеолог // Наука и жизнь. 1998. № 8. С. 82–84.

Panova T. Deti srednevekovya: Mariya – doch knyazya Vladimira Staritskogo // Nauka i zhizn. 2006. No. 6. P. 26–27; *Nikitin S., Panova T.* Portret Sofi Paleolog // Nauka i zhizn. 1998. No. 8. P. 82–84.

⁹⁹ Свадьба князя Володимира Андреевича, 31 мая 1550 г. // Древняя российская вивлиофика. Т. XIII. М., 1790. С. 46.

Svadba knyazya Volodimira Andreevicha, 31 maya 1550 g. // Drevnyaya rossiyskaya vivliofika. Vol. XIII. Moscow, 1790. P. 46.

¹⁰⁰ Свадьба князя Володимира Андреевича, 22 апреля 1555 г. // Древняя российская вивлиофика. Т. XIII. С. 83.

Svadba knyazuza Volodimira Andreevicha, 22 aprelya 1555 g. // Drevnyaya rossiyskaya vivliofika. P. 83.

¹⁰¹ *Бартенев С.Р.* Московский Кремль в старину и теперь. Т. II. М., 1916. С. 237.

Bartenev S.R. Moskovsky Kreml v starinu i teper. Vol. II. Moscow, 1916. P. 237.

¹⁰² Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. М., 1978. С. 191.

Piskarevsky letopisetes // Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. XXXIV. Moscow, 1978. P. 191.

¹⁰³ *Цветаев Д.* Мария Владимировна и Магнус Датский // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. №. 196. С. 63.

Tsvetaev D. Mariya Vladimirovna i Magnus Datsky // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1878. No. 196. P. 63.

¹⁰⁴ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 140.

Skrynnikov R.G. Op. cit. P. 140.

¹⁰⁵ Там же.

Ibidem.

¹⁰⁶ *Толстой Ю.В.* Указ. соч. С. 105.

Tolstoy Yu.V. Op. cit. P. 105.

¹⁰⁷ *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 517.

Forsten G.V. Op. cit. P. 517.

¹⁰⁸ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив... С. 73.

Shcherbachev Yu.N. Datsky arkhiv... P. 73.

¹⁰⁹ Там же. С. 71, 72.

Ibidem. P. 71, 72.

¹¹⁰ Calendar of state papers. Colonial series: East Indies, China and Japan, 1513–1616. Vol. 1. L., 1862. P. 8.

¹¹¹ *Толстой Ю.В.* Указ. соч. С. 110.

Tolstoy Yu.V. Op. cit. P. 110.

¹¹² Там же. С. 116–117.

Ibidem. P. 116–117.

¹¹³ *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 517–524.

Forsten G.V. Op. cit. P. 517–524.

¹¹⁴ *Чумиков А.А.* Указ. соч. С. 52.

Chumikov A.A. Op. cit. P. 52.

¹¹⁵ *Панова Т.* Некрополи Московского Кремля. М., 2003. С. 32.

Panova T. Nekropoli Moskovskogo Kremlya. Moscow, 2003. P. 32.

¹¹⁶ *Толстой Ю.В.* Указ. соч. С. 118–120.

Tolstoy Yu.V. Op. cit. P. 118–120.

¹¹⁷ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Петроград, 1922. С. 55.

Poslanie Ioganna Taube i Jelerta Kruze // Russky istorichesky zhurnal. Vol. 8. Petrograd, 1922. P. 55.

¹¹⁸ *Vaumann W.-R.* The Merchants Adventurers and the Continental Cloth-trade (1560s – 1620s). Berlin; N.Y., 1990. P. 306.

¹¹⁹ The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. III. P. 207–208.

¹²⁰ *Горсей Дж.* Записки о России, XVI – начало XVII в. М., 1991. С. 70.

Gorsev Dzh. Zapiski o Rossii, XVI – nachalo XVII v. Moscow, 1991. P. 70.

Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии: Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. – 573 с.

М.Е. Шушкова

К ИЗУЧЕНИЮ ОПЫТА УПРАВЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНСКИМ КРАЕМ В НАЧАЛЕ XX в.

Средняя Азия всегда привлекала исследователей своей богатой историей и образом жизни ее населения. Долгие годы этот термин – «Средняя Азия» – включал в себя общее название нескольких республик СССР. Если говорить более точно, в Советском Союзе существовал «Среднеазиатский экономический район», в который входили Киргизская, Таджикская, Туркменская и Узбекская ССР (Казахская ССР выделялась в отдельный экономический район, отсюда и пошло выражение «Средняя Азия и Казахстан»). На сегодняшний день – это уже независимые государства, стремящиеся к самоопределению во всех сферах жизни, включая историческую науку.

В последнее время в среднеазиатском регионе наблюдается резкое обострение межнациональных отношений. Причем в основе конфликтов зачастую лежат территориальные претензии республик друг к другу, что заставляет обратиться к истории, в частности к периоду присоединения этих территорий к Российской империи.

В советские годы существовал на этот счет строго определенный, установленный взгляд, выражающийся в утверждении «прогрессивного» значения этого поворота в судьбе Средней Азии. В постсоветскую же эпоху отсутствие необходимости у национальных историков бывших среднеазиатских республик придерживаться концепций, навязанных идеологическим диктатом КПСС, привело к попыткам по-иному взглянуть на историю своих стран.

Наметившаяся тенденция переосмысления последствий присоединения Средней Азии к России способствовала утверждению широкого диапазона употребляемых в этом контексте понятий: от добровольного присоединения Средней Азии к России (или освоения края Россией) до завоевания (или колониального захвата) Средней Азии Россией.

Что этому могут противопоставить современные российские историки, занимающиеся изучением этого региона? Ответ на этот вопрос дает

монография историка Евгения Александровича Глущенко «Россия в Средней Азии: Завоевания и преобразования», вышедшая в свет в 2010 г.

Очевидно, что мотивацией в написании этого труда стало желание автора оградить современных читателей от «перекосов» в интерпретации тех или иных исторических событий, связанных с периодом присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи. При этом он предупреждает читателей, что книга не претендует на исчерпывающий анализ и описание событий названного времени – речь пойдет только о наиболее значимых из них (с. 11).

С момента завоевания Средней Азии этот вопрос трактовался по-разному. Изначально перед исследователями этого края была поставлена задача объяснения необходимости цивилизаторской миссии России по отношению к покоренным народам. Советские историки в 1920–1930-е гг. политику Российской империи в Средней Азии, анализируя ее на «методологической основе» марксистско-ленинской идеологии, квалифицировали как колониальную. В годы Великой отечественной войны тематика национально-освободительных движений на территории Средней Азии вышла на первое место. В 1960-е гг. приоритетным стал тезис о «добровольном» присоединении народов Средней Азии к России. Вплоть до конца 1980-х гг. идея прогрессивных последствий присоединения Средней Азии продолжала утверждаться на страницах исторических исследований.

Распад СССР и образование независимых государств привели к необходимости изменения подходов и формированию новых приоритетов в области исторической науки, как со стороны российских ученых, так и историков среднеазиатского региона. Многие события и явления приобрели другую оценку, включая и присоединение Средней Азии к России. В работах российских ученых анализируется не только процесс завоевания Туркестана, но и различные аспекты его последствий. В частности, большое значение придается административному управлению Российской империи на этих территориях. Особое внимание исследователями уделяется исламскому фактору, изучение которого позволяет увидеть многие истоки современных конфликтов в среднеазиатском регионе.

С точки зрения национальных историков, государственность среднеазиатских республик долгие годы характеризовалась вскользь, как констатация самого факта существования того или иного государства, без рассмотрения генезиса, эволюции и развития государств, без конкретной характеристики их институтов. В связи с этим возникла необходимость в формировании и развитии собственной историографии, в новом концептуальном ключе, основанном на критическом подходе. Анализируя «колониальную» политику российской власти в Туркестанском генерал-губернаторстве, историки среднеазиатского региона приходят к выводу, что российская власть игнорировала интересы народов Туркестана, заботясь лишь о его превращении в главного поставщика хлопка для российской текстильной промышленности.

На сегодняшнем этапе, особо отмечает Е.А. Глущенко, публикации своих исследований учеными среднеазиатского региона исключительно на родном языке лишает возможности российских историков серьезного изучения современных подходов к истории независимых среднеазиатских республик. К тому же все меньше и меньше работ посвящено в целом среднеазиатскому региону: предпочтение отдается исследованиям, касающимся внутренних экономических, социальных и политических проблемам, в первую очередь – их отношениям с другими странами, а не только с Россией.

В целом, с одной стороны, Россию обвиняют в насильственном присоединении Туркестана и считают, что утверждение Российской империи в регионе нанесло огромный ущерб экономике края, его самобытной культуре. С другой стороны, никто не мог и не сможет опровергнуть того взгляда, что завоевание и присоединение этого края к России открыли широкий простор для его стабильного экономического и культурного развития. Об этом, в частности, пишет Р.М. Масов, директор Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан («Россия в исторических судьбах таджикского народа». Душанбе, 1998. С. 3).

В этих условиях большим достоинством монографического исследования Е.А. Глущенко является то, что он предоставляет читателю возможность еще раз взглянуть на завоевание Средней Азии и преобразования в ней, причем с разных точек зрения, глазами самых разных людей. Автор раскрывает широкую панораму событий, связанных с освоением Туркестанского края, позволяя тем самым проникнуть в менталитет и психологическое состояние тех, кому довелось стать активными участниками этого процесса.

Для решения заявленных задач автор использовал огромный массив источников. В первую очередь, он опирался на мемуарную литературу и статистические данные, которые позволили лучше понять экономическое развитие края. Документы из личных архивов, а также делопроизводственные документы дали много фактического материала о взаимоотношении русской администрации с местным населением.

Совершенно логично, в соответствии с поставленными задачами, структурирован весь материал в книге.

Первая часть, охватывающая период от взятия Ташкента (1865 г.) до штурма Геок-Тепе (1881 г.) русскими войсками под командованием генерала М.Д. Скобелева (1881 г.), раскрывает процесс присоединения среднеазиатских земель. Автор подробно характеризует предшествующий этому подготовительный этап, представляющий собой «период разведывательных экспедиций, дипломатических переговоров, случайных военных походов против того или иного города, той или иной среднеазиатской крепости» (с. 69).

Дискуссионный вопрос о необходимости продвижения в глубь Средней Азии Е.А. Глущенко обосновывает с позиции российско-британского соперничества, что было характерно для советской историографии. Автор отмечает, что экспансия в Среднюю Азию, развитие экономических связей с другими странами Востока, с точки зрения правящих кругов России, давали возможность восстановить пошатнувшийся военно-политический престиж и создать предпосылки для активного противодействия основному сопернику – Великобритании (с. 64). Вместе с тем, не оставлен без внимания и экономический аспект завоевания этого края. Отмечается, что тем самым удалось устранить иностранную конкуренцию товарам российской промышленности. Русским торговцам были предоставлены монопольные права, а промышленность России получила регион производства ценнейшего сырья – хлопководства (с. 556).

Автор, используя разнообразные источники, передает атмосферу противоборства враждующих группировок в боях за Ташкент, Самарканд, в походах на Хиву и Кокандское ханство. Перед читателями разворачивается борьба различных точек зрения в правительстве Александра II, в его ближайшем окружении по вопросу о среднеазиатских территориях. Е.А. Глущенко заключает: «Создается впечатление, будто существовал своего рода молчаливый сговор императора и военного министра против министра иностранных дел. Судя по всему, взгляды Александра II и Д.А. Милютин на колониальную экспансию совпадали, но противоречили взглядам А.М. Горчакова на тот же предмет» (с. 93).

В книге представлены многие военные и политические деятели, принявшие участие в завоевании края, обстоятельно даны их личностные характеристики. Особое внимание автором уделяется генерал-адъютанту К.П. фон Кауфману, ставшему первым Туркестанским генерал-губернатором и немало сделавшим для обустройства Туркестана.

Дав краткую характеристику наиболее значимым событиям периода завоевания среднеазиатских территорий, Глущенко во второй части книги, получившей лаконичное название «Устроение края», переходит к рассмотрению наиболее важных аспектов утверждения российской власти в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Без внимания автора не остается ни одна из сфер жизни вновь образованного генерал-губернаторства. Особое значение придается государственному строительству в Туркестане, крайне важного для национальных окраин Российской империи в начале XX в.

Как показано в книге, российской администрации пришлось столкнуться в Туркестане с непростыми взаимоотношениями в области землепользования, основанными на местных обычаях. Произвести же какую-либо коренную ломку этой своеобразной экономики и веками сложившихся на ее основе отношений, которые не были известны в Европейской России, считалось делом весьма рискованным (с. 380).

Как нам представляется, тема преобразований в водо- и землепользовании является настолько обширной и во многом ключевой, что не может быть ограничена рамками одного параграфа. Ведь процесс освоения Туркестанского края породил огромное множество проблем, связанных с желанием правительства заселить край русскими с целью решения проблемы избытка населения в центральных российских районах и стремлением местной администрации сохранить спокойствие коренного населения. В итоге наплыв русского крестьянского населения в край, где отсутствовали свободные орошаемые земли, со временем вызвали серьезные беспорядки и волнения.

Интересным решением, в рамках монографии, можно считать возможность, предоставленную автором читателям, познакомиться с очерком В.П. Наливкина «Туземцы раньше и теперь», который был написан после революции 1905–1906 гг. Очерк, бесспорно, стал ценным свидетельством о национально-религиозной ситуации в Туркестане, о взаимоотношениях и взаимном восприятии русских и «туземцев», поскольку Наливкин был одним из лучших знатоком истории, жизни и быта Средней Азии.

Вероятно, таким своеобразным способом взяв В.П. Наливкина в «соавторы», Е.А. Глущенко именно его словами высказал свой взгляд на среднеазиатских «туземцев». Между тем, автор очерка высказывался в то послереволюционное время порой слишком категорично, что может явиться в дальнейшем почвой для возникновения ожесточенных дискуссий. Так, в очерке отмечается, что «шариат предъявлял массу крупных и мелочных требований, всестороннее и добросовестное исполнение которых во всей их совокупности оказывалось невозможным... Поэтому общая картина народной духовно-нравственной жизни сарта того времени сводилась к изуверству и фарисейству, с одной стороны, и к принижению, забитости, криводушью и лживости – с другой» (с. 490–491).

В целом тема мусульманства, пронизывающая всю сферу общественной и духовной жизни коренного населения Туркестана, раскрыта Е.А. Глущенко с позиции столпов российской государственности С.Ю. Витте, Д.С. Синягина, Д.А. Милютин, П.А. Столыпина, а также менее знаменитых деятелей имперской России (с. 428–429). Основной вывод, который делается автором, подводит читателей к мысли о том, что за полвека российского присутствия в Туркестанском крае отношения между российской властью и мусульманским духовенством оставались напряженно-подозрительными с обеих сторон, что и понятно, поскольку русские подорвали престиж и привилегированные позиции мусульманского духовенства. В связи с этим еще раз указано на несостоятельность распространяемого в советской историографии положения о «тесном сотрудничестве царизма с реакционными мусульманскими священнослужителями вкупе с байской верхушкой в деле угнетения и порабощения широких мусульманских масс» (с. 520).

Завершается монография последовательным изложением событий, вылившихся в протесты местного населения против российской власти. Акцент сделан на самом широкомасштабном восстании 1916 г., ставшим прелюдией Гражданской войны 1917–1922 гг. В преддверии 50-летнего юбилея Туркестанского генерал-губернаторства краевые власти столкнулись с беспрецедентным возмущением коренного населения. Вместо того чтобы готовить юбилейные торжества и застольные речи, администрации пришлось вести военные действия почти по всей территории края (с. 541).

В заключении автором дается оценка завоеванию и последующим преобразованиям на территории Средней Азии. Е.А. Глущенко указывает, что Туркестан был присоединен к империи в основном силой оружия, во время сражений жестокость была проявлена с обеих сторон, но утверждать, настойчиво повторяя написанное, как это делают многие нынешние историки среднеазиатских государств, будто в Русском Туркестане был установлен «жестокый колониальный режим», неправомерно. Как «жестокие колонизаторы» русские заметно уступали британцам, французам и немцам. Почти каждый год в крае появлялись новые предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья, возникали новые города, разрабатывались недавно обнаруженные запасы минералов, бурно шло железнодорожное строительство, которое стимулировало другие отрасли экономики. Российские чиновники, предприниматели, военные, врачи, учителя, инженеры, ученые, хотя и были чужеземцами, открыли перед регионом, задержавшимся в средневековье, новые разнообразные возможности (с. 557). И это утверждение опровергает концепцию национальных историков среднеазиатских государств об исключительно негативных последствиях присоединения Туркестана к Российской империи.

Таким образом, монография Е.А. Глущенко помогает многое прояснить в противоречиях, которые пронизывали взаимоотношения российского правительства и населения этой национальной окраины, уяснить истоки многих этнических и территориальных противоречий в этом регионе, отголоски которых прослеживаются и в сегодняшних политических взаимоотношения бывших республик Средней Азии. Наконец, у читателей появилась возможность еще раз познакомиться с тем непростым периодом, который оказался последним для Российской империи, но на этот раз – с позиции ее взаимоотношений с национальными окраинами.

Конечно, книга Глущенко не исчерпывает эту сложную и многогранную тему. Некоторые сюжеты в ней лишь обозначены, некоторые пропущены вообще, что в отдельных случаях объясняется труднодоступностью материалов из архивов независимых республик, а также скудостью российских библиотек. Тем не менее, учитывая, что среднеазиатские историки оценивают в ином ракурсе многие достижения Туркестана в области экономики, просвещения и культуры в тот период, следует стремиться и в дальнейшем делать такие работы на высоком, «фундаментальном» уровне, стремясь к более глубокому и объективному исследованию на основе новых документов, новых сюжетов, новых идей.

Кикнадзе В.Г. Невидимый фронт войны на море: Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – 552 с.

В современной России не угасает интерес к истории советских спецслужб. Что неудивительно, ибо ранее на такие сюжеты было наложено табу. При этом, как ни странно, в историографии долгое время отсутствовало специальное исследование организационного развития и деятельности морской радиоэлектронной разведки. Заполнила эту историографическую нишу книга видного специалиста по истории спецслужб, кандидата военных наук, капитана II ранга Владимира Георгиевича Кикнадзе.

Исследование Кикнадзе, посвященное «людям интеллектуального труда на благо Отечества» и вышедшее уже вторым изданием, в развитие первого, 2010 г., своевременно не только в научном, но и в политическом плане. Обращает на себя внимание авторитетное мнение автора: хотя развитие морской разведки относится к приоритетным направлениям военно-морской политики России, береговая система наблюдения российских ВМФ сегодня уже не контролирует прибрежную зону, а средства обнаружения подводных лодок, разработанные в основном в 1960–1970-х гг., не обеспечивают надежного контроля за подводной обстановкой.

Источниковая база книги весьма обширна: автором был выявлен и тщательно проанализирован значительный комплекс неопубликованных материалов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, Российском государственном военном архиве, Центральном военно-морском архиве, Объединенной библиотеке штаба Балтийского флота, Архиве военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В книге прежде всего освещено развитие радиоразведки русского флота в начале XX в.: ее внедрение и боевое применение в ходе Русско-японской войны, развертывание системы берегового наблюдения и связи на флотах в 1906–1914 гг., создание первых подразделений радиоразведки флота и их деятельность в ходе Первой мировой войны, взаимодействие в этой области с союзниками по Антанте.

Далее освещено развитие морской радиоразведки между двумя мировыми войнами: ведение радиоразведки силами и средствами приморских группировок войск в ходе Гражданской войны, развитие радиоразведки в период восстановления флота в 1922–1939 гг., создание первых частей радиоразведки советского РККФ в 1925–1927 гг., роль радиоразведки в освещении обстановки на морских театрах и приморских направлениях накануне Второй мировой войны.

Особую ценность исследованию Кикнадзе придает раскрытие малоизвестных аспектов судьбы радиоэлектронной разведки, связанных

с организацией аппарата управления РККА в годы Гражданской войны. В частности, автором была изучена судьба Приемо-контрольной радиостанции в составе Регистрационного управления Полевого штаба РВСР в контексте создания новой генерации сотрудников большевистских спецслужб. Этот сюжет неразрывно связан с деятельностью Курсов разведки и военного контроля (с. 112–113), которые их создатель – генштабист Г.И. Теодори – с гордостью называл «уникальными в Европе». Общеизвестные сюжеты переплетаются с малоизвестными страницами истории морской радиоразведки, успехи которой, к примеру, в 1918 г. позволили освободить пленных красноармейцев в районе Гальяны на Каме. Или в 1922 г. полностью вскрыть систему построения позывных корабельных и судовых радиостанций иностранных государств.

К сожалению, рассматривая события 1921 г. (мятеж в Кронштадте и сокращение личного состава РККФ), автор уделит явно недостаточное внимание судьбе собственно морской радиоразведки. Между тем сведения о ней можно найти в фондах РГВА.

Значительную часть книги занимает анализ развития и деятельности морской радиоэлектронной разведки в годы Великой Отечественной войны. Впрочем, с учетом многочисленных публикаций автора (с. 530–535), эта глава могла бы быть значительно более содержательной.

В отдельной главе проведен сравнительный анализ развития радиоэлектронной разведки ВМС иностранных государств (Англии, Италии, Франции, США, Германии, Австро-Венгрии и Швеции) в годы Первой мировой войны. Более подробно, с привлечением оригинальной зарубежной литературы и архивных документов раскрыты вопросы организации и боевого применения радиоразведки ВМФ Германии и Великобритании во Второй мировой войне, развития и функционирования разведки связи и криптоанализа США в 1924–1945 гг., а также в ходе войны в Корее 1950–1953 гг.

Есть уверенность, что книга Кикнадзе будет полезна всем, кому не безразлична не только история отечественных спецслужб, но и современная военно-политическая реальность.

С.С. Войтиков

Котюков К.Л. Роковое разделение: Русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2012. – 192 с.

К.М. Александров

НОВАЯ КНИГА О РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

История русской военной эмиграции остается одной из самых востребованных тем в отечественном эмигрантоведении¹. Поэтому публикация новых исследований по этой проблематике становится историографическим событием. Особенно если их авторы позиционируют себя в качестве активно изучающих столь сложную тему специалистов, владеющих прежде неизвестным фактическим материалом.

В этой связи нельзя не отметить защиту в 2010 г. в Институте российской истории РАН кандидатской диссертации К.Л. Котюкова «Русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях СССР и Югославии». Ее следовало бы назвать знаковым событием, учитывая сложность и остроту проблематики, особую актуальность ее изучения сегодня.

Из содержания автореферата² следует, что изданная книга в основном повторяет текст защищенной диссертации. И поскольку ни научный руководитель (профессор Г.А. Куманев), ни оппоненты (профессор Б.Г. Путилин и канд. ист. наук Ю.А. Никифоров) этой тематикой непосредственно не занимались, отнесемся к рецензированию книги с позиции не просто заинтересованного специалиста, а добросовестного и принципиального оппонента на защите диссертации.

Книга «Роковое разделение...», если судить по полному названию, посвящена русской военной эмиграции на оккупированных территориях СССР и Югославии. И тут бросается в глаза непродуманность, ошибочность ее названия. Знаатокам этой темы неизвестен факт существования русской военной эмиграции на оккупированных территориях СССР. По ходу повествования выясняется: автор имел ввиду не многотысячную эмиграцию, а лишь несколько сот эмигрантов – чинов многообразных воинских организаций, созданных на чужбине, а именно тех, кто в 1941–1943 гг. в разное время сумели попасть из Европы на Восточный фронт, в тыловые районы армейских групп Вермахта (Operationsgebiet) или на территорию рейхскомиссариатов. Получается, что диссертант и автор книги не представлял себе дефиниций таких ключевых понятий, как «эмиграция» и «эмигрант», не видел между ними принципиальной разницы. На это обстоятельство, к сожалению, не обратил внимания и научный руководитель диссертации, выступивший в качестве научного редактора книги.

Сразу отметим привлекательную сторону книги: написана она неплохим, живым языком, читается легко. И это выгодно отличает ее от многих современных трудов, научное косноязычие которых иногда просто не дает возможности понять, что же хотел сказать автор.

Но, как известно, чем лучше стилистически написан исторический текст, тем яснее видны его недостатки и недоработки чисто научного свойства.

В книге К.Л. Котюкова история русской военной эмиграции «на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии» стала далеко не единственным сюжетом. В ней также описаны происхождение и развитие идеологии русской военной эмиграции в 1920–1930-е гг. (с. 37–57), противостояние и деятельность разных казачьих группировок в Чехословакии, Болгарии, Франции и Германии (с. 92–95), судьбы военнослужащих казачьих формирований в Германии и Италии и их репатриация (с. 110–111), отношения «российской военной эмиграции с власовской “Русской освободительной армией”», а также отдельные эпизоды истории власовского движения и войск КОНР в Германии в 1945 г. (с. 157–183). В итоге содержание примерно 50-ти из 146-ти страниц основного текста не имеет отношения к объекту и предмету исследования. Рассмотрение перечисленных вопросов, второстепенных по отношению к «заглавной» теме, выходит за ее хронологические и территориальные рамки, которые, как слово сказать, так и не были ясно, аргументировано очерчены.

При этом оказался упущен целый ряд важных сюжетов, непосредственно касающихся «заглавной» темы. В их числе: тактическая подготовка и профессиональные качества эмигрантов-военнослужащих, прибывших на Восточный фронт в 1941–1944 гг., впечатления белоэмигрантов от увиденного на родине после двадцатилетнего перерыва, их рассказы и свидетельства о «подсоветских» людях и «встреча двух России» в целом, социальный состав чинов Русского корпуса, частная и общественная жизнь русских военных эмигрантов в оккупированной Югославии в 1941–1944 гг., тактическая подготовка и профессиональные качества корпусников, в первую очередь командного состава, результаты службы чинов корпуса, а также белоэмигрантов из других формирований, сражавшихся на территории Югославии, боевые действия частей и подразделений корпуса, эффективность их боевого применения против войск Красной армии в 1944 г. и другие.

Обзор отечественной историографии (с. 5–30) выглядит весьма ограниченным. Так, применительно к истории Русского общевойскового союза (РОВС) и военной эмиграции 1920-х гг. автор совершенно проигнорировал труды открывателя этой сложной темы – петербургского историка В.Г. Бортневского, который в первой половине 1990-х гг. ввел в научный оборот ряд ценных и уникальных источников³. В новейшей российской историографии публикаций, касающихся истории Русского корпуса, немного, но отмечены и оценены оказались далеко не все из них.

В некоторых случаях в книге приводится лишь название статьи или дается ссылка, но почему-то без указания авторов (с. 90, 173)⁴.

Сборник статей, редких документов и нарративных источников, подготовленный нами к печати в 2004–2005 гг. (Русские солдаты Вермахта. М., 2005.), отмечен в примечании в качестве образца работы, содержащей «необъективную оценку событий», сложившуюся под влиянием субъективных политических взглядов (с. 16). Но ни одного конкретного примера «необъективной оценки» не приведено. В то же время имена и фамилии офицеров-эмигрантов, прибывших в 1942–1944 гг. в казачьи части на оккупированные территории СССР из Европы, опубликованные в этом сборнике, в книге отсутствуют. Мимо внимания автора прошло и новаторское исследование П.Н. Крикунова по истории казачьих формирований, сражавшихся на стороне Вермахта («Казачи между Гитлером и Сталиным: Крестовый поход против большевизма. М., 2005).

После защиты кандидатской диссертации и до издания книги прошло примерно полтора года. За это время в Москве увидел свет единственный в своем роде труд А.Ю. Тимофеева, посвященный участию русских эмигрантов и советских граждан в войне на территории Югославии (Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии. М., 2010). Результаты научных изысканий Тимофеева можно и нужно было использовать. Хотя бы для того, чтобы сделать книгу более интересной, исправить ошибки и восполнить пробелы, но автор проигнорировал эту добротную и оригинальную работу.

Крайне скудно представлена зарубежная историография. Не упомянут ни один югославский или сербский специалист (например, М. Добжич, М. Самарджич, В. Стругар), затронувший в своих работах участие Русского корпуса в вооруженной борьбе на территории Югославии. Не отмечен и важный, богатый фактическим материалом труд офицера-эмигранта А.К. Ленинова (Под казачьим знаменем: Эпопея Казачьего стана под водительством походных атаманов казачьих войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова в 1943–1945 гг. Мюнхен, 1970).

При этом в число зарубежных историков и исследователей оказались включены (с. 26–27, 179) мемуарист А.Г. Алдан (полковник РККА и войск КОНР А.Г. Нерянин), популярный в довоенной Германии прозаик Э.Э. Двингер, популярный в послевоенной Германии журналист Ю. Торвальд (Х. Бонгарц), зондерфюрер С. Штеенберг (А.А. Доллерт), мемуарист капитан Вермахта В.К. Штрик-Штрикфельдт. Заметим попутно, что в воспоминаниях Алдана «Армия обреченных» нет сведений об участии белоэмигрантов в боевых действиях на территории СССР или Югославии, а беллетризованное повествование Дж. Стефана «Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945» посвящено не «участию казаков в рядах немецкой армии» (с. 30), а совсем другим сюжетам.

Некоторым зарубежным работам приписывается отсутствующее в них содержание (с. 27). Так, книги Торвальда и Штеенберга отнюдь не «отличает широкое использование рассекреченных материалов британских архивов»: они написаны на основе совсем других материалов.

Неуместно говорить и о том, что в монографии И. Хоффманна «История власовской армии» «хорошо отображена борьба за власть [в Третьем рейхе] между различными структурами – СС, вермахтом, министерством восточных областей – в особенности там, где это было связано с политикой по отношению к СССР, русской эмиграции, Русскому освободительному движению». На самом деле фамилия рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга упоминается Хоффманном применительно к периферийным сюжетам всего 7 раз, из них 3 раза – в сносках. Монография Хоффманна преимущественно посвящена положению власовцев в Европе на протяжении последних шести месяцев войны. В то время в погоне за властью органы СС ни с кем не конкурировали: они уже добились первенствующего положения в Третьем рейхе. Острая ведомственная борьба в нацистской Германии по поводу восточной политики шла раньше, в 1941–1944 гг. Глубоким и серьезным изучением этой многосторонней проблемы занимались другие зарубежные ученые, в первую очередь А. Даллин, Т. Муллиган, Г. Рейтлингер, чьи фундаментальные монографии в историографическом обзоре даже не названы.

Безосновательно в историографию включены (с. 29–30) очерки по истории НТС А.П. Столыпина (На службе России. Франкфурт-на-Майне, 1986), тем более что Аркадия Петровича трудно назвать «современным автором»: он умер в 1990 г. Кроме того, в рецензируемой книге деятельность НТС на оккупированных территориях СССР вообще не рассматривается. И, кстати, напрасно. Ведь среди его членов, приехавших на оккупированные территории СССР из Европы, были участники Белого движения и русские военные эмигранты – подполковник В.В. Брандт, капитан Е.И. Мамуков, пулеметчик бронепоезда Г.С. Околович и другие. Но их фамилии в книге отсутствуют.

Книга «Роковое разделение...», как следует из аннотации, основана «на глубоком изучении архивных документов». Автор преимущественно использовал фонды Государственного архива РФ (с. 31–32) – 5761 (Общеказачье Объединение в Германской империи, 1939–1945 гг.), 5762 (Канцелярия Казачьего национально-освободительного движения в Праге, 1941–1944 гг.), 5796 (Юго-восточный отдел Объединения Русских Воинских Союзов в Праге, 1939–1945 гг.), 5853 (начальник ОРВС Генерального штаба генерал-майор А.А. фон Лампе, 1938–1945 гг.) и некоторые другие материалы, включая материалы Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) из коллекции РГАСПИ. В нескольких случаях процитированы или даны не аннотированные ссылки на оригинальные и интересные документы (с. 60, 62, 75–77), включая, например, письма генерала от

кавалерии П.Н. Краснова, партизанские отчеты и разведсводки. Но все они освещают лишь частные и второстепенные сюжеты.

В документах перечисленных фондов – в силу их тематической специфики – история русской военной эмиграции в оккупированной Югославии и участия белоэмигрантов в боевых действиях на стороне Вермахта против Красной армии и советских партизан отражена фрагментарно. Кроме того, еще во второй половине 1990-х гг. С.И. Дробязко и Ю.С. Цурганов основательно поработали с их материалами. Поэтому обращение к ним отнюдь не выглядит новаторским, не придает книге новизны. По основному тексту (с. 37–183) сделаны 304 ссылки, из них на архивные документы – 71 (в том числе 31 ссылка – на источники, не имеющие отношения к пребыванию эмигрантов на оккупированных территориях СССР и Югославии).

Утверждение автора о том, что «при разработке темы российского военного зарубежья материалы ГА РФ являются базовыми» (с. 32), далеко от действительности. Основной корпус документов по «заглавной» теме книги хранится в Архиве Гуверовского института Стэнфордского университета в Пало-Альто, Архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, Архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско, Историческом архиве города Шабаца (Сербия), Федеральном Военном архиве Германии во Фрайбурге, Архиве Института Восточной Европы при Бременском университете, Центральном архиве Министерства обороны РФ в Подольске, Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). А в Российском государственном военном архиве его сотрудник И.В. Успенский еще в 1996 г. по материалам разных фондов выявил и подготовил для исследователей в виде тематического комплекта ценные документы по истории военной эмиграции, включая период Второй мировой войны. Неизбежные трудности, возникающие при попытках доступа к материалам, отложившимся в зарубежных и российских архивах, при большом желании вполне преодолимы. В противном случае круг источников оказывается неоправданно узким для полноценного изучения столь сложной и многоаспектной темы.

Кроме второстепенных неопубликованных документов, автор, по его утверждению, использовал «значительное число уже опубликованных источников» (с. 33). Но в своем абсолютном большинстве они относятся к предвоенным 1920–1930-м гг., а не к 1941–1944 гг. И вместе с тем оказался проигнорирован ряд источников, касающихся службы и пребывания русских военных эмигрантов в оккупированных областях СССР и чинов Русского корпуса – в Югославии⁵. Из двух обширных сборников документов и материалов по истории Русского корпуса почему-то использовался преимущественно 2-й том (с. 36), в то время как 1-му, гораздо более ценному в содержательном отношении⁶, не уделено должного внимания.

Остались не востребуемыми уникальнейший справочник С.В. Волкова и П.Н. Стрелянова (Калабухова) и второе (исправленное и дополненное) издание справочника, посвященного генералитету и офицерским кадрам власовской армии⁷.

Особое внимание (с. 90) уделено обличениям «пораженческой» позиции РОВС, содержащимся в известном письме генерал-лейтенанта А.И. Деникина 1946 г. Свое знаменитое послание бывший главнокомандующий ВСЮР адресовал начальнику РОВС генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому. Однако, во-первых, автор книги использовал публикацию *неполной* версии письма Деникина. А во-вторых, почему-то не стал цитировать ответ Архангельского с принципиальными, вескими возражениями на все деникинские обвинения, в том числе касавшиеся драмы Русского корпуса в Сербии⁸.

Станным выглядит перечень периодических изданий, использованных автором при работе над диссертацией и книгой в качестве источника: это «материалы таких газет и журналов как “Часовой”, “Вестник первопоходника”, “Вестник военных знаний”» (с. 34). Во-первых, среди перечисленных изданий нет газет, а только журналы. Во-вторых, «Часовой» перестал выходить по распоряжению германских оккупационных властей в Брюсселе 10 мая 1941 г. и возобновил издание лишь в мае 1947 г. «Вестник первопоходника» издавался в Лос-Анджелесе в 1961–1970 гг., а «Вестник военных знаний» – в Сараево в 1929–1935 гг. Очевидно, что указанные довоенные и послевоенные издания никак не могут относиться к печати периода службы русских эмигрантов на оккупированных территориях СССР и Югославии.

Напротив, на страницах газеты «Парижский вестник» регулярно публиковались многочисленные некрологи и сообщения о смерти белоэмигрантов, павших в боях на Восточном фронте, и умерших от ран в тыловых госпиталях. Но именно этот важный источник остался неиспользованным, равно как и послевоенные периодические издания Союза чинов Русского корпуса и его местных объединений («Корпусник», «Наши вести», «Под Белым крестом» и другие), хотя как раз на их страницах на протяжении десятилетий публиковались многочисленные приказы, объявления, распоряжения, некрологи, мемуары и другие материалы по истории корпуса. В итоге собрание воспоминаний, с которыми познакомился автор в процессе изучения темы, выглядит бедным, а свидетельства современников тех событий – нерепрезентативными.

Таким образом, «архивные документы, как опубликованные, так и извлеченные автором из архивохранилищ, газетные и мемуарные материалы, дополненные фактическими данными из научной литературы» (с. 36), вопреки мнению автора, *не позволяют* «достаточно точно исследовать историю русской военной эмиграции в период Великой Отечественной войны на временно оккупированных территориях СССР и Югославии».

Избранный, «освоенный» круг источников и литературы оказался до странности узким.

Увы, неизбежным результатом этой узости стали фактические ошибки, поверхностное изложение материала и необоснованные выводы.

Книга «Роковое разделение...» содержит некоторые новые факты, связанные с деятельностью в годы войны генералов Е.И. Балабина, П.Н. Краснова и других эмигрантов (с. 60–61, 66, 94–95, 168, 180–181). Интересны приведенные сведения из партизанских донесений (с. 76–79, 82). Однако они не проанализированы как источник, не сопоставлены хотя бы с немецкими документами.

Так, в дневнике № 3 (1 июля – 31 декабря 1942 г.) командующего генерала охранных войск и тылом группы армий «Центр» М. фон Шенкендорфа, который хранится в фондах ГАНИСО, педантично, по дням и неделям, фиксировались события короткой истории Русской национальной народной армии (РННА), включая факты боевого использования ее подразделений и перехода «народников» на сторону партизан. Сопоставление партизанских донесений с дневниковыми записями Шенкендорфа позволяет утверждать: партизанские командиры в своих донесениях приукрашивали действительность, преувеличивали степень своего влияния на бойцов РННА, поторопились объявить о разложении «народников». А это ставит под сомнение версию событий, изложенную в «Роковом разделии...»

Основной фактический материал, приведенный в книге, позаимствован из работ разных исследователей: К.М. Александрова (автора настоящей рецензии), В.И. Голдина, С.И. Дробязко, И. Хоффманна, Ю.С. Цурганова и других. Деятельность в Берлине Генерального штаба генерал-майора А.А. фон Лампе, история русского подразделения при 9-й армии Вермахта, служба в Абвере полковника Б.А. Смысловского, участие полковника К.Г. Кромиади и других эмигрантов в формировании РННА в 1942 г., история Боевого союза русских националистов (БСРН) и «Дружины», служба эмигрантов в Валлонском легионе, в казачьих формированиях Вермахта, в Русском Корпусе, в частях власовской армии – в том виде, в котором они описаны в книге – неоднократно освещались за последние двадцать лет и хорошо известны. Поэтому, повторимся, в целом книга новизной не отличается.

Зайствованные факты сопровождаются ссылками на использованную литературу. Однако и литература, и периодика читались автором не слишком внимательно.

Так, в 1939 г. в Брюсселе не мог выйти из печати журнал «Часовой» № 2 (с. 51), ибо № 1/2 увидел свет в 1929 г. в Париже. В качестве подтверждения факта встречи в 1943 г. между генерал-майором Х. фон Паннвицем и В.Г. Глазковым дана ссылка на одну из книг рецензента (с. 103). Однако на странице, указанной в ссылке, нет не только подтверждения приведенного факта, но и фамилия Глазкова не упоминается.

Многие тезисы и сведения, содержащиеся в книге, не выдерживают критики. Например, автор ошибается в оценках численности первой «волны» российской эмиграции, определяя ее в 2,5 млн. человек (с. 37). Наиболее реалистичная цифра российских эмигрантов 1917–1922 гг., по результатам зарубежных статистических исследований, составила примерно 900 тыс. человек, за исключением представителей русских нацменьшинств в государствах-лимитрофах⁹. Войска Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля в 1920–1921 гг. не эвакуировались в Тунис (с. 39). Русская военная диаспора, если иметь в виду в первую очередь армию, а затем РОВС, вопреки мнению автора (с. 40), не разделяла реставраторской программы¹⁰. Б.А. Смысловский не был графом (с. 67). Генерального штаба полковник (а не подполковник) Е.Э. Месснер не возглавлял штаб «Зеленой армии» Смысловского (с. 71), а занимал в нем должность начальника отдела пропаганды. Весной 1942 г. майор (а не полковник) граф К.Ш. фон Штауффенберг не имел отношения к созданию РННА в тылу группы армий «Центр» (с. 73).

Серьезная ошибка, на наш взгляд, допущена при определении значения службы русских военных эмигрантов на стороне противника в 1941–1945 гг. С точки зрения автора, и их удельный вес, и их общая численность (около 20 тыс.) были «крайне незначительными» (с. 91). Вопрос этот – важный и принципиальный. Во-первых, речь идет о цифре, эквивалентной численности полутора–двух (!) дивизий. Какая еще национальная диаспора в годы Второй мировой войны провела такую мобилизацию?.. Во-вторых, автор использовал сомнительные критерии для своих расчетов. Незначительны – по сравнению с чем?.. С населением Германии или СССР?.. Здесь, по нашему убеждению, необходимо использовать относительные, а не абсолютные показатели.

В конце 1930-х гг. в Европе насчитывалось примерно 360 тыс. русских эмигрантов¹¹. При обычном «напряжении людьми» во время войны в 3–5 % от общей численности людских ресурсов, эмигранты могли мобилизовать для участия в боевых действиях, с учетом погрешностей, примерно 10–20 тыс. человек. Таким образом, вопреки сделанному выводу, реальная ситуация сложилась совершенно противоположным образом: военные усилия антибольшевистской эмиграции оказались близки к превышению максимума – и сверхзначительны.

Автор утверждает, что в годы войны русская военная эмиграция «не смогла распространить идеологию Белого движения ни на массы советских военнопленных, ни на население временно оккупированных немцами территорий СССР» (с. 91). Однако прежде чем постулировать подобные тезисы, следовало бы изучить вопрос о *реальных возможностях*. Существовали ли у русских эмигрантов широкие возможности и благоприятные условия для того, чтобы «распространить идеологию Белого движения» среди советского населения или военнопленных, если нацисты

запретили им въезд на оккупированные территории СССР, а контакты с «подсоветскими» людьми оказались минимальны?.. Очевидно, что таких возможностей практически не было.

Не стоит искать противоречия (с. 117) между стремлением русских эмигрантов в Сербии летом–осенью 1941 г. защититься от партизанского террора и настойчивыми требованиями генерал-майора М.Ф. Скородумова об отправке Русского корпуса на Восточный фронт. Здесь нет никакого противоречия: в приказе № 1 Скородумова ясно говорится сначала о борьбе против местных партизан, а затем уже об отправке корпуса на Восточный фронт.

Некоторые утверждения вызывают одно лишь недоумение. Например, такое: «Молодые офицеры [Для частей Корпуса. – К.А.] комплектовались в “Первом имени вел. Кн. Константина Константиновича кадетском корпусе” под началом генерала Воскресенского и несколько рот юнкеров» (с. 124). Во-первых, как *офицеры* могут комплектоваться?.. Комплектоваться может часть, подразделение, учебное заведение, но никак не офицер. Во-вторых, что делали несколько рот *юнкеров* в Княжеконстантиновском *кадетском* корпусе? И почему кадеты были у них под началом? В-третьих, кадетский корпус не выпускал «молодых офицеров». В-четвертых, бессменным директором корпуса с 1936 г. состоял генерал-майор А.Г. Попов, а не мифический «генерал Воскресенский»¹².

Версия о том, что в сентябре 1941 г. корпусники – чины РОВС – положительно восприняли смещение генерал-майора М.Ф. Скородумова с должности командира корпуса и его замещение генерал-майором Б.А. Штейфеном (с. 127), некритично заимствована из монографии В.И. Голдина¹³. На самом деле Штейфон был исключен из РОВС еще в 1926 г. за участие в деятельности монархических организаций, а его легитимистские взгляды не отличались от взглядов Скородумова. Более того, Штейфон был креатурой и ближайшим соратником Скородумова, составлявшим по его приказу летом 1941 г. штаты для формирования 5-тысячной русской дивизии. Поэтому чины РОВС никак не могли симпатизировать замене одного командира-легитимиста – другим.

Из монографии Голдина в книгу перекочевал еще один спорный тезис (с. 151): чины Русского корпуса «оставляли после себя пожары, руины, слезы и горе мирных жителей Югославии». Однако никаких аргументов, подтверждающих это «краснословное» утверждение, не приводят ни Голдин, ни автор книги. Напротив, признаются факты спасения корпусниками сербских беженцев от террора усташей (с. 152).

Противоречиво выглядит в книге характеристика личного состава Русского корпуса. На одной странице (с. 126) сообщается, что в корпусе служили 314 бывших советских военнослужащих, а на другой (с. 152) – 5 тыс. советских граждан. За «советских граждан» оказались

приняты военнослужащие 4-го и 5-го полков, набранные преимущественно из представителей русского нацменьшинства в Королевской Румынии.

Привлекает внимание следующий вывод (с. 156): «Корпус не стал серьезным центром притяжения эмигрантских сил (его численность – 17 тыс. человек – составляла незначительный процент от общего количества эмигрантов)». На этом основании автор приходит к заключению об отрицательных результатах создания и действий Русского корпуса.

И здесь очевидна сомнительность методов, использовавшихся автором при изучении темы. Нельзя соотносить *суммарную численность* чинов корпуса – из них более трети вообще не были эмигрантами – с *общей численностью* русской эмиграции в Европе, тем более в мире. По решению германских властей набор добровольцев в ряды корпуса мог производиться *только* на Балканах, а позднее – среди русского нацменьшинства в Румынии. Поэтому суммарную численность эмигрантов, прошедших через ряды корпуса, корректно соотносить лишь с численностью эмигрантских диаспор тех европейских стран, на территории которых производился санкционированный набор. Из Сербии и Хорватии в корпус вступили 3 470 человек (13 % от численности русской эмиграции в Югославии), из Болгарии – 1 961 (11 % от численности русской эмиграции в этой балканской стране). Из союзной Венгрии в корпус прибыли 288 человек (7 % от численности русской эмиграции в этой стране)¹⁴. При этом нормальное «напряжение людьми» в военное время, как мы указывали выше, составляло 3–5 %.

Таким образом, вопреки авторскому тезису, Русский корпус все-таки стал «серьезным центром притяжения эмигрантских сил» на Балканах, а эмигрантские колонии в Югославии и Болгарии дали *не одну, а две-три* жертвенных мобилизации, что представляется очень высоким показателем. Нельзя согласиться и с голословным тезисом (с. 157) о «недостаточно высоких воинских качествах» корпусников, так как эффективность боевого применения, оперативного использования частей и подразделений корпуса автором не рассмотрена.

Некорректно отнесся автор и к биографиям некоторых упомянутых персонажей. Например, инициал руководителя организации «Збор» Лютича – Д. (Дмитрие), а не Л. (с. 118, 134), полковника Гескета – Б. (Борис), а не Т. (с. 149). Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н. Головин никак не мог незадолго до своей кончины разработать «Устав внутренней службы» ВС КОНР (с. 167), так как скончался в ночь на 10 января 1944 г. в Париже, а формирование войск КОНР началось лишь в октябре–ноябре 1944 г. в Германии.

Нашелся в книге и случай странной мистификации. Автор описывает приход добровольцев в корпус: «Лишь около 10 % от общего числа добровольцев составляли юноши-эмигранты, выросшие на чужбине <...> менее 1 % от общего количества эмигрантской молодежи, что наглядно

демонстрирует тот факт, что идеи “политического активизма” не получили в эмигрантской среде такого значительного распространения, как это пытались представить лидеры РОВСа и зарубежного Белого движения» (с. 126).

Во-первых, опять возникает вопрос: когда и кем установлено общее количество эмигрантской молодежи в Сербии осенью 1941 г., чтобы оценить количество молодых добровольцев-корпусников в 1 % от ее численности? Во-вторых, в подтверждение правильности своих расчетов автор ссылается на статистические сведения, якобы опубликованные на странице 38-й солидного тома «Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.» (Нью-Йорк, 1963). Однако на странице 38-й этого издания опубликованы окончание приказа № 1 генерала Скородумова и список первых командиров корпусных подразделений, назначенных 26 сентября 1941 г., – никаких сведений о численности и процентах эмигрантской молодежи в Сербии там нет.

Общие выводы автора (с. 184–191) зачастую вторичны, спорны и мало обоснованы.

Голословным выглядит утверждение, что генерал Деникин и его единомышленники («оборонцы») во время войны перестали относиться к русской военной эмиграции.

Перечень вооруженных формирований, созданных в 1941–1945 гг. при участии белоэмигрантов (с. 187), не носит новизны: он установлен еще четверть века назад Хоффманном и другими учеными.

Утверждение о том, что «количество коллаборационистов и прочих изменников Родины составило лишь ничтожную часть от всего советского народа» (с. 188), требует, на наш взгляд, авторских пояснений. Кого именно автор считает «коллаборационистами и изменниками»? Как определяет их совокупное число? Почему сравнивает его с численностью «всего советского народа»? Ведь в 1941–1945 гг. в оккупации, в плену или на принудительных работах в Третьем рейхе находилась меньшая часть населения СССР.

Подводя итоги, отметим особо: книга написана вполне в традиционном для советских времен духе. Стремление к обличению «изменников и коллаборационистов» превалирует над попытками понять трагедию десятков тысяч русских военных эмигрантов-антибольшевиков, которые Восточный фронт Второй мировой воспринимали не как «поход» за «завоевание жизненного пространства», а как «поход» против антинародного сталинского режима, за освобождение России от большевизма, как продолжение Гражданской войны, как реванш за поражение в ней.

Кстати, среди них было много героев Первой мировой войны: С.К. Бородин, Б.С. Гескет, Э.К. фон Деллингсхаузен, П.Н. Краснов, А.А. фон Лампе, М.Ф. Скородумов, А.В. Туркул, А.Н. Черепов, С.К. Шебалин, Б.А. Штейфон и другие. Сейчас, в связи с приближением 100-летних

годовщин тех событий, изрядно подзабытых, Первую мировую стали «поднимать на щит» и официально-патриотически, и историко-научно. Так спрашивается: тогдашние подвиги «изменников и коллаборационистов» должны быть вычеркнуты из нашей истории, как не раз и многое что уже вычеркивалось?

Новую попытку привлечь внимание исторического сообщества, всех интересующихся многострадальной российской историей к одной из самых сложных и драматических страниц прошлого антибольшевистской эмиграции нельзя не приветствовать. Но признать ее удачной и удавшейся мы не можем. Остается выразить надежду, что высказанные нами «замечания оппонента» помогут К.Л. Котюкову, как ритуально говорить на защитах, «при дальнейшей работе» серьезно переработать, исправить и дополнить текст кандидатской диссертации. И дальше разрабатывать эту тему, вводить в научный оборот новые архивные документы, на их основе написать более глубокое, всестороннее и объективное исследование – наше искреннее пожелание автору.

Примечания

¹ *Александров К.М.* Русская военная эмиграция в 1930–1955 годах: достигнутые результаты и перспективы изучения // Нансеновские чтения 2010. СПб., 2012. С. 27–52.

Aleksandrov K.M. Russkaya voennaya emigratsiya v 1930–1955 godakh: dostignutyte rezultaty i perspektivy izucheniya // Nansenovskie chteniya 2010. St. Petersburg, 2012. P. 27–52.

² *Котюков К.Л.* Российская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях СССР и Югославии: Автореферат дисс.... канд. ист. наук. М., 2010.

Kotyukov K.L. Rossiyskaya voennaya emigratsiya v period Velikoy Otechestvennoy voyny na okkupirovannykh territoriyakh SSSR i Yugoslavii: Avtoreferat diss.... kand. ist. nauk. Moscow, 2010.

³ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996; *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб., 1999. С. 10–20.

Bortnevsky V.G. Zagadka smerti generala Vrangelya: Neizvestnye materialy po istorii russkoy emigratsii 1920-kh godov. St. Petersburg, 1996; *Bortnevsky V.G.* Izbrannye trudy. St. Petersburg, 1999. P. 10–20.

⁴ *Гетманенко О.Д., Юшко А.А.* Черная белая гвардия (О судьбе белогвардейцев-эмигрантов) // Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 47–48; *Александров К.М.* Комментарии к воспоминаниям Я.А. Трушновича // Новый Часовой. 1994. № 2. С. 149–150, 157; *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 111–123.

Getmanenko O.D., Yushko A.A. Chernaya belaya gvardiya (O sudbe belogvardeytsev-emigrantov) // Voенno-istoricheskiy zhurnal. № 11. P. 47–48; *Aleksandrov K.M.* Kommentarii k vospominaniyam Ya.A. Trushnovicha // Novyy Chasovoy. 1994. No. 2. P. 149–150, 157; *Tsurganov Yu.S.* Neudavshiy revansh: Belaya emigratsiya vo Vtoroy mirovoy voyne. Moscow, 2001. P. 111–123.

⁵ *Бутков П.Н.* За Россию: Русские «белые» в борьбе против русских «красных», сталинского террора, нацизма и коммунизма (1917–1994). СПб., 2001; *Верные долгу, 1941–1961.*

Найяк, 1961; На оккупированных территориях: Из писем белых эмигрантов, служивших в частях Вермахта на Восточном фронте, а также работавших в органах самоуправления // Александров К.М. Русские солдаты Вермахта: Герои или предатели: Сборник статей и материалов. М., 2005. С. 512–534; *Февр Н.* Солнце восходит на Западе. Буэнос-Айрес, 1950; Хронологическая памятка боевой истории 2-го полка Русского Охранного Корпуса. Валенсия, 1958; и др.

Butkov P.N. Za Rossiyu: Russkie «belye» v borbe protiv russkikh «krasnykh», stalinskogo terrora, natsizma i kommunizma (1917–1994). St. Petersburg, 2001; *Vernye dolgu, 1941–1961.* Nyack, 1961; *Na okkupirovannykh territoriyakh: Iz pisem belykh emigrantov, sluzhivshikh v chastyakh Vermakhta na Vostochnom fronte, a takzhe rabotavshikh v organakh samoupravleniya // Aleksandrov K.M.* Russkie soldaty Vermakhta: Geroi ili predateli: Sbornik statey i materialov. Moscow, 2005. P. 512–534; *Fevr N.* Solntse voskhodit na Zapade. Buenos Aires, 1950; *Khronologicheskaya pamyatka boevoy istorii 2-go polka Russkogo Okhrannogo Korpusa.* Valencia, 1958; etc.

⁶ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963.

Russky Korpus na Balkanakh vo vremya II Velikoy voyny 1941–1945 gg.: Istoricheskiy ocherk i sbornik vospominaniy soratnikov. N.Y., 1963.

⁷ *Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945. М., 2009.

Volkov S.V., Strelyanov (Kalabukhov) P.N. Chiny Russkogo Korpusa: Biograficheskiy spravochnik v fotografiyakh. Moscow, 2009; *Aleksandrov K.M.* Ofitserkiy korpus armii general-leytenanta A.A. Vlasova, 1944–1945. Moscow, 2009.

⁸ *Александров К.М.* Судьбы русского офицерства в изгнании во время Второй мировой войны: Переписка 1946 г. между генерал-лейтенантами А.И. Деникиным и А.П. Архангельским // Новый Часовой. 2006. № 17–18. С. 203–218.

Aleksandrov K.M. Sudby russkogo ofitserstva v izgnanii vo vremya Vtoroy mirovoy voyny: Perepiska 1946 g. mezhdru general-leytenantami A.I. Denikinym i A.P. Arkhangel'skim // Novyy Chasovoy. 2006. No. 17–18. P. 203–218.

⁹ *Поремский В.Д.* Политическая миссия российской эмиграции: Доклад на расширенном редакционном совещании «Посева» 12 сентября 1954 года. Франкфурт-на-Майне, 1954. С. 4–5.

Porem'skiy V.D. Politicheskaya missiya rossiyskoy emigratsii: Doklad na rasshirennom redaktsionnom soveshchaniy «Poseva» 12 sentyabrya 1954 goda. Frankfort on the Main, 1954. P. 4–5.

¹⁰ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля... С. 20, 31–32, 104–105, 108.

Bortnevsky V.G. Zagadka smerti generala Vrangelya... P. 20, 31–32, 104–105, 108.

¹¹ *Поремский В.Д.* Указ. соч. С. 2–4.

Porem'skiy V.D. Op. cit. P. 2–4.

¹² Кадетские корпуса за рубежом, 1920–1945. Монреаль, [б. г.]. С. 411–412, 415–416, 492.

Kadetskie korpusa za rubezhom, 1920–1945. Montreal, [w. d.]. P. 411–412, 415–416, 492.

¹³ *Голдин В.И.* Роковой выбор: Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005. С. 222.

Goldin V.I. Rokovoy vybor: Russkoe voенnoe Zarubezhe v gody Vtoroy mirovoy voyny. Arkhangel'skiy; Murmansk, 2005. P. 222.

¹⁴ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны... С. 405.

Russky Korpus na Balkanakh vo vremya II Velikoy voyny... P. 405.

СОДЕРЖАНИЕ, АВТОРЫ, АННОТАЦИИ

Статьи

Асташов А.Б. Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны 6

Асташов Александр Борисович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России нового времени Историко-архивного института РГГУ
astashsh@yandex.ru

В статье на документах Российского государственного военно-исторического архива и специальной медицинской литературы рассматриваются членовредительство и симуляция болезней в русской армии в годы Первой мировой войны. Основное внимание уделяется масштабу, формам проявления, развитию и борьбе с этими нарушениями воинской дисциплины. Делается вывод о неспособности командования, военной юстиции и военной медицины справиться с этими способами массового уклонения от воинской службы, что было вызвано слабой материально-технической базой врачебной экспертизы, нехваткой правовых и организационных средств.

Первая мировая война, русская армия, военнослужащие, военная дисциплина, членовредительство, симуляция болезней, военная юстиция, военная медицина

Кириллова Е.А. «Всех уволить немедленно»: опанты на советской службе (из истории коммунального хозяйства Петрограда начала 1920-х гг.) 19

Кириллова Елена Анатольевна – соискатель кафедры истории России факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (С.-Петербург)
yahook7@gmail.com

В статье на основании ранее неизвестных архивных документов рассматриваются мероприятия Исполнительного комитета Петроградского (Ленинградского) губернского Совета по отношению к опантам, проживавшим в Петрограде и Петроградской губернии в начале 1920-х гг. Особое внимание уделяется мерам Административного отдела Петроградского губисполкома по увольнению опантов,

работавших в Отделе коммунального хозяйства, а также кампании в петроградской советской прессе против опантов. Делается вывод о том, что эти мероприятия были направлены на чистку государственных учреждений от опантов и выдворение их из Советской России (СССР).

Петроград (Ленинград), Петроградская (Ленинградская) губерния, Исполнительный комитет Петроградского (Ленинградского) губернского Совета, коммунальное хозяйство, опант, чистка аппарата, кампания в печати

Крыжан А.В. Обыватель и советская юстиция: из опыта использования политической демагогии в повседневном общении с властью (Курская губерния, 1920-е гг.)38

Крыжан Анна Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Регионального открытого социального института (Курск)
kryjhan@mail.ru

В статье на основе малоизвестных архивных документов, рассматриваются взаимоотношения обывателя и органов юстиции в первое десятилетие Советской власти. В центре внимания – использование обывателями Курской губернии политической демагогии и революционных лозунгов как инструмента достижения своих частных целей в общении с местной властью. Делается вывод, что в начале 1920-х гг. навязывание массам революционных лозунгов вызвало «эффект бумеранга»: во взаимоотношениях с центральными и местными органами Советской власти, в частности с органами юстиции, обыватель начал активно использовать революционную демагогию. Она стала средством для оправдания корыстных и неправомерных действий, для представления их как соответствующих большевистским идеям.

Курская губерния, Советская власть, местный государственный аппарат, органы юстиции, обыватель, повседневность, политическая демагогия

Антибольшевистская Россия

Исповедников Д.Ю. Освещение дальневосточного приграничья разведкой штаба Иркутского военного округа (1918 – 1919 гг.) ... 48

Исповедников Дмитрий Юрьевич – аспирант кафедры археологии Историко-архивного института РГГУ
mitispo@gmail.com

В статье на основе ранее неизвестных документов штаба Иркутского военного округа, хранящихся в РГВА, впервые в отечественной историографии рассматривается деятельность белогвардейской разведки на Дальнем Востоке во время Гражданской войны. Особое внимание уделяется аппарату разведки и организации агентурных сетей на приграничных территориях в Монголии и Урянхайском крае. Делается вывод о том, что, несмотря на дефицит человеческих и финансовых ресурсов, разведка была вполне работоспособной. Однако работа по тем направлениям, которые разведка считала приоритетными, в условиях Гражданской войны оказалась мало результативной. С другой стороны, ее разведывательные сводки сведений о дальневосточном приграничье были использованы Советским государством в послевоенное время.

Гражданская война в России, Дальний Восток, Иркутский военный округ, штаб округа, разведка, агентура, разведывательные сводки, Монголия, Урянхайский край

События и судьбы

Таймасова Л.Ю. Тайны Ливонской войны: герцог Магнус Голштинский, Московская компания и английская контрабанда через русское «оконце в Европу» 58

Таймасова Людмила Юлиановна – стажер-интерн Европейского отдела Библиотеки Конгресса США, литератор
taimassova@yandex.ru

В статье на основании малоизвестных источников исследуется роль Англии в переделе сфер влияния в Балтийском регионе в годы Ливонской войны. Рассматривается также деятельность английской Московской компании по контрабандным поставкам английского оружия через пролив Зунд и Нарву в страны Балтийского региона. Главное внимание уделяется проекту Ивана IV по созданию Ливонского королевства во главе с герцогом Магнусом Голштинским в контексте дипломатической войны за Ливонию. Выявляется также прямая связь между намерением Московской компании перенести торговые операции из Нарвы в Ревель и Ригу и борьбой России за

обладание этими городами. Делается вывод, что тайные поставки английского оружия странам-участницам Ливонской войны через Нарву способствовали становлению Англии как крупнейшей морской державы.

Ливонская война, Иван IV, герцог Магнус Голштинский, Московское царство, Англия, Дания, Швеция, Речь Посполитая, Московская компания, Нарва, Ревель, Рига, морская торговля, контрабанда, поставки оружия

У книжной полки

Шушкова М.Е. К изучению опыта управления Туркестанским краем в начале XX в. 113

Шушкова Маргарита Евгеньевна – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала РГГУ в г. Железнодорожный (Московская обл.)
margyritta@freemail.ru

В статье анализируется монография **Е.А. Глущенко «Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования» (М., 2010)**. Показывается, что в монографии, на основе широкой источниковой базы, подробно освещаются присоединение Средней Азии к Российской империи и образование Туркестанского края. Оценивается авторский анализ организации управления Туркестанским краем и колонизации этой национальной окраины, а также жизни коренного мусульманского населения, его взаимоотношений с русскими властями. Делается вывод, что монография Е.А. Глущенко стала важным шагом в изучении исторических судеб народов Средней Азии и российского опыта управления Туркестанским краем.

Е.А. Глущенко, историография, Средняя Азия, ислам, колонизация, Туркестанский край, государственное управление

Войтиков С.С. Рецензия на книгу: **Кикнадзе В.Г. Невидимый фронт войны на море: Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М., 2011.** 119

Войтиков Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Главного архивного управления г. Москвы
svoyt@mail.ru

<i>Александров К.М.</i> Новая книга о русской военной эмиграции в годы Второй мировой войны	121
---	-----

Александров Кирилл Михайлович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Энциклопедического отдела Института филологических исследований СПбГУ
aleksandrov_k@inbox.ru

В статье в контексте современной практики изучения истории русской антибольшевистской эмиграции в период Второй мировой войны анализируется книга **К.Л. Котюкова «Роковое разделение: Русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии» (М., 2012)**. Отмечаются достоинства и недостатки книги. Оцениваются круг использованных источников и литературы, корректность описания исторических событий, методы и выводы. Особое внимание уделяется вопросам, которые остались не рассмотрены в книге.

К.Л. Котюков, историография, Вторая мировая война, русская эмиграция, Югославия, Русский корпус, коллаборационизм

CONTENTS, AUTHORS, ABSTRACTS

Articles

<i>A. Astashov</i> Self-mutilation and Sham Illnesses in the Russian Army during the World War I	6
--	---

Alexander B. Astashov – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of the Modern History of Russia, Institute for History and Archives, RSUH
astashsh@yandex.ru

This article based on documents from the Russian State Military History archive and special medical literature looks into self-mutilation and sham illnesses in the Russian army in the World War I, focusing on their scale, forms and development as well as the methods used to combat these violations of military discipline. It is concluded that the command, military justice, and military medicine were unable to deal with these ways of mass avoidance of military service. It was caused by insufficient technical facilities, weak medical expertise, and a lack of legal and organizational means.

World War I, Russian army, military personnel, military discipline, self-mutilation, sham illness, military justice, military medicine

<i>E. Kirillova</i> “All Must Be Fired Immediately”: Optants in Soviet Civil Service (from the history of municipal economy of Petrograd in the early 1920’s)	19
---	----

Elena A. Kirillova – Postgraduate Student, Department of Russian History, Faculty of Social Sciences, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint-Petersburg)
yahook7@googlemail.com

The article based on previously unknown archival documents investigates the measures of the Executive Committee of the Petrograd (Leningrad) Provincial Soviet against optants who lived in Petrograd and Petrograd province in the early 1920’s. Particular attention is paid to actions taken by the Administration Department of the Petrograd Executive Committee aimed at the dismissal of the optants working in the Department of municipal economy, as well as the anti-optants campaign

in the Petrograd Soviet press. It is concluded that these activities were designed to purge public institutions from the optants who were to be deported from Soviet Russia (USSR).

Petrograd (Leningrad), Petrograd (Leningrad) province, Executive Committee of Petrograd (Leningrad) Provincial Soviet, municipal economy, optant, personnel purge, campaign in the press

A. Kryzhan A Common Citizen and Soviet Justice:

On the Use of Political Demagogy in Daily
Communication with the Authorities (Kursk Province, 1920s) 38

Anna V. Kryzhan – Candidate of History, Department of the Humanities, Regional Open Social Institute (Kursk)
kryjhan@mail.ru

This article examines some obscure facts from archival documents about the relationship between rank-and-file citizens and judicial authorities during the first decade of the Soviet power. It focuses on all sorts of demagogy and revolutionary slogans used by the inhabitants of the Kursk province as an instrument to achieve their private purposes in communication with the local government. The conclusion goes that in the early 1920s the revolutionary slogans that would be imposed on the masses caused “the effect of a boomerang”: the citizens took to revolutionary demagogy when dealing with central and local Soviet bodies, particularly with judicial authorities. It turned out to be a means for the justification of their selfish and illegal actions being presented as if complying with appropriate Bolshevik ideas.

Kursk province, Soviet power, local government, judicial body, organs of justice, common citizen, every-day life, political demagogy

Anti-Bolshevik Russia

D. Ispovednikov Intelligence Operations

of Irkutsk Military District’s Headquarters
in Russia’s Far East Borderline Areas 48

Dmitriy Yu. Ispovednikov – Postgraduate Student, Department of Archeography, Institute for History and Archives, RSUH
mitispo@gmail.com

Based on previously unknown documents of the Intelligence department of Irkutsk Military District’s headquarters from the Russian State Military Archive, the article is the first attempt in the Russian historiography to analyze the activities of the “White Guard” intelligence service in Russia’s Far East during the Civil War. Particular attention is paid to the Intelligence department’s structure and its agent networks in the borderline areas in Mongolia and Uraanhai Krai (Tannu Uriankhai). It is concluded that the intelligence service was quite viable, despite the shortage of human and financial resources. However, the work in what the Intelligence department considered its priority areas turned out to be ineffective in the conditions of the Civil War. It is mentioned that the obtained intelligence data about the Far Eastern borderlands were used by the Soviet state after the war.

Civil war in Russia, Far East, Irkutsk Military District, military district headquarters, intelligence, agents, intelligence data, Mongolia, Uraanhai Krai (Tannu Uriankhai)

Landmarks in Human History

L. Taimasova Secrets of the Livonian War: Duke Magnus
of Holstein, the Muscovy Company and English smuggling
operations across the Russian “little window” to Europe 58

Liudmila Ju. Taimasova – Intern, European Division, Library of Congress (USA), Writer
taimasova@yandex.ru

The article based on sources of little renown examines the role of England in the repartition of spheres of influence in the Baltic region during the Livonian War. Attention is paid to the activities of the English Muscovy Company smuggling English arms across the Strait of Öresund and Narva to the countries in the Baltic region. The author focuses on the plan of Tsar Ivan the Terrible to establish the Kingdom of Livonia with Duke Magnus of Holstein at the head, in the context of the diplomatic war for Livonia. It is also revealed that there is a direct relation between the intention of the Muscovy Company to transfer its trade operations from Narva to Revel and Riga and Russia’s claim for these cities. It is concluded that the secret English arms deliveries to the countries participating in the Livonian War through Narva contributed to the positioning of England as a major sea power.

Livonian War, Ivan the Terrible, Duke Magnus of Holstein, Muscovy, England, Denmark, Sweden, Rzeczpospolita, Muscovy Company, Narva, Revel, Riga, maritime commerce, smuggling, arms supplies

Book Reviews

M. Shuhkova On the Study of State Management
in Turkhستان Krai at the beginning of XX century 113

Margarita E. Shushkova – Lecturer, Department of the Humanities,
Social and Economic Disciplines, RSUH Affiliate in Zheleznodorozhny
(Moscow oblast)
margyritta@freemail.ru

The article analyzes the monograph by **E.A. Gluschenko** “**Russia in Central Asia: conquests and transformations**” (Moscow, 2010), covering in detail the accession of Central Asia to the Russian Empire and the formation of Turkestan Krai, based on a broad range of sources. The article offers an assessment of the author’s analysis of state management in Turkestan Krai and the colonization of this national periphery, as well as the life of the indigenous Muslim population, and its relationships with Russian authorities. It is concluded that E.A. Glushchenko’s monograph is an important step in the study of historical destinies of the peoples in Central Asia and of Russian experience in the state management of Turkestan Krai.

E.A. Gluschenko, historiography, Central Asia, Islam, colonization, Turkestan Krai, state management

S. Voytikov Book Review: **Kiknadze V.G. Invisible War
Front at Sea: The Naval Radio-Electronic Intelligence
in the first half of the XX century. Moscow, 2011.** 119

Sergey S. Voytikov – Candidate of History, Chief Scientific
Researcher, Moscow Chief Archival Department
svoyt@mail.ru

K. Aleksandrov A new book about Russian
military emigration during the World War II 121

Kirill M. Aleksandrov – Candidate of History, Senior Researcher,
Encyclopedic Department, Philological Faculty, Saint-Petersburg State
University
aleksandrov_k@inbox.ru

The article is a review of the book “**Fatal Separation: Russian Military Emigration during the World War II on the Occupied Territories of the Soviet Union and Yugoslavia**» (Moscow, 2012) by **K.L. Kotyukov**. The book is analyzed in the context of the recent practices of studying Russian anti-Bolshevik emigration during the World War II. The author of the article discusses the book’s pros and cons, the correctness of the description of the historical events, sources and literature used, conclusions and results of the research and issues which were not covered in the book.

K.L. Kotyukov, historiography, World War II, Russian emigration, Yugoslavia, Russian Corps, collaboration

Научное издание

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Компьютерная верстка В.В. Машко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.

Подписано в печать 11.12.2012

Формат 60x90/16

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9

Тираж 1500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати» 36574